

Артур Дарра

ЗЕМЛЯ ДОЖДЕЙ

История прощения

РОМАН

*Когда летишь в пропасть, присмотришь:
быть может, это небо, перевёрнутое вверх тормашками.*

От автора

Часть первая

БЕСКОНЕЧНОСТЬ СКВОЗЬ МЕНЯ

[1]

Как же это чертовски странно — остановившееся солнце.

Нет, правда! Висит оно себе в небе и совершенно не двигается. А ты глядишь на него, пристально наблюдая, и никак не можешь понять, кто из вас двоих идиот. Словно как матёрые ковбои, озадаченно уставившиеся друг на друга и напряжённо удерживающие руки в сантиметре от кобуры с пистолетом. Ещё какое-то мгновение — и грохот выстрелов. Однако же никто не решается произвести роковое движение первым.

Да, это очень странно. Ведь солнце должно перемещаться. Неизменно так было и неизменно так должно быть. Но теперь оно отчего-то замерло в небе, будто гвоздём прибитое. Намертво и безнадёжно. И, кажется, сколько за ним ни наблюдай — без толку. Словно у солнца отшибло память, и вспомнить свой прежний путь ему уже не дано.

Тут хоть и нерешительно, но сразу же проступают вопросы. Бог? Космические катаклизмы? Моя расстроенная фантазия? Кому под силу вот так взять и зафиксировать гигантскую раскалённую звезду в одном положении? И, конечно: что, чёрт подери, со всем этим делать?

Окружающие меня ромашки продолжали тихонько покачиваться на лёгком ветру. Горячий воздух усиливал их сладостный аромат, делал его более проявленным. Я лежал и вдыхал этот чудный запах, ощущая абсолютную расслабленность. Несмотря на того беспредельщика в небе, здесь было очень даже неплохо.

Сложив ладони во что-то похожее на подзорную трубу и сильно сощурившись, я снова и снова всматривался в солнце. Чего же ты замерло, как истукан? Что с тобой не так, дружище? Затем, вытянув руки, стал созерцать, как золотистые лучи мягко просачиваются сквозь пальцы. Спусти

несколько минут перед глазами поплыли разноцветные пятна. Глубоко вздохнув, я прикрыл утомившиеся глаза рукой.

Интересно, где я?

Вопрос действительно интересный. Вряд ли на планете есть такое место, где — при крайне длительном наблюдении — солнце не двигалось бы по своей излюбленной траектории. *Двигалось*, а не висело застывшим. Что же это получается? Я — вне планеты Земля? Но ведь вот же: зелёная трава, очаровательные ромашки, ясно-голубое небо... самые настоящие и привычные для землянина вещи!

Тогда что же это за место такое?

Снова потянул влажный ветерок. И снова я ощутил близость чего-то огромного. Будто что-то безмерное затаилось совсем рядом — затаилось и дышало прямо на меня. Однако увидеть *это* я не спешил. Хотелось удержать ощущение интригующей неизвестности как можно дольше. Такое состояние схоже с утренней дремотой — когда будильник уже прозвенел, но в запасе у тебя имеется ещё несколько блаженных минут. Минут, позволяющих поваляться в постели, пока не заревёт вторая сигнальная волна, которая станет окончательным предвестником тяжёлого вздоха, шаткой походки до ванной комнаты, завтрака-молчания и последующей привычной стычки с внешним миром. Но промежуток между двумя утренними «взрывами» — он у тебя всё же есть. И называется он — эйфория.

В конце концов, глубоко вздохнув, я... медленно присел. Обескураживающая масштабность тут же обрушилась на меня солёным ветром, приклеилась к ушам свистящим шёпотом, затопила нутро трепетом, вспыхнула перед глазами отрезвляющим пейзажем...

МОРЕ.

Огромное. Великое. Бесконечное!

...и я.

Совсем маленький. И одинокий.

Открыть глаза полностью казалось чем-то нереальным — ослепляло неподвижное солнце. На коже тут же заиграл ветер, заворошил волосы. Только сейчас я почувствовал сильную дрожь по всему телу, словно промок насквозь. При этом одежда да и сам я были сухими.

Странно.

Синяя клетчатая рубашка, чёрные джинсы, белые кроссовки — да, одежда моя. Однако само место было мне совершенно незнакомо. По-настоящему море я видел впервые. Откуда оно взялось? Вернее, откуда здесь взялся я? А может, это вообще океан?..

Ничего не понимая, я вытер ладонью слёзы: чёрта с два распахнёшь тут веки полностью. И всё же попытался взглянуть в размытую даль. Там — еле различаемый горизонт. Однотонная голубая бездна. Море и небо слились, точно сиамские близнецы. Разницы почти никакой. Разве что у неба было преимущество — Солнце. Будто неугомонно пылающий глаз, застыло оно недалеко от горизонта и к закату, по всей видимости, клониться не собиралось. Продолжало непримиримо раскаляться.

Впрочем, если подумать, то Солнце и не должно перемещаться. Это ведь функция Земли — вращаться вокруг него. Но тогда, выходит, не Солнце, а... *планета* застыла в одном положении?

Совсем запутавшись в физических законах Вселенной, я решил встать — словно какой-нибудь младенец, впервые познающий окружающий его мир. Но когда я это сделал и обернулся посмотреть на пейзаж за моей спиной, то действительно издал лишь детско-глупое «Ой».

Передо мной разверзлась та же бездна. Вездесущее море, плавно слипшееся с небесами. Вдалеке — ни единого проблеска суши. НИ ЕДИНОГО. Водная пустошь докуда хватало глаз. И вся суша — только здесь, подо мной. Крошечный островок с травой и ромашками, словно единственный оставшийся лоскуток земли на планете. А я — словно последний выживший из всего человечества.

С трудом держась на ногах, я поёжился. Тело по-прежнему дрожало, будто находился я не под горячим солнцем, а на самой глубине этого странного моря. Ощущение жара и холода одновременно.

Я простоял в растерянности несколько минут, прежде чем тихо произнёс:

— Бред какой-то.

Чувствуя слабость в ногах, я побрёл к берегу. Оказавшись у самой воды, я присел и медленно погрузил в неё руку. Ледяная, безмятежная, будто притаившаяся. Земля под крутым уклоном погружалась в неё, через метров пять погибая в непроглядной мгле.

Растерянно озираясь, я какое-то время просто стоял. Потом отправился к противоположному берегу. Там — то же самое. Никаких нововведений. Тогда, тяжело вздохнув, я вернулся обратно на возвышенность.

В результате обхода местности я имел в своём распоряжении следующее. Малюсенький, почти незаметный холмик-горбик на теле гигантского моря-монстра — круглый островок. Диаметр: пятьдесят шесть шагов. Земля обычная, чёрная, покрыта травой. На возвышенности — ромашки. Ну и я. Ничего не понимающий.

Не густо, не густо...

Прямо типичное начало какого-нибудь фильма или книги: герой приходит в себя в неизвестном месте и ни хрена не может понять, что происходит!

Даже представить сложно, как я мог сюда попасть. Чертовщина какая-то. Всё это походило на удивительный сон. Однако... просыпаться мне не хотелось. Отнюдь. Я бы с удовольствием продлил всё происходящее до бесконечности. И причина тому — голова. Здесь она стала работать по-иному. Беспорядочные и беспокойные мысли, которые я очень часто не мог остановить, теперь стали чистыми и лёгкими. Меня перестало волновать что-либо, кто-либо. Ни малейшей тревоги и напряжения. И это — настоящее открытие!

Нет, логическая причина моего нахождения здесь, конечно же, была мне интересна. Так, слегка. Как это бывает, когда человек после привычного будничного дня в коротких предсонных блужданиях ума иногда случайно забрасывает мысль за пределы своих дневных дел и переживаний, куда-то в область глубинных вопросов о Бытии и Вселенной, так и я бегло и поверхностно пытался объять пониманием своё пребывание на этом островке.

Но не получилось.

Во всяком случае, пока. Быть может, плохо старался. Да... пожалуй, не особо и хотелось. Что-то происходило, и мне это нравилось. Раз уж оказался здесь, то, наверное, так и должно быть. А все возможные тускло сияющие на доньшке сознания догадки были настолько далёкими, бесформенными и трудноуловимыми, что нисколько не волновали мой мозг. Только не сейчас.

Лишь одно очень значимое обстоятельство смущало меня в эту минуту больше всего.

С о л н ц е.

В этом хоть и безмятежном месте буйствовало просто беспощадное пекло. Небесное светило обжаривало меня, точно семечку на раскалённой сковородке. Нужно было срочно спасаться: с такой жарой долго здесь не протянуть.

Я вновь поднял глаза на море. Прятаться от обжигающих лучей в воде — идея, несомненно, занятная. Но, к сожалению, чревата пневмонией. А она мне здесь совсем не к месту. Поэтому было бы неплохо придумать что-нибудь другое.

Я опустил взгляд к земле. Затем, раздвинув ногой траву, слегка потоптал чёрную твердь, поддел рытвину носком кроссовка и, присев, прикоснулся рукой к сухой почве.

Точно...

Нужно вырыть яму.

В ней мне будет прохладнее. И чем глубже она получится, тем будет лучше. Именно с этого, понял я, и стоит начать.

Не откладывая дело в долгий ящик, я решил рыть там, где и очнулся. С возвышенности открывался лучший вид на островок, да и спокойнее я себя здесь чувствовал — вся суша как на ладони. Расстегнув и сняв рубашку, я бросил её на траву. Потом с небольшим сожалением принялся срывать ромашки, выдирать траву, расчищая путь к земле. Когда добрался до неё, понял, что лёгкого досуга мне не видать.

Земля сразу же ответила твёрдостью. Чтобы снять её верхний слой, потребовалась куча времени и сил. На острове не было ни одной палки, ни одного камушка, ну хоть чего-нибудь, что могло бы мне помочь. Пришлось рыть исключительно собственными ладонями. Безумие просто.

Чуть глубже земля пошла немного влажнее, мягче. Руки мои вскоре стали черными, а пот окутал всё тело и заблестел в лучах, тут же высыхая.

Спустя неизвестное мне количество времени я вырыл, как мне показалось, достаточно глубоко — и влез в получившуюся яму. Осторожно лёг. От земли исходила умиротворяющая прохлада — то, что надо. Однако всё же маловато, подумал я. Нужно рыть дальше.

Выбравшись из ямы, я снова сел на колени и продолжил трудиться. Вскоре пальцы одеревенели — ощущение, что вот-вот хрустнут и отвалятся. Кожа, казалось, уже начала плавиться, в горле хрипела жажда, капли пота отвлекаяще ползали по всему телу. Лишь редкий прохладный ветер время от времени по-дружески опускал на мои плечи свои лёгкие руки, и в такие

мгновения я переставал рыть и закрывал глаза, сосредотачиваясь на приятном ощущении.

Спустя, наверное, часа два напряженной работы мне пришлось остановиться. На меня глядела полуметровая глубина моих стараний, но что-то в происходящем стало не так. Солнце, которое горячо дышало мне на шею и спину, вдруг ослабло. Будто и вовсе пропало. Это ещё что за дела такие, подумал я.

И озадаченно приподнял голову. Нет, солнце по-прежнему мощно раскаляло весь островок. Просто странная тень нависла только надо мной.

[2]

— Не рановато для могилы? — раздался шёпот.

Сжимая в кулаке горсть земли, я быстро повернул голову. Человекоподобная фигура была величественно окаймлена ярким солнечным прожектором. Мои глаза тут же заслезились от попытки разглядеть лицо стоявшего существа. Предчувствие, однако же, было отнюдь не самым радужным.

— Дьявол?.. — хрипло спросил я. И, сам того не заметив, чуть передвинулся назад и с грохотом провалился в яму.

Надо мной раздался неожиданно громкий смех. Женский.

— А что, так похожа?

Прядя в себе после падения, я приложил ладонь ко лбу в виде козырька и из ямы всмотрелся в нарушителя моего покоя.

...Волосы золотом выются до самых локтей. Подол ярко-красного сарафана, касаясь колен, колышется на ветру. Белые сандалии облегают босые ноги. Худые плечи и руки. Светлая кожа. На лице приветливая улыбка. Точнее, самозабвение от смеха...

Передо мной стояла самая обычная девушка. Восемнадцати, может, двадцати лет на вид. Стояла — и хохотала над свалившимся в яму, вспотевшим, грязным, замученным человеком. И правда, потешалась надо мной она основательно.

— Что ты делаешь? — наконец спросила она, заметив, что мне совсем не до смеха.

Я глянул на оставшиеся крохи земли в одной руке, затем на свой обнажённый торс, затем на яму вокруг себя, а затем снова на девушку.

— Копаю, — ответил я.

— Уж не могилу ли?

Я снова огляделся.

— Посмотрим, что получится... Может, и могилу. Похоже, в этом месте именно она меня и ждёт...

— А как ты здесь оказался?

— Не помню.

Она присела на колени у края ямы. Затем, чуть нагнувшись, опустила в неё руки и, к моему огромному изумлению, принялась рыть.

Я быстро подобрал под себя ноги, слегка отсев от того места, где оказались её руки.

— Ты кто? — спросил я, не отводя от неё ошеломлённого взгляда. И понял, что наш диалог, а вернее, вся эта ситуация складывалась какой-то донельзя глупой и наивной.

Девушка ухмыльнулась и чуть было не прыснула от смеха вновь. Но сдержала порыв, продолжая выгребать землю.

— Ну, можешь называть меня Дьяволом! — выговорила она. — Если тебе так нравится. Но в этом случае у нас какой-то ужасник получается. Ты оказался один на острове, и тут объявился... сам Дьявол!

— *Девушка*, — поправил я, чувствуя себя неловко. Действительно, чего так разнервничался?.. — Не дьявол, а девушка. И у нас, сдаётся мне, совсем другая история, нежели страшилки про дьяволов.

— Правда? И какая же она, *наша* история?

— Грустная. Очень грустная.

Прекратив рыть, она посмотрела на меня. Изучающе, что-то внутри высматривающе, ищуще. Глубокий и загадочный взгляд, несмотря на беззаботно-улыбающееся лицо.

— И почему же она такая грустная? — спросила она.

— Я умер. Что же здесь весёлого?

— Ты правда считаешь, что умер?

— А иначе, что я делаю посреди бескрайнего моря на этом малюсеньком острове? — Я обречённо вздохнул. — Ещё и разговариваю со странной девицей, появившейся откуда ни возьмись. Ну, точно не жилец.

— Проблеск логики в твоих словах, конечно, имеется. — Она задумчиво приспустила брови. — Но, по-моему, ты упускаешь из виду очень важный момент.

— Какой же?

— Как ты можешь быть мёртв, если ты... *думаешь*?

— Я всегда думаю. Всегда, везде и при любых обстоятельствах. Правда... здесь всё стало немного иначе.

— Так ведь живым людям свойственно думать! — снова ухмыльнулась она.

— Наверное...

— Может, расскажешь о себе побольше?

— Не знаю. Нужно ли?

— Так ты хочешь понять, как попал сюда, или нет?

Я промолчал.

— Если да, то было бы неплохо, чтобы ты поведал о себе хоть что-нибудь. А там, глядишь, и всё остальное прояснится.

— Всё же для начала мне бы хотелось узнать, как зовут тебя, что это вообще за место такое и что ты здесь дела...

— Должна тебя предупредить, — прервала она меня. Да таким голосом, будто зачитывала смертный приговор; от недавнего смеха не осталось и малейшего следа. — Как только ты задашь три волнующие тебя вопроса, на которые получишь от меня ответы, я уйду и больше никогда не появлюсь. Поэтому будь избирателен и внимателен в том, что хочешь спросить.

— М-м... — озадаченно протянул я. — Странные капризы странной девушки?

Она не ответила, продолжая серьёзно и усердно выгребать землю и совсем не боясь замарать свой красивый сарафан. Ситуация действительно складывалась какая-то до невозможности дебильная.

— Ладно, — сказал я. — Раз так, поберегу вопросы и придумаю тебе имя сам. Если ты, конечно, не против.

— Не против. Но только давай на этот раз что-нибудь поинтереснее Дьявола! — весело улыбнулась она. — Как бы ты хотел меня называть?

Странно. И куда теперь подевалась вся её серьёзность? Куда она её так ловко запрятала? Какая-то уж совсем непредсказуемая... Её появление вынуждало меня снова начать рассуждать. Расслабленность мыслей

постепенно улетучивалась. Приходилось опять напрягать извилины и заводить этот ужасный двигатель...

— Хороший вопрос, — ответил я. — Учитывая тот факт, что я умер, мне хочется верить, что это место всё-таки хоть немного, но ближе к раю, чем наоборот. А если представить наш островок таким Эдемским садом, хоть и без дерева, то... почему бы тебе не стать Евой?

Она усмехнулась.

— А ты потянешь на роль Адама?

— Ну-у... грешить я умею.

Рассмеялась. Громко, искренне, возбуждающе.

— В таком случае, по рукам. Я — Ева. А мне тебя называть Адамом?

— Нет... Я Роман. Просто Роман.

— Хорошо. Что тебя сюда привело, Роман?

Я замолчал, не зная, что и ответить.

— Какая-то страшная тайна? — Девушка скорчила ужасную гримасу, направив на меня измазанные землёй руки. — А ну-ка, доставай своего скелета из шкафа! Или, может, хочешь сказать, что у тебя нет тайн?

— У каждого есть свои тайны, — произнёс я вполголоса. — Но *мои* даже не назвать «скелетом в шкафу». Скорее уж, целое кладбище. — Я тяжело вздохнул. — Да-а... Похоже, именно мои ужасные тайны и привели меня сюда.

— Не слишком ли славное место для прокажённых грешников? — Она осмотрелась вокруг и провела ладонью по верхушкам ромашек. Тоненькие стебельки чуть дрогнули, подогнули свои головки под её прикосновениями, а затем снова встрепенулись и величаво вытянулись. На ромашках не осталось никакой черноты от её руки. Такие же белые и невинные.

— Ты права, что-то здесь не ладится, — задумчиво ответил я.

Тут новоиспечённая Ева спрыгнула в яму, села напротив меня, до сих пор ошалевшего, и продолжила рыть.

— Давай будем выкапывать твою могилу, а ты в это время чего-нибудь рассказывай.

— Тебе не обязательно... не обязательно копать вместе со мной, — сказал я, снова почувствовав себя крайне неловко от всего происходящего.

— Ну что ты! Мне совсем не тяжело. К тому же я хочу тебе помочь. И было бы неплохо сразу подружиться, да и впредь помогать друг другу. Верно говорю? Мы же с тобой совершенно одни на этом острове.

Я снова не нашёл, что ответить.

— Послушай, Роман. — Ева подняла на меня свои зелёные глаза. — Ты можешь быть со мной открыт и рассказывать всё, что захочешь. Отныне мы с тобой будем вместе.

— Вместе?.. — вымолвил я.

— Надеюсь, ты не против? — Она подмигнула, растянув уголки губ.

— Ну, здесь бы я провёл целую вечность, если можно.

— Ну, тогда всё в порядке! — одобрительно кивнула она. — Хорошо, что мы нашли общий язык.

Неужели я действительно отныне буду на этом островке вместе с ней? До окончания времён?..

— Но ответив на три моих вопроса, ты исчезнешь, верно?

— Верно.

— Значит, моё любопытство может стать угрозой нашей дружбе?

— Именно. Иногда навязчивое любопытство — лишнее. Но если захочешь спросить что-то важное — не стесняйся.

Я почесал затылок, пытаясь осмыслить сказанное.

— Но разве тебе самой... не любопытно узнать обо мне? — спросил я. — Ты же сама хочешь, чтобы я рассказал о своей жизни. Разве не так?

— Это в твоих же интересах, понимаешь? Для тебя самого. Чтобы ты сам в себе разобрался. А я просто составлю тебе в этом деле компанию. Побуду рядом, выслушаю.

— Хм...

— Ну что, Роман, — игриво потирая ладони, сказала Ева. — Ты мне, наконец, расскажешь, как оказался здесь? Или и дальше будешь с кислой миной глядеть на меня и на то, как я уже *минут пять* выгребаю эту землю из *твоей* могилы?!

...Стоит ли рассказывать ей что-либо? И не странно ли это? Впрочем, не странно ли всё происходящее? Если бы она не появилась, ничего не пришлось бы вспоминать. Я и дальше продолжал бы оставаться наедине с собой, растворяться в безмолвии и спокойствии. А теперь... теперь мне и самому захотелось разложить этот противоестественный и пока что непонятный для меня пазл. Но... зачем? Ведь мне и без этого хорошо.

— Ну? — всё вопрошала Ева, дырявя меня взглядом. — Ты начнёшь уже, в конце концов?

Впрочем, если бы даже и не хотелось, всё равно пришлось бы вспоминать. Девушка-то крайне настойчивая. И громкоголосая. Все изначальные планы на безмятежность выветривает моментально.

— Не знаю, с чего начать... — произнёс я. И тоже принялся рыть землю, выбрасывая её из ямы. — Совсем не помню последних событий. Полнейшая темнота в сознании.

— Как можно *совсем* не помнить? Напрягись хорошенько!

Я ещё раз задумался.

— Увы...

— Что ж, — вздохнула Ева, запястьем убирая со лба прилипшие от пота волосы. — Тогда начни с самого начала. С того, что помнишь.

— С самого детства?

— Если считаешь нужным, то почему бы и нет. Начни с детства.

— Пожалуй, ты права... Но прежде, чем начну, я хотел бы задать свой первый вопрос.

— Слушаю. — Она внимательно посмотрела мне в глаза.

— *Почему солнце не движется?*

Ева выпрямила осанку и, чуть прищурившись, взглянула на небо.

— Если бы оно двигалось, — сказала она, — то тебя бы здесь не было. Застыло оно — застыло время — застыл и ты.

Она выговорила это с такой обыденной интонацией, как будто дважды два вслух посчитала. Затем вернулась вниманием к яме, сложила обе ладони лопаткой и погрузила их во влажную почву.

— То есть мы сейчас находимся в некоем... режиме паузы? — уточнил я.
— Но ведь мы движемся, говорим.

— Это твой второй вопрос?

— Нет, не отвечай! — Я резко замотал головой. — Я должен обдумать это сам. Иначе растрочу все вопросы впустую.

— Хорошее решение, — улыбнулась она.

Какое-то время я сидел молча, прокручивая в голове ответ на первый вопрос. Но вскоре поймал на себе тяжеленный взгляд Евы — ждёт не дождётся, когда начну рассказ.

Я откашлялся, смочил языком сухие губы и сделал очень глубокий вдох.

— Итак...

...Жизнь моя покатила к кубарем в пропасть с самого рождения.

Меня, совсем крошечного малыша, обнаружили на крыльце... нет, не детского дома. Тот, кто меня бросал, был сообразителен — знал, что до трёх лет сироты и отказные малютки попадают в дом ребёнка. Вот туда меня и забросили. Прямо на ступеньках оставили. Прямо сценка из идиотского русского сериала, ей-богу.

Там-то я и провёл самые первые годы своей жизни, после чего, как и полагается, был переведён в обычный детский дом. Вскоре в новом пристанище все откуда-то пронюхали, каким именно образом я оказался забытым и вычеркнутым из чьей-то жизни. Конечно, я слышал, бывали случаи, когда младенцев находили даже в мусорном контейнере. Но всё равно, сколько потом не спрашивал у других детей из своего детдома, никто из них не подвергся подобной участи: только я — подброшенный прямо к дверям учреждения. И правда, дешёвый мелодраматичный сериал, блин.

— Смотрите-ка, Птенчик идёт! — часто слышал я ржач, когда стал чуть постарше. — Эй, Птенчик-Подкидыш! А куда твоя Мама-Птичка подевалась? Выронила тебя из клюва на крылечко и улетела в тёплые края?

Хотелось врезать. Сломать нос. Выбить зубы. Вырвать нахрен ноздри. Но я знал, что ничто из этого неосуществимо с моей неблистательной комплекцией. Проглатывал. Молча и безропотно. Переваривая горячую и терпкую ненависть в своём желудочном соку.

Чаще всего эти режущие слова принадлежали уроду, называть имя которого даже при упоминании о нём было бы слишком великодушно по отношению к нему и к тому, что он делал со мной все эти годы. Про синяки, шрамы и переломы рук — ещё ладно: воспитатели могут поверить, что ты просто плохо манёвренный спортсмен. Но когда прилюдно (не при воспитателях, конечно же) на тебя летят оскорбления, и все ребята, словно по приказу, начинают хохотать над тобой, тут уж положение становится действительно чрезвычайным. Бесконечное личное военное положение, если хотите. Бесконечное ожидание опасности, ежедневно сопровождающееся возрастающей в твои клетки каменной напряжённостью. словно ты один-одинёшенек против всего мира.

Да в принципе так оно всегда и было.

Когда мне исполнилось тринадцать, я сходил в тот самый дом ребёнка, который прибрал меня на заре моего существования. Не знаю, что я хотел там узнать. Вероятно, хоть какую-то крупицу информации о себе самом. Воспитатели встретили меня с пониманием. Они рассказали, что тогда стояла ранняя холодная весна и меня сразу же доставили в больницу на обследование. Там, в одеялах и шали, в которые я был укутан, нашли листок бумаги. На нём было написано одно слово. Моё имя. А поскольку шёл тогда 1991 год, тот самый, когда распался СССР, то после всех этих масштабных государственных событий мне в память о былой эпохе, недолго думая, решили дать фамилию *Советский*.

Означает, меня бросали обдуманно, твёрдо, раз даже завернули в тряпки и имя дали. Всё, что мне осталось от тех, кто вышвырнул меня из своей жизни, — это пять букв русского языка. Единственный подарок на прощание.

В итоге всё моё сознательное детство прошло бок о бок с другими отказниками и сиротами. Но, всё-таки если сравнивать меня с ними, имелась во мне — помимо «приземления прямо на крылечко» — ещё одна ярко отличительная черта. Точнее, две.

Первая: это отстранённость от всех и вся. Ну, тут всё понятно. Мне всегда было гораздо лучше одному, чем с компанией. Всегда и везде. Отчего за мной прочно закрепился ярлык отшельника и вечного молчуна.

А что касается второй отличительной черты, то... здесь всё немного сложнее. Проявляться она начала, когда я учился в пятом классе. И назвать её можно способностью к *многослойному прогнозированию*. Полагаю, на этом месте нужно остановиться поподробнее. Однако для этого придётся вернуться к теме уродства. К тому самому безымянному отморозку, который неумолкаемо высмеивал и обливал оскорблениями меня и всех остальных. Глядя на него, я действительно начинал убеждаться в том, что человек произошёл от обезьяны.

Как я уже говорил, часто на роль жертвы он выбирал меня: тихого и слабенького. Никто не смел ему перечить: он был самый мощный и борзый среди нас — своих ровесников. Поэтому подавляющее большинство ребят, угодничая, интенсивно смеялись над его проделками — только бы самим не получить по морде. Если он принимался над кем-то издеваться, они тут же начинали ему поддакивать и глумиться над его жертвой вместе с ним: «А-ха-ха-ха! Да, дай ему ещё! Вмажь посильней! Ха-ха!»

Я же всегда смотрел на этого ублюдка с безмолвной ненавистью и старался обходить стороной. Но нередко случалось так, что добирался он до меня основательно. Нет, до рукоприкладства доходило не так уж часто. Но даже в этом случае никто не решался жаловаться воспитателям. Стукачи у нас сразу же выдвигались в ряды мучеников до конца своего пребывания в детдоме.

В основном всё ограничивалось словесным унижением, словесной игрой. В одни ворота. Мои. С самого детства я никогда не мог сказать ему ни слова. Просто не знал, что противопоставлять этому гаду. Тогда в моей маленькой голове ещё не было грязи, чтобы поливать ею остальных. Но благодаря ему она начала появляться.

Обожаемым для него делом было оскорблять меня на виду у всех заявлением, что меня *настолько* не любили, что выбросили умирать на крыльцо. Я, когда уже всё было кончено, злобно проговаривал в голове ответные фразы. Фразы, которые мог бы ему сказать, но не сказал в силу подскочившего адреналина. Мысль, невероятно нужная в этот напряжённый момент, всегда предательски отсутствует.

А ведь он сам, как и я, — тоже брошенный судьбой. Тоже без родителей. Тоже никому не нужный. Но именно меня он выставлял ущербнее всех. Постоянно вваливался к нам в спальню, шарил в полках на предмет чего-нибудь съестного или того, что можно опопшлить, и никто не смел ничего ему сказать. Потом он уже шёл ко мне и заводил свою скверную пружину. Всё это неизменно приводило к тому, что я оказывался осмеянным и безвозмездно униженным — без возможности вставить хоть какое-нибудь защитное словечко.

Что и говорить. Мир в детстве так и норовит уйти из-под ног. Будь то первое тяжелое оскорбление, брошенное в тебя со всего размаха; или — что ещё хуже — первый сносящий с ног кулак. Когда маленький, ты не знаешь, как на всё это реагировать. В такие моменты опоры просто нет. Не за что ухватиться. Так рождается отчаяние.

В один момент притеснений и издевательств стало настолько много, что моя психика, видимо, не выдержала напора — и начала вытворять со мной что-то странное. Она начала обороняться. И настолько искусно, что поначалу я даже не верил происходящему.

После очередного контакта с тем уродом я вдруг решил, что хватит. Что больше подобного не допущу. И стал заранее припасать в голове десяток-

другой хороших задиристых фраз. Я даже записывал их в специальную тетрадку. Вскоре у меня уже имелись готовые варианты того, как я поступлю и что скажу в той или иной конфликтной ситуации. Я просчитывал в голове вероятные повороты в горячих спорах — так, чтобы не попасть впросак и выйти из них с наилучшим исходом.

Невероятно, но со временем у меня получилось дать словесный отпор тому козлу. Несколько раз он опять пытался ко мне пристать, но видя, что я прочно стою под натиском атаки и не включаюсь в его игру, удалялся к кому-нибудь другому. Да, он стал понимать: ему не получить от меня того, чего он хочет. Я не показывал ему страх. Не раболепствовал перед ним. А лишь твёрдо и уверенно держал ответ — так, что даже не за что было зацепиться.

«Чё-то ты какой-то стрёмный стал, Птенчик. Скучно с тобой. Ладно-о-о, живи, собака! Успею ещё до тебя добраться», — сказал он однажды и, ударив меня в плечо, отправился донимать кого-то другого.

Это был успех.

Но на этом я не остановился. Меня начала увлекать моя способность. Я стал всё больше обращать внимание на то, как общаются люди. В школе, городском транспорте, детдоме, магазинах, на улице. Я пытался понять, почему они разговаривают именно так и никак иначе. Чем руководствуются при выборе ответа. Я стремился глядеть глубже слов. Вникнуть в суть человека. Так я постепенно стал подмечать для себя очень интересные детали.

Дело в том, что нередко в обыденной беседе с человеком можно без труда предсказать, что он скажет: чаще всего люди — неоригинальны. А это уже является половиной успеха, если ты хочешь выйти из спора победителем. Ну, или хотя бы не проигравшим. Необходимо лишь научиться регулировать появляющиеся мысли твоего собеседника. Что я и делал.

Моя способность продолжала развиваться.

Нетрудно догадаться, что если человек в разговоре на мгновение замолкает, то он размышляет над своим ответом. Ищет, что сказать. А мне замолкать в спорах необходимости уже не возникало. Мысли в моей голове каждую секунду размножались, переплетались, образуя массу новых соединений. И даже если мой собеседник ничего ещё не сказал, но вот-вот собирался это сделать, я заранее просчитывал возможные варианты его

ответа и сам же мысленно «отбивал» их своими. И тянул эту ментальную цепочку дальше, и дальше, и дальше.

Так что, когда собеседник-оппонент наконец извлекал из своего речевого аппарата колкую фразу с целью задеть меня за живое, я уже имел ещё более изощрённую. Ту, которая полностью покрывала, словно козырем, его словесную карту. Да и вместе с ней его самого. Такая скорость часто приводила в замешательство собеседника. Он начинал теряться и путаться в словах. А это означало только одно. Мою победу.

Как ни странно, но всё это я действительно делал только ради того, чтобы сократить до минимума число людей, вторгающихся в моё личное пространство. Порой хватает лишь грамотно отшить человека, чтобы он к тебе уже больше никогда не сунулся. Нанести ему всего один ожог, чтобы он тебя, как огня, сторонился.

Люди — существа крайне пугливые. Но только пугать нужно уметь. И делать это грамотно. Бить по самому больному. Знать ключевые точки, на которые можно давить. Те, кто в «верхах», — умеют. И делают это в огромных масштабах. Я это понял позже, когда чуть подрос. Но к ним я, конечно же, не стремился.

Я стремился вообще куда-то вкось. Куда-то в сторону от всех. Мне хотелось куда-нибудь туда, где ещё не ступала ни одна человеческая нога. И никогда не ступит. Интересно, существует такое магическое пространство на Земле?

Вряд ли...

Ещё я очень любил читать. Это тоже стало поводом для многочисленных издевательств и ещё одной моей клички «Инфузория». Почему именно инфузория — не знаю, но книги действительно были моей единственной в жизни страстью. Именно они, как мне кажется, больше всего помогли в развитии моей способности.

В нашем детдоме имелась своя библиотека. И читал я до рези в глазах. По существу, мне больше и нечего было делать. Волейбол с баскетболом в спортзале или коллективный просмотр вечерних сериалов в общей гостиной никогда не привлекали меня. Потому всё своё время я уделял литературе.

Со временем я стал замечать, как во мне говорят персонажи художественных произведений. Я буквально слышал, как они беседуют внутри меня. Что-то доказывают. Объясняют. Спорят. Прочитанная

информация никуда не исчезала. Не стиралась. Не забывалась. А застревала в голове в форме постоянно мельтешащих мыслей. Вскоре мой мозг стал походить на безостановочный двигатель, постоянно генерирующий всё новые мысленные хитросплетения и комбинации.

Хорошо помню, как однажды в нашу скромную библиотеку завезли гору новых книг. Это был один из самых запоминающихся дней в моей жизни. Некоторое время туда никого не впускали — разгружали набитый книгами грузовик. Они были адресованы детьми из благополучных семей. Наши воспитатели расставляли книги по полкам, вносили их в реестр, присваивали номера, приклеивали карточки.

Лишь спустя три дня двери обновлённой библиотеки были снова открыты. С затаённым дыханием я спустился по лестнице в полуподвальное помещение и оказался в преобразованном царстве книг. Я долго ходил по рядам (мне это разрешалось), с трепетом щупал новые корешки, скосив набок голову, вчитывался в названия. И так — пока не заболела голова. Потом остановился возле одной из полок. Взяв оттуда две книги, на которые положил свой читательский глаз, стал размышлять, какую же прочесть первой. Забирать к себе в комнату разрешалось только одну.

Это самый сложный процесс — выбрать одну из двух понравившихся книг. Для склонения чаши весов в сторону той или другой в ход идут красота обложки, притяжение аннотации, интересная фраза, найденная на случайно открытой странице и запавшая в тот же миг в душу.

Молоденькая библиотекарьша всегда торопила меня, аргументируя тем, что другая книга никуда не убежит. А для меня книги были как живые. Как существа, с которыми нужно быть нежным и любящим. Да, книги я любил больше, чем людей. Это факт. И, наверное, не очень-то радостный. Но мне было как-то по барабану.

И вот я вытягиваю обе книги перед собой. По очереди осматриваю каждую. Как будто жду, что та, которую я должен взять на ближайшие несколько дней, даст мне знак. Знака, конечно же, нет. Перспектива неправильного выбора и последующего сожаления заставляют тратить на раздумья ещё больше времени. Ведь, бывает, читаешь, а мысли так и рвутся туда, в библиотеку, где лежит она — другая книжка, другая история. Лежит и, возможно, ждёт тебя, чтобы подарить совсем другие и гораздо более яркие впечатления.

В итоге получалось так, что выбирал я книгу всё-таки наугад. А второй мысленно обещал, что вернусь. Позже, но обязательно вернусь. Затем нёсся к себе в комнату, где нас проживало десять мальчиков. Прыгал на свою кровать, включал, если нужно, настольную лампу и открывал книгу. Сначала вдыхал её особенный запах — это одна из главных традиций при знакомстве с новой книгой. И не важно, пусть даже она изрядно поношенная и кем-то много раз прочитанная. Обряд есть обряд. Затем ещё раз пробежал по аннотации. Медленно, почти не дыша, перелистывал первые страницы, не пропуская ни названия издательства, ни информации о том, когда и в каком городе была напечатана книга. Далее, обычно на пятой странице, начиналась первая глава. К этому моменту я окончательно успокаивался, делал глубокий вдох и погружался в чтение.

В эти минуты, быть может, я и правда был похож на инфузорию (что весьма сомнительно), но мне, опять-таки, было глубоко на это наплевать.

Стоит ли удивляться, что со временем я стал всё больше отстраняться от общества. Не в полной мере, конечно, но всё же. Я погружался в книжные миры, отдаляясь от реального. Там мне было лучше. Спокойнее.

Вскоре я совсем перестал находить общий язык с одноклассниками. Учащались конфликты. Всегда хотелось отстраниться от всех, перебраться в какой-нибудь безлюдный тихий домик и жить так, чтобы меня никто не трогал. Чтобы только я и мои фантазии. Я и моё видение окружающего мира. Я и мои переживания.

Но зачастую желание не выделяться, стать невидимым для общества, влечёт ещё большее его внимание. И почему-то со стороны личностей далеко не самых приятных... Эх, уверен, у каждого в школе случалось какое-нибудь особенно негативное событие. Событие, которое запоминалось потом на всю оставшуюся жизнь. Вообще, не понимаю, для чего нужна школа. По мне так — это место, где ходуном ходит ещё не окрепшая детская психика, балансируя на остром лезвии глубинных душевных травм. В школе дети, находясь в окружении других детей, уж не знаю, почему, превращаются в маленьких нравственных выроdkов.

У меня *то самое* событие произошло в девятом классе. В том самом возрасте, когда ты ещё не старшеклассник, но уже и не салага. После уроков одноклассники позвали меня на — как они изящно выразились — «чисто

мужской разговор». На заднем дворе школы. Я, конечно же, знал, какие разговоры ведутся в этом месте.

До сих пор не могу вспомнить, о чём именно они мне там говорили. Но суть я, кажется, уловил. Они хотели как-то проучить меня, угрюмого и «замкнутого ушлёпка», за то, что, мол, смотрю на них с полным равнодушием и даже с высокомерием. И держусь от всех особняком, прямо «как царь».

Я с младших классов являлся мишенью для их «искромётных» шуточек и обслюнявленных комочков бумаги. Но в тот день, видимо, их злоба ко мне достигла своего апогея и им нужно было куда-то направить всю ту желчь, что настаивалась в их душонках. Куда же, если не на меня самого. Что уж их скупой фантазии далеко ходить!

И началась расправа. Я вначале сопротивлялся. Даже смог отразить несколько ударов. Но всё же их было двое. Один меня схватил сзади, а второй без остановки сокрушал кулаком куда ни попадя. Остальные пятеро просто смотрели, заключив нас в круг. Ещё один стоял неподалёку на стрёме.

Я был взбешён. Но прекрасно понимал, что, как ни старайся, уже не выбраться. В эти секунды я не принадлежал себе.

И поэтому решил не сопротивляться.

Раз так, подумал я, то пусть это будет игрой.

Я намеренно отдавал своё тело под раздачу их подростковой агрессии, чтобы затем взглянуть им в глаза. Особенно меня интересовали глаза тех, кто просто стоял и наблюдал за насилием против слабого и ничего не делал.

Да, я играл. Несмотря на настоящую боль, играл и наслаждался предвкушением зарождающегося в них чувства вины и сожаления. Уже во время избиения я замечал, как глаза некоторых стоящих в круге начинали по-особенному блестеть.

В конце, когда я лежал на асфальте с отбитыми почками и окровавленным лицом, один из них на прощание врезал мне ногой в грудь. Дыхание спёрло, краткий стон замер в лёгких — ни выкрикнуть, ни вдохнуть. Пространство сузилось, и только этот чёрный неровный асфальт заднего школьного двора встал перед глазами, смешавшись со всем, что было вокруг, в одно тошнотворное пятно.

...Чувство вины и расплата за свои деяния доберётся до каждого из них. В этом я не сомневался. И в ту секунду меня утешала эта мысль.

Напоследок они швырнули в меня несколько оскорблений, подчёркивая моё низкое положение среди них, и, развернувшись, стали уходить.

Я с трудом приподнялся. Внезапно в голове блеснуло что-то решительное, дерзкое.

— Йокоп! — бросил я им в след.

Они в тот же миг остановились. Обернулись.

— Чё ты там рявкнул? — сказал тот, который разминал об меня кулаки.

— Аджедан! — проговорил я с той же выразительной интонацией.

Они озадаченно переглянулись. Застывшая на их лицах тупость меня улыбнула.

Наконец я произнёс третье слово:

— Адобовс!

И громко рассмеялся. Это было крайней степенью. Высший пилотаж с моей стороны.

Один из них кинулся ко мне.

— Чё за слова ты сказал? Чё значат? Ну! Говори! Иначе щас нахлобучим тебя опять!

Я молчал. И улыбался. Широко и нагло. Да-а-а, настало время моего пира. *Будьте добры, внесите главное блюдо!*

— Он чё — колдун?! Вы слышали?! Слышали, какие слова он говорил? — испуганно заговорил другой. — Всегда знал, что он ненормальный. А если он нас проклял, а?

В толпе раздался смех.

— Ну ты жжёшь, сыкун! Да какой из этого чмыря колдун?!

Тот, что ударил меня напоследок ногой, подошёл вплотную. Я удовлетворённо смотрел в его глаза.

— Чё за слова, м? — спросил он, схватив меня за рубашку. — Чё они значат? Молчишь, гадёныш?

— С нами теперь что-то будет... Точно будет! — всё бормотал другой, нервно оглядываясь по сторонам, несмотря на то, что был осмеян. — А я чувствовал... Чувствовал, что не стоит нам его трогать. Он же нам не мешал. Совсем не мешал. Зачем же мы полезли к нему?

— Я тебе щас тоже врежу, если будешь ныть, как девка. Он бред несёт, что вы его слушаете. Ведь так, гадёныш? — продолжая держать за рубашку и брызгая слюной, смотрел на меня одноклассник.

— Да мы ему все мозги отбили, вот у него и поехала крыша!..

— Да забейте!..

— Да, давайте просто уйдём!..

— А вдруг эти слова что-то значат? Вдруг это какое-то скрытое оскорбление? Тогда ему, получается, не хватило?!

— Это точно какие-то проклятья, я вам говорю!.. Вы только взгляните на него. Нестриженный, глаза дикие, постоянно чё-то там читает — ну ведь чернокнижник. Сатанист. Зря мы его, отвечаю, зря!..

Что за слова я им сказал?

Простые русские слова. Только произнесённые наоборот.

Йокоп — это Покой.

Аджедан — это Надежда.

Адобовс — это Свобода.

Все эти слова я проговорил наоборот, потому что у них этого никогда не будет. Такие кретины, как они, далеки от подобных вещей. Ведь как можно получить ту же самую свободу от... самого себя? Они обременены самими собой до конца своих дней. *Проклятых*, кстати, мной. Ха-ха! И не видать им ни *покоя* в жизни, ни *надежды* на хорошее будущее. Эти козлы — вечны, и пословица «Горбатого могила исправит» создана специально для них.

Но они об этом «словесном перевороте», конечно же, знать не могли. И потому сами дорисовали обычные слова, проговорённые наоборот, субъективно-негативной краской. К тому же в толпе недоразумение и сумятица распространяются гораздо быстрее. Когда они подошли ко мне вновь, отвечать им что-либо не имело смысла. Достаточно было просто смотреть в глаза. В большом скоплении людей просчитать варианты возможного развития событий крайне сложно. Да этого в данной ситуации и не требовалось.

Их страх за свою гнилую шкуру всё сделал сам, приняв три моих слова за что-то загадочно-пугающе-опасное. Они сами подсознательно наказывали себя, хотя, может, и не признавались себе в этом. Маскировали всё происходящее под видом развлечения, смеха. И потому во чтобы то ни стало захотели узнать, что эти странные слова означают. Ведь неизвестность замотала, загрызла бы их, не дала свободно думать, дышать. Не оставленный на асфальте побитый одноклассник, нет! *Неизвестность*.

И я решил сыграть на этом. Если я не мог противостоять им физически, необходимо было уничтожать их психологически. И, как-никак, у меня

получилось. Больше они ко мне особо не лезли. Посматривали презрительным взглядом, обходили стороной. Да и после девятого класса меня с ними не стало.

Но именно в тот день, на заднем дворе школы, я окончательно утвердился в своей отдалённости от общества. Понял, что мне с ним не по пути. У меня своя дорога. Какая именно, я тогда ещё не знал, но точно понимал, что не рядом с людьми. Где-нибудь в сторонке. Так, чтобы неприметно.

И всё бы хорошо...

Но и я не заметил, когда эта — изначально детская — попытка защитить себя от внешних острых углов переросла во что-то гораздо большее. И пугающее. Непрекращающийся ураган мыслей. Мыслей — по абсолютно любому поводу, порой не представлявшему для меня и малейшего интереса. В моей голове теперь постоянно рождались и накладывались один на другой ментальные слои. Будто огромная куча склизких червей, они мерзко слипались и переплетались между собой.

И вот отсюда-то и начинается история моего сумасшествия.

[4]

Доучиваться до одиннадцатого класса я не находил смысла. Видеть лица одноклассников на протяжении ещё двух лет было выше моих сил. После окончания девятого класса мой выбор пал на то учебное заведение, поступление в которое не доставляло особых хлопот. Главной целью было как можно скорее уйти из школы, а куда — вопрос второстепенной важности.

Мне дали возможность поступить в колледж, с которым у нашего детдома была договорённость. Так я стал студентом автотранспортного факультета. Никогда не соображал в механике и технике, но раз поступил на бюджетную основу, то почему бы и нет: буду изучать гайки, форсунки и генераторы. Деваться некуда.

Также я решил навсегда попрощаться с детдомом. И не важно, что я мог спокойно пребывать в нём до самого совершеннолетия. Тошнило от него так, что уже невозможно было терпеть. Лучше уж я как-нибудь сам.

Я устроился на подработку разносчиком газет. Снял крошечную комнату. В квартире помимо меня проживала хозяйка — женщина лет сорока пяти. От идеи заселиться в общежитие колледжа я отказался сразу — искал спокойствия и тишины. Однако, даже проживая в отдельной комнате, долгожданного покоя я так и не нашёл...

Хозяйка квартиры оказалась слегка неадекватной. Во всяком случае, другого объяснения её поступкам я найти не мог. Она, бывало, встанет ночью в коридоре и как начнёт кричать в сторону моей двери: «Я всё слышу! Слышу, что ты про меня говоришь!»

Но ночью — да и вообще в любое другое время суток — я ничего не говорил! Тем более, о ней. Но и это были ещё цветочки. По-настоящему хозяйка раскрылась позже.

Нередко к ней приходил сын со своей супругой. И они втроём заводили скандалы из-за той самой комнаты, в которой жил я. По словам сына, мать не имела права сдавать эту часть квартиры, так как принадлежала та по документам ему. Но раз уж сдаёт, обязана делиться с ним половиной месячной выручки.

А поскольку снимал я эту комнатку за четыре тысячи рублей в месяц, то оставаться с двумя тысячами хозяйке было ни туда ни сюда. Поэтому часто эти скандалы длились допоздна. Каждую ночь я спал как на иголках. В течение дня и вовсе боялся выходить за порог комнаты. Опасался, что наткнусь на чокнутую хозяйку, и что она выкинет в очередной раз — было лишь одному чёрту известно.

Во второй учебный год я первым же делом переселился. В другой район города, но тоже в маленькую комнату квартиры. В ней тоже проживала одинокая хозяйка. Только на этот раз попалась старушка. В прошлом — коммунистка, учительница математики, руководитель какого-то общественного движения.

Но и она тоже молодец. Вечно изматывала меня своими стратегическими беспокойствами о том, что творится в нашей стране, «умирающей под жёсткими ударами коррупции». А также постоянным проявлением чрезмерной заботы и нескончаемым потоком житейских советов, как мне, молодому, вести себя в современном обществе, чтобы «стать человеком». Постоянно твердила, что раньше, во времена коммунизма, всё было по-другому. А сейчас мы, «современная молодежь, —

так и не взошедшая рожь, котораядохнет под кислотным дождём американской культуры».

Это её слова. Тогда я подумал, что неплохо бы их записать. Однако не пришлось. И так запомнил.

Хоть я и продержался здесь дольше полугода, но на большее меня не хватило. Я съехал в квартиру, где обитали три парня, став сожителем по комнате одного из них.

Но где бы я ни жил, имелась у меня одна тайна.

Я никому о ней не рассказывал. И всегда хранил внутри себя, переезжая с ней с одного места на другое. И только моя тайна — только она толкала меня вперёд. Только она вела меня по череде монотонно повторяющихся дней, заставляя каждое утро открывать глаза и идти в Мир.

И этой единственной движущей силой был отнюдь не инстинкт выживания. Нет, совсем не он.

Этой силой была надежда. Надежда, что однажды я её отыщу. *Свою маму.*

Да, я отчаянно верил, что увижу её. Что предстану перед ней взрослым, умным, грамотным, начитанным человеком. Таким, которого больше не захочется бросать. Таким, которого можно будет полюбить за отсутствие капризности и детскости. Ведь если человек — взрослый, он может позаботиться о себе сам. И даже помочь другому. Вдруг маме сейчас в жизни приходится нелегко. Я мог бы стать полезным для неё.

Когда доживал последние дни в детдоме, я твёрдо решил, что, как только выйду на вольные хлеба, обязательно примусь за поиски мамы. Так и случилось.

Эх, если бы я только знал, во что это выльется позже...

*

Мысль о поиске мамы стала идеей фикс.

Для меня больше не существовало ничего важнее. Я просыпался и ложился только с этой мыслью. Ел, пил, ходил — думая исключительно о маме. При этом я не знал ни её имени, ни места, где бы она могла быть.

Единственное, что у меня имелось, — это имя женщины. Соколова Клара Денисовна. Давным-давно она работала уборщицей в том самом доме ребёнка, где я был обнаружен. В тот раз, когда я явился туда в тринадцать

лет, одна воспитательница между делом обмолвилась, что ходил слух, что Клара Денисовна видела ту самую женщину (вероятно, мою мать, в чём я теперь почему-то нисколько не сомневался), которая и положила меня тем холодным утром на крыльцо. Тогда я не придавал этой информации особого значения, хотя и пришёл туда именно за чем-то подобным. Слухи — они и есть слухи. Так решил я тогда.

Но шли месяцы, и всё менялось с колоссальной быстротой. То, что раньше было неважным, теперь становилось судьбоносным. Когда я снова вернулся в дом ребёнка, мне сообщили, что Клара Денисовна давно на пенсии. Разузнав её адрес, я вскоре обнаружил, что квартиру свою она продала и уже лет семь как переехала в близлежащий к городу посёлок (или село). Но вот в какой именно — никто не знал. А поскольку их в округе было порядка двадцати-тридцати штук, искать её пришлось в каждом.

Долгая осада телефонных справочных служб результатов не дала. И к моменту поступления в колледж моё стремление достигло критической массы. Несколько раз в неделю, в шесть утра, я отправлялся на остановку или вокзал, садился в автобус и катил в новый посёлок или село. Там первым делом шёл в местную администрацию. Врал, что прихожусь племянником Кларе Денисовне. Иногда меня сразу посылали. Иногда водили по кабинетам каких-то начальников, где мне приходилось придумывать историю о том, что я ищу свою тётю.

Но ни в одном из посёлков Клару Денисовну найти я так и не мог.

Менялись месяцы. На поиски уходило много времени. Это стало причиной моей низкой успеваемости в учёбе. К тому же техническая специальность так и не захотела впускать меня в свои приземлённые владения. И я с непомерным трудом держался на плаву среди ещё не отчисленных двоечников.

Вскоре стало случаться так, что я не появлялся на парах целую неделю. Потом — ещё дольше. На звонки старосты отвечать перестал. Вскоре они и сами прекратились.

Мне нужно было найти маму.

Во мне зарождался хаос. И я знал, что уже не в силах его остановить. Знал, что однажды он хлынет слишком мощным потоком. Я перестал многое понимать. А именно — смысл всего происходящего. Нет, правда, я не понимал вроде бы простых вещей! Зачем люди куда-то идут? Зачем так часто делают беспечный вид, ведь прекрасно понимают, что в любой момент

может начаться война или какая-нибудь революция или террористический акт? Ведь может же! Столько в раз в истории людей такое случалось.

«ПОЧЕМУ ЛЮДИ ИГНОРИРУЮТ ЭТО?!» — я категорически не понимал.

По телевизионным новостям то и дело транслировали кадры с мест катастроф, убийств, аварий. Демонстрировались кровь. Слезы. Страдания. Слова горечи и сожаления... От этого всего на душе мне становилось всё тяжелее.

Я смотрел на окружающих и не мог уяснить: почему они все делают вид, будто всё в порядке, если понимают, что живут в наиопаснейшем мире? Что ими движет? Почему они такие спокойные? Или, может, просто хорошие актёры? Почему каждый день просыпаются и продолжают делать то, что они делают? Неужели это им самим нравится? Что заставляет их делать всё это? Привычка? Они хоть раз смотрели на себя со стороны? Знают, что выглядят как отвратительные запрограммированные машины?

Так и хотелось порой встать в центре заполненной людьми улицы и проорать что есть сил: «Как?! Как вы себя терпите, сволочи?!»

Себя я терпеть уже не мог.

И для меня всё стало бессмысленным. Только в воссоединении с мамой я видел своё спасение. Она — единственный человек, кто, как я надеялся, сможет объяснить мне этот мир. Его смысл. Поможет преодолеть все мои страхи и дилеммы.

Несмотря на то, что я приближался к своему совершеннолетию, ни время, ни сотни прочитанных книг не дали ответов на самые основополагающие вопросы. И как мне казалось, на это способны только самые близкие люди. Хоть даже и вычеркнувшие тебя однажды из своей жизни.

*

Не обошёл мою персону стороной и призыв в армию.

Если бы меня отчислили из колледжа, то оставалась бы мне только одна дорога — туда. Но допустить этого я не мог. Иначе пришлось бы оттягивать поиск мамы ещё на год. А это стало бы для меня трагедией.

Я не знал, каким способом можно отвязаться от военкомата. Поэтому пришлось, как и всем призывникам, явиться в положенный день и час на медкомиссию.

В тот период я становился ещё более нервным. Денег почти не было: вся зарплата разносчика газет улетала на оплату жилья. Жить с соседом по комнате было куда дешевле, но даже и положенные три тысячи в месяц становилось достать всё сложнее. Много денег тратилось на поездки по посёлкам. К тому же необходимо было чем-то питаться. Я ел столько, сколько требовалось, чтобы не упасть в обморок и не умереть с голоду. Со временем я сильно исхудал. И уже походил, наверное, на Раскольников в его первые дни после убийства старушки-процентщицы и её сестры.

Но только я никого не убивал. Разве что понемногу самого себя. Медленно, клетка за клеткой, нервишка за нервишкой разлагалось что-то у меня внутри.

В военкомате призывников осматривали врачи разной направленности. Мы цепочкой двигались из одного кабинета в другой, показывая те или иные части тела. Когда наступала очередь психиатра, тем, кто вызывал своей внешностью сомнение (татуировки, подозрительный взгляд, странное поведение), в качестве проверки психического здоровья задавали один и тот же вопрос.

Меня спросили тоже. По-видимому, отрешённость и впалые с синяками глаза делали меня похожим на наркомана, а то и безумца.

Вопрос был следующим: «Какой самый короткий месяц в году?» Когда он добрался и до меня, я уже открыл рот, расчехлив пулемёт своих словарных резервов и собираясь дать огня этому унылому заведению, как вдруг осознал, что это никак не поможет мне отсрочить отправку на службу. Наоборот — только лишних проблем добавит.

Поэтому я просто сказал «Февраль» — и без задержки прошёл дальше.

Позади меня, через несколько призывников, шёл задумчивый, неуклюжий парень с красочной татуировкой дракона на плече. Ему задали такой же вопрос. Но ответил он на него по-другому. Он сказал: «В смысле?»

Заскучавшая женщина-психиатр в мгновение оживилась. Прищуренно на него зыркнула и сухо произнесла: «В прямом».

— Я не знаю. — Он покачал головой.

— А ты подумай. Это ведь легко.

Лицо парня скорчилось в недовольство: начинал раздражаться. Было видно, всё это ему даётся нелегко.

— Май?.. — робко взглянул он исподлобья на психиатра.

Раздался гогот. Смеялись призывники. Кто-то уже шёпотом подсказывал ему правильный ответ. Но парень с татуировкой категорически не мог понять суть вопроса, что ясно и комично отражалось в тот момент на его лице. Теперь уже захохотали и врачи.

Я смотрел на этого парня, и мне стало его жаль. Поставленный психиатром вопрос действительно был неконкретным. «Какой самый короткий месяц в году?» *Короткий* — в каком смысле? По количеству дней? Или по количеству букв в названии? Ведь в вопросе это не уточняется. Следовательно, и ответ может быть неоднозначным. Да и вообще, даже длинный месяц (31-дневный) может пролететь как неделя, и его в этом случае тоже в каком-то смысле можно назвать *коротким*.

И разве, отвечая на вопрос о месяце по-другому, призывник не прав? Или не здоров психически? Разве это не подчёркивает многогранность и нестереотипность его мышления?

Впрочем, да. В армии ведь индивидуалы не нужны. Там главное, чтобы выполнялись приказы и никто не выбивался из установленного порядка.

Тогда всё верно: самый короткий месяц — февраль.

По удачному стечению обстоятельств для службы в армии я оказался не годен. В результате последующих медкомиссий было выявлено физическое — но никак не психическое — отклонение, которое по закону не позволяло нести службу. Даже если бы меня выперли с колледжа, то в армию бы не забрали.

Заурядное плоскостопие третьей степени позволило мне продолжать поиски.

*

Наконец я нашёл Клару Денисовну.

Как и следовало, жила она в посёлке, расположенном неподалёку от города. Отыскать её мне помогла чистая случайность.

Уставший, я сидел на остановке спустя целый день блужданий по улицам очередного посёлка. Собирался уже ехать обратно в город. Но вдруг

почему-то решил для слепой удачи, как выстрел в небо, спросить у сидящего рядом мужика, не знает ли он Соколову Клару Денисовну.

Как выяснилось — знает.

Это было чудом!

Ещё несколько минут — и я бы уехал из этого посёлка. И, возможно, стал бы искать в следующем. Но фортуна в тот день была на моей стороне.

Мужик на остановке оказался её соседом по подъезду. Когда он узнал, что я её «племянник», то сразу же назвал мне точный адрес.

Уже через пятнадцать минут я сидел за кухонным столом и вкидывал в рот ложку за ложкой обжигающего борща. И, сгорая отнюдь не от него, а от нетерпения всё узнать, задавал вопросы:

— Как она выглядела? Какая она?!

— Ой, если бы я всё помнила, Ромочка! — тараторила старенькая сгорбленная Клара Денисовна. — Это было так давно... Помню, ранняя весна стояла. В тот день я, как и всегда, пришла на работу пораньше. Всегда убиралась затемно, пока малыши ещё крепко спали. Поставила кипятиться чайник. Села. Жду. Тут и заметила через окно, как к забору подъехала машина. Вот из неё и вышла она... такая... в длинном пальто и шляпе. Лица не разглядеть.

На этом моменте я почувствовал, что дрожу.

— Я, значит, наливаю себе чай, — продолжала Клара Денисовна, — думаю, что-то рано сегодня заявились к нам гости. Ещё ведь не открыто даже. Сейчас, думаю, обратно уедут, и снова глянула в окно. А женщина уже стояла у крыльца. То и дело оглядываясь по сторонам, она аккуратно положила на его ступени комочек одеяла. Я так и застыла с чашкой чая в руках, обжигая пальцы, но не смея пошевелиться. Происходящее парализовало меня. Это было что-то душераздирающее и в то же время настолько сковывающее, что невозможно даже шелохнуться. Ох, какой ужасный момент... Она склонилась над тобой и будто долго не могла решить: оставить или всё же забрать обратно. Даже страшно было представить, что происходило в ту минуту у неё в сердце... В эти мгновения, я уверена, решалось то, как она проживёт свою жизнь. Но... она решила оставить. Не отводя от тебя взгляда, отошла спиной назад на несколько шагов, вдруг подняла на меня глаза — у меня аж душа ушла в пятки — а затем как побежит! Быстро юркнула обратно в машину рядом с водителем-

мужчиной и уехала. А я с обожжёнными пальцами ринулась к крыльцу. Вот так всё и было, Ромочка.

Я молчал.

Думал.

Представлял, как мама в ту минуту смотрела на меня. Представлял, как лежал я, укутанный в одеяло с шалью, и мёрз. А может, и не мёрз. Вспомнить что-либо из того, что сейчас рассказывала Клара Денисовна, я, конечно же, не мог. Оставалось лишь прибегать к фантазии. Как всегда.

— Машина... Что за машина была, вы запомнили? — спросил я и удивился своему голосу. Будто совсем не мой. Низкий, уставший.

— Эх, если бы я разбиралась в них! — Клара Денисовна с сожалением махнула рукой. — Серебристая — это помню, а марку... марку нет. Всё, чем я могу тебе помочь, — это дать номер той машины. Я впопыхах записала его тогда. На всякий случай. И, как видится, не зря. Пригодился спустя столько лет. Вот найти бы его ещё... Лежит, наверняка, где-то среди хлама в шкафу. Уже столько лет прошло. Но если он тебе чем-то поможет... Ах, бедненький! Может, тебе ещё супчику?

«И при наличии таких данных администрация дома ребёнка и никто вообще даже не попытался найти моих родителей?!» — подумал я, чувствуя, как во мне закипает злость.

Аппетит пропал.

Клара Денисовна очень долго искала в своих шкафах бумажку с номером машины. Я молча наблюдал за ней и прокручивал в голове её рассказ.

...Она просто вышла из машины и оставила меня на крыльце.

Да. Я знал, что, наверное, так всё примерно и было. Но отчего-то не хотел до конца в это верить. Где-то в глубине души мне всегда казалось, что мама не могла меня оставить *таким образом*. Что, по всей вероятности, произошло что-то чрезвычайно важное, раз я оказался на крыльце.

Но рассказ Клары Денисовны полностью разломал мои иллюзии. И теперь я сидел с их обломками и наблюдал, как они медленно догорают и тлеют. Как ветер новых мыслей смывает их в чёрную пустоту. Туда, куда и смотреть не хочется. В бездонную тьму убитых надежд.

Наконец она нашла. Пожелтевший от времени кусочек бумажного листка. Я понятия не имел, что он мне даст и как можно найти человека по номеру его автомобиля. Но хоть что-то.

Искренне поблагодарив Клару Денисовну, я отправился в город.

Откуда теперь начинать поиски, я не знал. И оттого совсем не трогался с места. Хозяин квартиры, в которой я проживал, через неделю меня выселил. Денег не было совершенно. Тогда я учился на втором курсе, но нутром чуял, что до третьего не доползу.

Наступила весна. Я сильно заболел. Меня сразила ангина. Быть может, грипп. Одним ранним утром меня, бормочущего и лежащего с сумкой на скамейке в парке, обнаружили дворники.

Затем помню лишь, что пришёл в себя в больнице.

Психиатрической.

[5]

Находилась она в тридцати километрах от города. Посреди большого леса и недалеко от озера, краешек которого я мог видеть из окна своей палаты.

Первый месяц мне было крайне сложно. Я долго не мог сориентироваться в пространстве. Чувствовал себя, наверное, как врач Андрей Ефимыч Рагин из чеховской «Палаты № 6», когда его заключили в стены своей же психушки.

Пичкали транквилизаторами — успокоительными веществами. Ещё какими-то лекарствами. Диагноз был поставлен сразу: невроз навязчивых состояний.

В этой психиатрической больнице я и познакомился с человеком, которого возненавидел до самых глубочайших оснований своей ненависти.

Главный врач Кадринов.

Он назначал пациентам необходимый курс лечения. *Необходимый* — как виделось ему. И не важно, как чувствует себя пациент. Раз нужно колоть и пропихивать в глотку вещества, то будут колоть и пропихивать. До посинения.

Кадринов был невысокий, жилистый, с вечно красновато-ехидным лицом и гладкой лысиной. Говорил заумно, оперируя замысловатыми медицинскими терминами. Большинство работников больницы неотрывно

глядели ему в рот и послушно поддакивали, только он начинал что-нибудь болтать.

Один за другим сменялись до ужаса похожие дни. Пошёл второй месяц. Я чувствовал себя размякшей субстанцией, которая могла лишь с трудом перемещаться из одной части палаты в другую. Мои мыслительные процессы ослабли. И вместе с ними ослабли все жизненные силы. Я стал ходячим куском мяса.

Во втором месяце уколов стало меньше. Два раза в неделю я посещал сеанс психотерапии. Он проходил в виде обычной беседы. Терапевт интересовался, как я себя чувствую, что меня беспокоит. Я сразу же отвечал, что чувствую себя отлично. Что меня можно немедленно выписывать.

Но никто, конечно же, мне не верил. У людей ведь на мой счёт всегда имеется своё мнение.

На третий месяц в больницу завезли импортное экспериментальное лекарство. Как раз предназначенное для невротиков. И Кадринов первым делом решил испытать его на мне. Всё это я, разумеется, узнал не от него. Сам он обычно с напускной благожелательностью лишь безмолвно улыбался, подмаргивая пороссячьими глазками.

Обо всём важном мне рассказывала медсестра.

Вначале я относился к ней с большим подозрением и опаской. Но вскоре она стала тайком приносить мне сладости и другую еду, оставляя их в моей тумбочке. Что не могло меня не радовать. Кормили в этом месте весьма дурно, и для полного насыщения никогда не хватало.

Так мы с ней и сдружились. Бывало, она приходила в мою палату, пока там отсутствовали другие пациенты, и мы беседовали с ней о жизни. Она много рассказывала о своей. Я — очень мало о своей.

Однажды я решил попросить её помочь мне в поисках. Но она сразу же дала понять, что не сможет сделать больше того, что делает для меня сейчас. При этом я понимал, что ей искренне жаль меня. Она тоже считала, что меня уже пора выписывать.

Но когда я подходил с этими словами к Кадринову, то он всегда одним и тем же поучительным тоном повторял: «Ты что, забыл, дорогой? Забыл, как ходил по улицам и приставал к прохожим, дотошно выпрашивая дорогу к своей маме? Забыл, как люди от тебя убегали, но ты их догонял и настаивал на том, чтобы они непременно назвали тебе адрес? Госпитализация была тебе необходима. Ты мог причинить вред обычным людям. А здесь для тебя

лучшее место, поверь мне. Так что не спеши, дружок. Всему своё время!» — И тут он, противно улыбаясь, заглядывал прямо в мои глаза и хлопал меня по плечу. А мне так хотелось схватить его руку, вывернуть её и несколько раз прокрутить до страшно громкого хруста.

Но... я продолжал стоять неподвижно, всеми силами сдерживая волну ярости.

Да, у Кадринова были на меня основательные планы. Необходимый срок приёма импортного лекарства по инструкции составлял больше года. А поскольку именно на мне проверялось его действие, то пришлось моей важной персоне задержаться в этом славном местечке на период значительно более долгий, чем я мог предположить.

От этого я действительно стал сходить с ума. Лучше бы меня забрали на год в армию, чем в психиатрическую больницу! Там бы я хоть переключился на физические нагрузки. А здесь... здесь я был только лабораторным куском мяса с невротическими симптомами, на котором тестировалось зарубежное лекарство.

Спустя полгода я уже знал всех служащих. Каждого пациента. Каждый уголок. И у меня уже имелось девять вариантов побега. Но вот только ни один из них не подбирался к своему старту. Я понимал: стоит мне отсюда смыться, как меня сразу же примутся искать. И тогда могут упечь на срок ещё более продолжительный.

Потому приходилось кропотливо и усердно дожидаться даты официальной выписки. Это было сущим адом. Адом, которого я не пожелал бы даже своим одноклассникам и тому безымянному уроду.

*

Через год, в сентябре, к нам в отделение привели студентов-психологов в рамках их предмета по клинической психологии. Они должны были посмотреть, послушать и пообщаться с пациентами.

Кадринов предложил меня. Я, по его мнению, был более-менее адекватный и способный к качественному изложению информации.

Я отнёсся к этому как к своеобразной проверке. Если проявлю себя с хорошей стороны и докажу, что здоров, думал я, то, вполне возможно, это ускорит мою выписку. А выписка — всё, всё, что мне было нужно! Поэтому все свои выдохшиеся надежды я возложил именно на это.

В тот день я тщательно помылся, причёсался. И, стараясь идти неторопливым, ровным шагом, вошёл в зал к студентам: в основном девушки. Сел на стульчик.

Десятки изучающих глаз тотчас устремились на меня.

Я спрятал дрожь и влажность ладоней, просто сложив последние в замок. Из всех сил пытался сохранять спокойное выражение лица. От такого количества людей, пристально смотревших на меня, я не на шутку нервничал.

Почему они так смотрят?.. Чего хотят от меня?.. Почему всем от меня вечно что-то нужно?!

...И стал рассказывать. Историю своей болезни. О том, как безумно хотел найти маму. О том, как порой не мог остановить беспорядочные мысли.

Кадринов сидел неподалеку за столом. Как всегда, стараясь продемонстрировать свою врачебную компетентность и великодушную заботу о пациентах, он, чуть приспустив взгляд, вытянул губы в проникновенной улыбке и кивал на мои слова, тем самым будто говоря: «Да... Именно таким его и привезли к нам! Именно таким мы и выбрали его с улицы, грязного, безумного, потерянного! И всё это — только ради него. Всё это — чтобы приютить и спасти его нездоровую душу!»

Моментами, когда я врал, рассказывая о правильности назначения в моём случае усиленного медикаментозного лечения, он уже совсем не сдерживался: и прямо даже смущался своего божественного врачебного дара, глаза опускал, показательно кивал. Ему нравилось внимание молодых студенток. Эх, если бы он только видел, как выглядит со стороны в такие мгновения!.. Натуральное убожество.

Наконец я поведал о себе и своей болезни всё, что мог. Кадринов предложил желающим задать мне вопросы. Но вопросов почему-то не последовало. Все лишь просто сидели и молча смотрели на меня. А если встречались со мной взглядом, тут же отводили его в сторону.

Только спустя некоторое мгновение тёмненькая симпатичная девушка в сиреновом платье, сидевшая в первом ряду, тихонько откашлялась и произнесла:

— А когда вас выпишут?

В комнату вошла тишина. Она села рядом со мной и, подперев кулаком подбородок, выжидающе взглянула на Кадринова.

Все студенты тоже переключились на главного врача.

Кадринов суетливо спрятал взгляд в бумаги, будто уже и не слушал нашу беседу.

— Надеюсь, что очень скоро, — ответил я, переведя взгляд на спросившую девушку. — Мне бы очень хотелось отыскать свою маму. Но если врачи считают, что я ещё не готов выйти, то... — Я взглянул на Кадринова. — ...я буду со всей ответственностью продолжать курс назначенного мне лечения. Ведь нет ничего важнее психического здоровья.

Снова тишина. Тишина — обволакивающая сидящих жалостью и состраданием.

Эта девушка высказалась снова:

— Вы выглядите и говорите как самый здоровый человек на свете. Вам пора туда, к обычной жизни.

Я посмотрел ей в глаза и вслух поблагодарил.

Да, она мой шанс. Если получится, я...

Зал я покинул первым. Некоторое время ошивался неподалёку в коридоре. Вскоре появилась и группа студентов. Девушка в сиреновом платье шла последней. Я незаметно вышел из-за угла, схватил её за руку и прошмыгнул в кладовую, где уборщица хранила рабочие принадлежности.

— Прошу тебя, — быстро зашептал я девушке в полумраке, — узнай, кто владелец этого автомобильного номера. — И сунул ей в руку маленький клочок бумаги. — Меня скоро выпишут. Но пока я нахожусь здесь, я не могу ничего сделать. А мне позарез нужно знать, чей этот номер машины. Это чтобы я мог найти свою маму. Понимаешь? Ты pomoжeшь?!

Девушка испуганно глядела то на меня, то на бумажку.

Ну, всё, сейчас заорёт...

— Я постараюсь, — тихо ответила она, убирая бумажку в сумочку. — Когда выйдешь отсюда, найди меня в Институте психологии. Четвёртый курс.

— А имя?

— Анжела. Полякова Анжела.

— Спасибо тебе, Анжела.

— Пока ещё не за что... Надеюсь, тебя и правда скоро выпишут. — Она блеснула в мрачной кладовой своими взволнованными глазами и вышла.

А я остался внутри. И пытался понять, что же сейчас, чёрт подери, произошло. Сильно тряслись руки. Ещё минуту назад я даже и предположить не мог, что действительно сделаю это.

Я доверился незнакомой девушке.

Девушке, которую вижу в первый раз. К тому же если бы кто-нибудь увидел, что я затащил её в кладовую, то меня точно наказали бы новой порцией таблеток — и отныне стали бы смотреть с предельным опасением.

Я сильно рисковал, совсем забыв обо всей своей недавней миротворческой деятельности в больнице. А ведь она всеми силами была направлена на создание образа человека здорового. А здоровые люди студенток в кладовую не затаскивают.

И о чём всё это могло говорить?

Только о том, что я обязательно найду свою маму!

Я был в этом уверен на сто процентов. Полтора года в психиатрической больнице снабдили меня твёрдой решимостью. Назло Кадринину и его методам я специально каждый день практиковался со своими мыслями. Продолжал заниматься многослойным прогнозированием. И с ещё большим рвением держал в голове мысль о маме. Её призрачный и размытый образ.

Я уже не мог дождаться момента, когда выйду отсюда. Когда выйду и найду, наконец, владельца той машины. И он обязательно скажет, где моя мама!

Вылечился ли я от навязчивых мыслей после полутора лет в психиатрической больнице? Нет. Я остался прежним. Но теперь стал более уверенным в своих силах. Теперь я точно найду свою маму, знал я. Чего бы мне это ни стоило.

[6]

Через месяц, в конце октября, произошло радостное событие.

До того долгожданного дня я вёл себя как труженик. Регулярно помогал медсёстрам и даже уборщицам. Кадринин всё это, конечно же, видел. Да и многие из персонала стали сами ходатайствовать за меня.

Наконец произошёл монументальный разлом в коре мозга Кадринина. И он сдался. Написал заключение, в котором сообщалось, что теперь я здоров.

На последнем сеансе психотерапии меня спросили, чем я собираюсь заниматься, когда выйду отсюда. Я ответил, что первым делом найду себе работу. А после Нового года восстановлюсь в колледж.

Терапевт довольно кивал.

Я действительно планировал найти работу. Поскольку, когда разыщу маму, мне необходимо будет содержать себя самому. Чтобы не создавать ей лишних хлопот.

Но вот учёба стала бы меня отвлекать, создавать ненужные сложности. Поэтому на самом деле я решил отложить её до лучших времен. Ведь главное — это найти маму. А всё остальное — потом.

И вот я, несколько растерянный, вышел за пределы больницы и предстал пред ликом позднего октября. Впрочем, день стоял очень даже тёплый и солнечный.

Автобус из больницы в город ехал почему-то медленно. Будто постепенно и неспешно возвращая мне кусочки памяти о другом мире. Мире нормальных, как их называли у нас в больнице. Но как сам я считал — тех ещё безумцев, что жадно цепляются за очередной новый день как за последнюю возможность чувствовать себя частью Глобального Механизма Общества, чувствовать себя значимыми, причастными к чему-то. Безумцев, что рвут асфальт своими ботинками, сокращая расстояние до ненужных вещей. Безумцев, что ежедневно изрыгают из себя агрессию и недовольство друг другом, накапливая их годами под вечно угрюмыми, ненавистническими взглядами.

Но всё же это лучше, чем терпеть Кадринова. Хуже Кадринова могло быть только два Кадринова. Если кто и помог мне справиться с моей безумной мысленной катавасией, вернее, успокоить её, — то точно не он.

С того дня, как я передал Анжеле листочек с номером, прошло уже больше месяца. Я очень надеялся, что за это время ей удалось выполнить мою просьбу. Но первым делом, однако, я отправился не к ней.

Моя подруга-медсестра взяла с меня слово, что сначала я найду себе жильё, а уже потом буду заниматься всем остальным. Она очень настаивала на этом. Даже одолжила мне бессрочно две тысячи рублей.

По поводу обиталища я размышлял долго. Когда меня выпустили в мир нормальных, мне было уже девятнадцать. Это значило, что уже — год, как я могу рассчитывать на государственную поддержку в виде жилья. Но... мне

до жути не хотелось ехать в детдом, поднимать там этот вопрос, оформлять бумаги, встречаться со специальными людьми.

Я решил, что во всём справлюсь в одиночку. Снова. И вспомнил парня, с которым учился в одной группе в колледже. Я знал только его фамилию: Исаков. Он так и представился. Этот Исаков был единственным, с кем я хоть о чём-то беседовал в колледже. Именно тогда он и обмолвился, что живёт совершенно один в двухместной комнате в общежитии и что к нему никто не хочет подселиться.

Причину нехотения других я тогда не уточнил. Но теперь надеялся, что если к нему за эти полтора года никто так и не подселился, то за небольшую плату я смог бы занять свободное место. Хотя бы на ближайший месяц. А там уже погляжу, как будут развиваться события.

Его номера телефона у меня не было. Да и свой мобильник я потерял в те дни моего полубредового блуждания по улицам. Поэтому ехал к общежитию колледжа вслепую. Так сказать, на ощупь.

Однако долго искать Исакова не пришлось. Он находился внизу, недалеко от входа. Сложив руки за спиной и выпятив подбородок, он ходил среди отдыхающих в просторном фойе студентов и, кажется, что-то у них спрашивал.

Увидев меня, Исаков безумно обрадовался.

— Какие люди! — воскликнул он, всплеснув руками. — Нет, правда, какие люди! Уж кого-кого, а тебя, самый загадочный человек на свете, я совсем не ожидал встретить в этих скромных местах.

— Привет, Исаков.

Мы пожали друг другу руки.

— Мне было очень жаль, когда тебя отчислили.

— На то были причины, — сказал я. — Я к тебе. По делу.

Исаков кивнул вахтёрше, что я с ним, и беззаботно зашагал вперёд. Та недовольно воззрилась на него, но ничего не сказала. Даже паспорта моего не потребовала. Видимо, с Исаковым у них особые отношения.

— О чём ты их спрашиваешь? — Идя следом, я глянул на студентов, так же, как и вахтёрша, недовольно и раздражённо посматривающих на Исакова. Правда, теперь — и на меня тоже.

— Провожу эксперимент. Что-то вроде научного исследования. На повестке дня вопрос: способно ли осмысление собственной духовной деградации изменить качество жизни современного студента?

— И что?

— Да-а-а... — Исаков махнул рукой. — Эти невежды даже знать ничего не хотят. Не хотят понять, что способны сделать свою жизнь лучше. Ни о чём по-настоящему серьёзном и важном не задумываются. Не понимают, что именно от их представлений о себе и выстраивается их реальность. Нужно познать самого себя, как говорили древние. А никто этого делать не хочет. Склонность к самоанализу у студентов нашего колледжа, как показывает моё исследование, не наблюдается совершенно. Что уж тут говорить об улучшении качества и собственной, и общемировой жизни! Духовный аспект совсем позабыт нашими студентиками.

— А ты? Ты сам делаешь свою жизнь лучше?

Исаков прекратил размахивать руками, бросив на меня укоряющий взгляд.

— А ты, Роман, как всегда спрашиваешь всё напрямую. Но, знаешь... это мне в тебе и нравится! Делаю ли я свою жизнь лучше? Вот что я тебе скажу: я хотя бы работаю над этим.

И, сделав взгляд более загадочным, добавил:

— Пойдём. Покажу кое-что.

Да. Исаков был из тех чудаков, что твердят о непонятных обывателям вещах. О духовности, высшем измерении и прочих мистических штучках. Высокий, под два метра, он всё время ходил с напряжённым выражением лица, будто что-то потерял. Брови его всегда были задумчиво припущены. Только вот очки он не носил, чем немного ломал стереотип о внешности умника. Однако он им являлся. И ещё каким. На занятиях по математике и технической механике, помню, он шпарил так, что даже сама преподавательница не всегда за ним поспевала.

Вот и я сейчас с трудом поспевал за ним по лестнице, следуя за его шатающейся телесной конструкцией. Я бегло сообщил, что хотел бы к нему подселиться, но не знаю, получится ли, ведь я — отчислен из колледжа. На что он тут же дал знак рукой, мол, тема снята: можно.

Мы поднялись на третий этаж и дошли по длинному коридору до его комнаты. Самая последняя дверь налево. Рядом с ней — окно на задний двор общежития, где стояли большие помойные контейнеры. Как раз сейчас мусоровоз вычищал одного из них. Поднимая его над собой железными клешнями, он высыпал всё содержимое в свою жужжащую горловину.

Комната Исакова, как ни странно, оказалась вполне приличной. Две кровати, примыкая к стенам, располагались противоположно друг другу. Справа от входной двери дребезжал старый советский холодильник. Слева — грузно сгибалась под кучей немытой посуды раковина. Небольшой обеденный столик, на полу — стопки книг: художественные, эзотерические. На стене над незаправленной кроватью висел странный коричневый бубен. А рядом с этой кроватью стоял ещё один стол: с компьютером. На его экране воспроизводилась заставка — белая бумажная птичка летит по диагонали вверх, исступлённо размахивая крылышками.

— Если голоден, поищи в холодильнике. Там что-то оставалось.

Что ж, хозяин — барин. Сам так сам. Я открыл холодильник, но кроме подгнившего банана ничего там не обнаружил. Поскольку доверия он не внушал, я решил просто присесть на свободную кровать, положив сумку на пол.

Рядом, на одной из стопок, лежала книга Николая Островского «Как закалялась сталь».

— Ты тоже её читал? — спросил я, взяв её в руки.

— Это моя любимая, — мельком взглянув на книгу, ответил Исаков и принялся стучать пальцами по клавиатуре.

— Понятно. А почему к тебе никто до сих пор не подселился?

Исаков задумчиво ухмыльнулся.

— А все боятся. Знают, чем я тут занимаюсь, вот и не подселяются.

— И чем же ты тут занимаешься?

— На самом деле ничем таким уж особенным. В основном шаманские ритуалы. Ну, знаешь, трансовые песнопения и танцы под бубен. Нередко с глубокими дыхательными практиками.

— И... для чего тебе это?

— Исключительно для научно-познавательных целей! — довольно проговорил Исаков. — А именно — для глубинного самоисследования. Такие практики как раз об этом. Чтобы приоткрывать портал в тонкие миры. Вот я и пытаюсь устанавливать с ними контакт. И получать мудрость.

— Мудрость?

— Ага, — кивнул Исаков. — Поэтому многие из моей комнаты и слышат какие-то странные, а порой и страшные голоса. Они вселяются в меня, когда я в трансе. Меня вот как поселили в самый конец коридора, подальше от всех, так я здесь и живу один. Выселить не могут. Отец мой —

хороший знакомый директора колледжа. И знаешь, я очень рад, что теперь хоть кто-то составит мне компанию! А то порой даже поговорить не с кем.

М-да. Возможно, я совершил крупнейшую ошибку, придя к Исакову.

— Вот она! — воодушевлённо заявил он. — Та самая вещь, которую я хотел тебе показать. Я работал над ней два года. Это будет прорыв. Кто знает, может, даже Нобелевская премия!

Исаков, стоя у компьютера, раздвинул руки в стороны — будто старался объять необъятное, как он любил делать, когда что-то рассказывал. В его словах всегда сквозило какое-то стремление вырваться за пределы пределов, к новым возвышенным человеческим высотам. Он ещё в колледже твердил мне о какой-то духовной эволюции человечества.

— Если ты такой умный, то почему учишься в заурядном колледже, а не в вузе? — спросил я.

Исаков внезапно изменился в лице, слегка покраснел.

— Ну и какая разница-то?! — недовольно забормотал он. — Какая разница, где учиться? Главное — чтобы в голове было что, понимаешь?

— Э... да... понимаю, — закивал я. И решил больше не вступать лишними вопросами. Стало понятно: больная тема.

— Продолжай, я слушаю.

— Итак, — сказал Исаков, немного прояснившись в лице. — Я создал программу «Нексус 7.4.0». Как раз для того, чтобы устанавливать контакт с тонкими мирами. Или, говоря ещё проще, чтобы вскрывать духовное пространство с целью получения бесценных знаний для всего человечества.

— Звучит неплохо.

Исаков не смог сдержать вышедшую из-под контроля улыбку. Он нажал на какую-то кнопку, и на экране появилось множество символов на чёрном фоне.

— Мы можем подключиться к тонкому миру, — продолжал Исаков, — и посредством виртуального общения черпать из него огромные резервы мудрости. Вся полученная информация будет кодироваться в понятный для нас язык. Для этого нужна лишь специальная программа — моя программа. Виртуальное поле схоже с духовным. Оно невидимо, но пронизывает пространство. В духовном измерении имеются узлы, к которым нужно лишь подобрать шифр, и тогда к ним можно подключатся. И взаимодействовать.

— Получается, что-то навроде радио, которое иногда ловит потусторонние голоса? — уточнил я.

— А ты соображаешь, — кивнул Исаков. — Только здесь — виртуальная среда. Но для того чтобы подключиться к Духовной Сети, необходима непомерная техническая мощность. Которую мой компьютер, конечно же, обеспечить не может. Поэтому в моей программе недавно появилась новая функция. Она позволяет подключиться к тысячам компьютеров, находящимся сейчас в Сети, и одолжить на время их техническую мощность. Класс, правда?!

— А это законно?

На лице Исакова появилась хитрая улыбка.

— Хакером себя не назову, но, помимо того что эзотерик, я ещё и неплохой программист. Поэтому моя программа следов не оставит. Уж я об этом позаботился. Да и к тому же весь этот процесс не продлится и дольше минуты. Никто ничего не заметит. А если и заметит, то подумает, что просто с компом что-то не то. Пока будет разбираться, перезагружать, всё уже и кончится.

— Получается... тысячи компьютеров по всему миру на минуту выйдут из строя, потому как вся их мощность будет направлена на решение задачи твоей программы по... вскрытию духовного пространства?

— Именно! — Зрачки Исакова расширились. — Всё именно так.

— И всё же... Зачем пытаться проникнуть в духовную сферу?

Исаков, повернувшись к монитору, замолчал. Свернув окошко программы, он принялся глядеть на бумажную бедняжку с крылышками, самозабвенно стремящуюся куда-то вверх.

— Понимаешь, Роман, — произнёс он, — может, то, что я сейчас скажу, прозвучит избито, но всё это — наша действительность. Мы живём в эпоху безверья и отсутствия общего для всех ориентира. В эпоху информационных войн и постоянных потасовок из-за ресурсов. В эпоху всё той же алкоголизации населения. В эпоху одиночества и эгоизма. В эпоху пустых и ненужных развлечений. Народ деградирует. А потому... нам всем необходимо остановиться. Необходимо расширить свои границы сознания, понимаешь? Мы законсервировались в своей цивилизации и на самом деле уже давным-давно никуда не движемся. Не прогрессируем. Раньше в нашей стране хотя бы верили в счастливое будущее. Мы первые отправили человека в космос! Какие были великие амбиции! А сейчас мы кто? Сейчас мы где?! Деньги, разврат, выживание — нами правят низменные инстинкты. Наши души сейчас без начинки. Без содержания. Да-а-а... Такую страну похерили!

Исаков слегка побагровел и оживился под напором собственной речи.

— Но это — с одной стороны, — продолжал он. — С другой — наша страна сегодня, как ни крути, живёт в эпоху свободы. Свободы от жёстких оков идеологии. Любая идеология — пусть даже самая гуманная и авторитетная — в любом случае есть ограниченность. Идейная привязь, похожая на собачью цепь. Да, когда у новых, молодых поколений отсутствует идеология, им легче всего потеряться во тьме пороков и безнравственности. НО!..

Но в то же самое время им даётся больше всего шансов услышать истинный зов. Зов, не загаженный политикой, религией и так далее. Истина всегда где-то в стороне от всех идей. Она свободна от всего. И потому она — Истина. И нам нужна эта Истина. Нам нужна помощь. Мудрость. Духовная мудрость, расширяющая наше сознание и способности. Именно это нам сейчас необходимо больше всего. Именно этого, как пел Цой, сегодня требуют наши сердца. Наши молодые сердца, Роман. Твоё. Моё. И даже этих, которые внизу меня слушать не хотят, которые бездумно просиживают свои жизни... Но я хочу дать эту мудрость. Всем. В больших объёмах. А иначе зачем я пришёл в этот мир, а? Чтобы гнить вот в этой вонючей общаге и получать среднее специальное? Не-е-ет, уж точно не за этим!

Исаков отчуждённо смотрел куда-то перед собой, уперевшись кулаками в стол.

— И знаешь, что? — сказал он. — А я ведь ещё ни разу не запускал «Нексус 7.4.0». Ждал особого случая. И вот появился ты... Думаю, это и есть знак. Кажется, день «Икс» настал.

— Ты уверен? — Я недоверчиво взглянул на Исакова.

— Ты появился не просто так. Ты — знамение. Да-а... Этот день войдёт в историю.

Я слегка заволновался. Лишь бы всё прошло удачно. Мне ещё жить с этим человеком. Не хотелось бы, чтобы он потом меня в чём-то винил.

Исаков щёлкнул мышью и снова раскрыл окошко своей программы — строки белых символов на чёрном фоне. Затем ввёл в нижнее поле какие-то данные на английском языке. Началась загрузка.

— Идёт подключение к другим компа, — тихо пояснил он, не отрываясь от монитора.

Прошло секунд тридцать, и прямоугольник загрузки исчез. Исаков облегчённо вздохнул. Затем снова ввёл какие-то данные и, задержав палец над клавишей «Enter», произнёс:

— За будущее, которое наступит прямо сейчас...

Тыщ!

Символы исчезли, оставив после себя чёрный экран. Настала тишина. Программа будто зависла в раздумьях. Зависло и лицо Исакова — озадаченный ступор. Он напряжённо вглядывался в экран и не дышал.

Я подошёл ближе и тоже не дышал. Как будто любой шорох может испортить момент.

Прошло несколько мгновений. Мне казалось, что Вселенная сейчас сожмётся до размера атома — и наступит Конец Всего.

Вдруг из системного блока, что стоял на полу, донёсся неприятный высокий системный звук. Затем экран монитора покрылся синим цветом, и раздался оглушительный хлопок! Из системного блока повалил дым.

— Чё-ё-ё-ё-ёррртт! — взревел Исаков.

Запах горелого заставил меня поморщиться, сделать обрывистый вдох и, наконец, снова начать дышать.

Я вовремя отскочил в сторону, иначе бы Исаков смёл меня, когда ринулся к системному блоку.

— Комп не выдержал! — кричал он из-за стола, выдёргивая вилку из розетки. — Не выдержал мощности! Подсоединение к другим компьютерам прошло успешно. Их мощность была изъята. Но как только началось подключение к узлу Духовности, всё зависло и полетело! Почему же не выдержал комп?!

— Выходит, — тихо произнёс я, — другие компьютеры, которые участвовали в этом... тоже... взорвались?

Красное взволнованное лицо Исакова показалось из-за стола.

— Вероятнее всего, — проговорил он испуганно. — Это похоже на ответный выброс энергии. Мы направили огромную мощность, а она словно оттолкнулась обратно. Будто отдача пистолета. Как же я это не предусмотрел?.. Я два года писал эту программу. Этого не должно было произойти...

— Надеюсь, это не из-за меня. Ты так долго к этому шёл, — выговорил я, но тут же понял, что несу крайнюю чушь.

Исаков, закусив указательный палец и свесив взгляд к полу, принялся судорожно носиться из одной стороны комнаты в другую.

— Я где-то недосмотрел... Я что-то проглядел... — бормотал он себе под нос, словно меня здесь и не было. — Вот так всегда!.. Так всегда, блин!.. Когда кажется, что уже подкрался к Истине совсем близко, она вдруг берёт и ускользает в самый последний момент! Именно тогда, когда ты уже почти касаешься её своими пальцами и вот-вот возьмёшь её... Будто так заложено самой природой! Плакала моя Нобелевская премия!

Прокричав последние слова — от чего у меня даже заложило уши, — Исаков, точно поверженный воин, рухнул на кровать: лицом в подушку.

Кажется, он плакал.

Наверное, сейчас, подумал я, лучше оставить его одного. И прийти потом.

Решив не брать сумку, я встал и ещё раз посмотрел на лежавшего Исакова. Постояв так несколько секунд, я постарался собраться с мыслями. Затем тихо вышел из комнаты.

Теперь — к Анжеле.

[7]

За моей спиной носились люди. Туда-сюда, туда-сюда. Всюду звучали голоса, окрики, вспышки смеха, монотонный говор. Всё это сливалось в одну какофонию учебного заведения. Жуткое, надо сказать, место.

Я стоял у стенда, переминаясь с ноги на ногу, и пытался разобраться в расписании занятий. Оно висело, приклеенное скотчем, и выдавало очень много информации. Так... нужен четвёртый курс. Вроде бы нашёл. Но в какой группе учиться Анжела? Их тут несколько. Наверное, подумал я, сначала нужно наведаться к той, у которой пара в данный момент проходила на первом этаже. Начать с близкого.

Вскоре я приоткрыл дверь нужной аудитории и просунул туда голову. Но никого из тех людей, что приезжали месяц назад в больницу, не увидел. Потом поднялся на второй этаж. Нашёл другую аудиторию и только приоткрыл дверь, как тут же заметил знакомые женские лица.

Вот и она — Анжела. Сидит за первой партой, погружённая в свой конспект.

— Вы что-то хотели, молодой человек? — заметил меня преподаватель. Все тут же устремили на меня взгляды. Анжела — тоже.

Я приоткрыл дверь шире.

— Добрый день. Я хотел бы поговорить с Поляковой Анжелой, если вы не против. Можно её на минутку?

— М-м... — задумчиво произнёс мужчина, посмотрев на свои наручные часы. — А вы не могли бы чуть-чуть подождать? Мы уже почти закончили.

Я охотно кивнул и закрыл дверь. Выдохнул. Затем подошёл к окну в коридоре и принялся ждать.

Через минут семь раздался оглушительный звонок. Дверь аудитории распахнулась. Выходящие студенты с нескрываемым любопытством глазели в мою сторону. Было видно, помнили они меня отлично. И, наверняка, перешёптывались сейчас именно обо мне. И, конечно же, об Анжеле.

Анжела вышла последней. На ней сегодня было бежевое платье. Очень красивое. Впрочем, как и она сама.

Держа в руках сумочку и пальто, Анжела подошла ко мне. И обняла.

Я этого совсем не ожидал. И выбил её сумочку из рук, пытаясь обнять в ответ. Вышло крайне неуклюже.

— Прости... — произнесла она.

— Нет-нет... Это ты прости... Я...

Я поднял сумку и передал ей.

— Ну, что, пойдём? — произнесла она.

— Куда?..

— Ко мне. Ты ведь только-только из больницы? Наверное, и не кушал даже?

— Ну, да... почти сразу из больницы... Но то, что не кушал — это правда. Но тебе не обязательно мне...

— Пойдём! — Анжела взяла и несильно потянула меня за локоть.

Мы вышли из института. Улица была пропитана послеобеденным солнцем, удивительно светло и тепло, несмотря на периодические порывы ветра.

— Ты... смогла узнать, чья это машина?

Губы Анжелы медленно приобрели очертания улыбки.

— Тебе повезло, — сказала она. — Ты передал бумажку нужному человеку. Моя мама работает как раз там, где могла узнать имя и номер телефона автовладельца.

Я остановился, пристально глядя на Анжелу.

— Да-да! — улыбнулась она шире, и лёгкий румянец заиграл на её щеках. — Дома я передам тебе листок с информацией.

— Анжела, я даже не знаю, как отблагодарить тебя... У меня с собой нет ничего ценного.

— Единственное, чем ты можешь отблагодарить — это найти свою маму. Я бы этого очень хотела. Поэтому и решила тебе помочь. Из собственных интересов, понимаешь?

Я глубоко вздохнул. И даже слегка улыбнулся. Не думал, что всё выйдет так просто. Оказывается, бывает и так?..

Анжела жила недалеко от института. Хорошо бы купить какой-нибудь гостинец, подумал я. Но денег было не так уж много, чтобы ими разбрасываться. Две тысячи, которые уже мало-помалу тратились на проезд. И всё же, несмотря на то, что Анжела всячески противилась, я купил медовый торт. В итоге: минус триста рублей.

Вскоре мы зашли в обычный подъезд обычной кирпичной пятиэтажки, поднялись на второй этаж. Анжела всунула ключ в замок, но открывать его не спешила.

— Если что — ты мой парень, — взглянув мне в глаза, прошептала она. — Учишься со мной в одном институте.

— А для чего это? — удивился я.

Анжела вздохнула.

— Родители сегодня дома. А они... до сих пор не могут забыть моего бывшего. Всё мечтают и теребят меня, чтобы я вернулась к нему. Но я к этому лицемеру больше ни ногой. Поэтому и хочу, чтобы они раз и навсегда поняли, что я иду дальше. И уже в отношениях с другим человеком. Ты, надеюсь, не против? Как услуга за услугу, м?

— Конечно-конечно, — проговорил я.

Должен же я был хоть как-то отблагодарить Анжелу за её доброту. Однако внутри себя уже распознавал очертания тревоги, что всё это — явно не самая лучшая идея.

Только мы вошли в прихожую, как перед нами возникли её родители. Среднестатистические: таких показывают в рекламе стирального порошка. Папа — в майке и выдавшем виды трико; мама — в халате и с бигудями на голове. Озадаченные, они уставились на меня.

— Мам-пап, знакомьтесь, это — Рома.

Секунда. Вторая. Третья. Пятая. Тишина повисла весома.

— Здравствуй... Рома, — несколько опешив, всё же поздоровался мужчина, на что я ответил тем же.

Женщина же застыла с приоткрытым ртом, осматривая меня с головы до ног. Потёртая одежда особенно привлекла её ползающий, точно хищная змея, взгляд.

— Это Рома, — повторила Анжела. — Мы встречаемся.

— А я уж подумала, ты с Андреем пришла, — не без досады наконец произнесла женщина. — И давно?

— Какая разница, мам? — Анжела сняла пальто и повесила его на вешалку. Затем потянулась за моей ветровкой. Но раздеваться я не спешил.

— А Андрея ты уже забыла?

— Мам! Сколько раз я тебя просила: не вспоминай больше о нём! Я иду дальше. И сколько он вам ни звонит и ни извиняется, обещая золотые горы, — это ваше дело. Общайтесь и любите его сами. Без меня.

— А этого ты когда успела полюбить? — Женщина с нескрываемым презрением указала на меня. — Когда ты успела с ним сойтись в такой короткий срок?

И тут я зачем-то не сдержался.

— Простите, но... — заговорил я с непринуждённой улыбкой. — Почему совершеннолетней девушке нужно кого-то в чём-то убеждать? Объяснять разрыв прошлых отношений... Появление новых... Это ведь её сугубо личное дело, разве нет? Личное дело, на которое она имеет полное право. Дела сердечные не подлежат широкой огласке. Вы же, наверное, не станете этого отрицать?

Мама Анжелы приоткрыла было рот шире, но так и не нашла, что сказать. Посылать меня сразу, видно, было бы слишком просто для такого нахального выпада с моей стороны. А для иного действия нужно время для обдумывания. Собственно, вот и оно — наступившее молчание. А раз пространство никем не занято...

— И почему бытует мнение, что при знакомстве с родителями девушки молодой человек должен непременно им понравиться? — Я сделал вид, что взволнован и озадачен данной проблемой. — Это, знаете ли, можно сравнить с просмотром фильма. Если первые минуты какого-нибудь фильма вам не понравились, это совсем не значит, что он весь плохой. Или наоборот: бывает, начало превосходное, питающее восторг, но вот всё остальное

оказывается полным провалом. Поэтому первое знакомство с кем-либо или чем-либо зачастую не есть показатель его истинного качества.

— Но можно же просто взять и выключить тот фильм, который с первых минут неинтересный. — Словно не желая обидеть сказанным, отец Анжелы приподнял брови и отвёл взгляд в сторону, но ухмылку скрыть ему не удалось. — И, не тратя время, найти другой. Который будет лучше наверняка. От начала и до конца. Их же много, этих фильмов разных.

Попался.

— Ваш ответ, — сказал я, — и особенно выражение вашего лица говорят о том, что вы слегка смущены. И это нормально. Поэтому и захотели сделать что-то, сострить в данной ситуации, заполнить странную пустоту. Говоря проще, разрядить обстановку.

— Да я что хочу, то и говорю, — ухмыльнулся мужчина по-хозяйски.

— Не совсем, — ответил я, глядя на него.

Снова тишина. Посылать меня сейчас им было уже поздно, неестественно. Партия началась.

— Ты о чём вообще? — Отец Анжелы внимательно посмотрел на меня.

— Как бы вам правильно это сказать. Фильм-то, может, и можно выключить и найти другой. Но уж точно не вам это делать. Не вы его выбрали для просмотра.

— Какой строптивый *фильм* нам сегодня попался! — усмехнувшись, воскликнул мужчина, бросив взгляд на жену.

— Да, возможно, моё появление в вашем доме — не самое прекрасное событие за весь ваш день, знаю! — Я с улыбкой выставил перед собой руки, будто сдаюсь. — Но ни я, ни Анжела не обязаны никому ничего объяснять относительно собственной личной жизни. К тому же чрезмерный напор человека на чьи-то отношения играет только против него самого же.

— Это ещё что значит? — спросил отец Анжелы, скрестив руки на груди.

— Ну... — Я задумчиво почесал голову. — Я сейчас не скажу ничего гениального, но когда человек активно лезет в чужую взрослую личную жизнь, это означает, что у него у самого в сфере собственных отношений... существует... ну... некий дисбаланс. Ну... или их вовсе нет. Отношений этих. Тотальная неудовлетворённость.

— Ты что всем этим хочешь сказать, я не пойму?! — заметно начал выходить из себя ещё недавно непринуждённо усмехавшийся мужчина.

— Всего лишь то, что дальше есть четыре пути развития нашей беседы. Но если хотите, можем завершить всё прямо сейчас.

— Что ещё за четыре варианта?

— Ну... обычные.

— Ты о чём вообще?

— Если хотите знать, говорите.

— Что говорить? — Мужчина недоумённо глядел на меня.

— Что хотите.

— И у тебя в этом случае готов ответ?

— Да. Правда, система уже удвоилась. Теперь восемь вариантов. Говорите дальше, если хотите.

— Да не буду я ничего говорить! — отрезал мужчина, быстро качая головой.

— Вы выбрали один из самых часто встречаемых вариантов. Он наглядно демонстрирует, что вы опасаетесь скользких ситуаций. Бережётесь за свою, если можно так выразиться, репутацию. За свой уже установленный образ в глазах других людей. За свою устоявшуюся и привычную модель поведения. Следовательно, вы что-то подсознательно утаиваете. Не договариваете. Оттого и чрезмерно «статичны». Боитесь встретиться с чем-то внутри себя и снаружи тоже. Возможно, у вас от семьи имеются очень даже серьёзные секреты.

Женщина перевела взгляд на мужа. Тот, в свою очередь, грозно вперился в меня — подготавливал следующий шаг. В трусах, трико и с таким выражением лица он выглядел крайне убого. Но знать он об этом, конечно, не знал.

— Что ты щас сказал? — просипел он, нахмурившись.

Я молчал.

— Ну?! И сколько у тебя теперь вариантов того, что я скажу, а?!

Шах...

— Один. И вы его уже сказали. Люди вызывающе говорят: «Ну, а сколько теперь у тебя вариантов?» или что-то подобное, когда не знают, как обороняться. Этим самым переходят в атаку. Ведь лучшая защита — это нападение, верно? Хоть и бессознательное.

— Анжела! Кого ты, чёрт подери, привела к нам в дом?! — воскликнул мужчина. — Что за сумасшедший бред он несёт? Я уже не знаю, как с ним разговаривать!

И мат.

Спасительный перевод внимания зрителей с себя на другого участника беседы. Жалкая эвакуация. Что ж, пускай живёт...

— Лучше скажи им правду. Зачем лгать, Анжела? — Я тоже внимательно поглядел на неё.

Анжела, точно обступленная врагами жертва, грустно выдохнула.

— Он недавно вышел из больницы...

— Из какой ещё больницы? — спросила её мать.

— Психиатрической... У него навязчивые мысли. Роман всегда прогнозирует варианты ответов других людей. Просчитывает всё наперёд, обдумывает, анализирует. Я считаю, так он использует свою психическую энергию, чтобы не сойти с ума. Направляет её в полезное русло.

— И это ты называешь *полезным руслом*?! — изумился её отец.

— Зато он очень искренний и очень скромный человек! И наверняка не хочет переспать со мной на первом же свидании! — вдруг выкрикнула Анжела, чему я, сказать по правде, немало удивился.

— Если болен психически, то, конечно, не захочет, — проговорила её мать. — У него, видимо, другие, необычные интересы.

— А может, наоборот? Может, это вы с вашим Андреем ненормальные?! — с жаром заговорила Анжела, по очереди указывая пальцем на родителей. — Роман — самый нормальный из всех, кого я встречала за свою жизнь. Вы бы только послушали, как он искренне говорит! Посмотрели бы, насколько он воспитан, сдержан.

В комнате снова разразилось гнетущее молчание. Женщина всё ещё колюще посматривала на мужа. Потом перевела взгляд на дочь.

— Ну раз так... Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Проходите, раз пришли.

Вот так знакомство, не правда ли?

— Спасибо, но проходить я не буду, — сказал я и передал женщине торт. — И я не парень вашей дочери. Я так, зашёл и ушёл. Меня вы больше не увидите. Простите за причинённые неудобства. Анжела, дай мне, пожалуйста, листочек, и я пойду.

Анжела тяжело выдохнула. Её плечи печально приспустились, точно отпущенная с крыши высотки красивая ткань, безвозвратно полетевшая вниз.

Она исчезла в комнате и появилась спустя несколько секунд со сложенным пополам листом бумаги. Потом надела тапочки и вышла вместе

со мной на лестничную площадку, закрыв за собой дверь. Молча протянула мне листок. Я раскрыл его.

Валерий Ткаченко, ВАЗ-2109. Телефон: 8-9...

Есть!

Я вздохнул и, сложив лист, убрал его в задний карман джинсов. А спустя мгновение обнял скованную Анжелу. Это всё, что я мог оставить ей в качестве благодарности. Несмотря на то, что чувствовал себя в этот момент крайне неуверенно.

Мы постояли так некоторое время. Я уже собирался отодвинуться, но почувствовал, что она не выпускает меня.

— Не обращай внимания на родителей, — тихо произнесла она. — Они такие, какие есть. Их не изменить.

— Да ничего страшного. Всякое бывает.

— Хочешь, я и дальше буду помогать тебе с поисками? — прошептала она мне на ухо. — Хочешь?

— Ты знаешь... я думаю... не стоит. Спасибо, Анжела. И так тебя своими проблемами загрузил. Ещё и родителей из себя вывел.

— Да ну что ты, брось! Мне самой хотелось тебе помочь. И... хотелось бы делать это и дальше.

— И всё же... не стоит, — произнёс я, слегка отодвинувшись. — Дальше я сам. Спасибо тебе огромное. Ты очень добрая. Из тебя получится хороший психолог.

Сложно сказать, решил ли я тогда просто не заметить возникшую досаду и грусть на лице Анжелы, или мне всё это только показалось...

— Если кто здесь и может называться хорошим психологом, то только ты. Я даже не ожидала, что ты способен на такое. У папы действительно много секретов от нас... Знаешь, Роман... быть может... может, потом ты придёшь ко мне, как найдешь свою маму? Ведь ты знаешь, где я живу, верно? И где я учусь, тоже знаешь. Можешь смело приходить. На родителей не смотри, что с них взять! Поворчат и перестанут. В общем, если захочешь... если *сам* захочешь... я с удовольствием встречусь с тобой вновь.

На последних словах голос Анжелы дрогнул.

— Почему бы и нет. Будет время, заскочу.

Я отошёл на шаг. Улыбнувшись, кивнул Анжеле. Затем развернулся и стал спускаться по лестнице.

Анжела стояла на том же месте, провожая меня взглядом. Когда я выходил из подъезда, откуда-то сверху тихо донеслось: «Ты не придёшь». Настолько тихо, что, возможно, просто послышалось.

Я вышел из подъезда.

Теперь всё, что мне оставалось, это как можно скорее найти телефон.

*

Я попросил первую попавшуюся на улице женщину в обмен на сто рублей дать мне позвонить. Она отказала и посмотрела на меня так, будто я уже удираю с её телефоном через дорогу. Потом обратился к парню-велосипедисту, но денег он не взял.

— Звони так. Всё равно в случае чего далеко не убежишь.

Пока он пил воду, я, сминая в руке бумажный листок, быстро набрал номер. Услышал протяжный гудок: звонок идёт... Я заволновался.

— Слушаю, — раздался мужской голос на том конце.

Я напряжённо молчал.

Секунда.

Вторая.

Что я должен сказать этому голосу?..

— Добрый день! Это Валерий?

— Да, это я, — ответил голос.

— Извиняюсь за возможные неудобства, Валерий, но я хотел бы у вас кое-что спросить. Дело в том, что я — воспитанник детского дома № 1 — уже долгое время ищу свою маму. Существует информация — быть может, она и не совсем точная, — что вы могли подвозить её девятнадцать лет назад, когда она... отдавала меня в дом ребёнка. Потому как именно ваш автомобиль был замечен тогда у его ворот. В связи с чем я хотел бы задать вам вопрос... — голос мой задрожал. — Вы, случайно, не знаете, где сейчас моя ма...

— Где ты, Рома? — прервал меня голос.

Я обомлел. Вдох замер в груди, а до выдоха, казалось, целая вечность.

— Н..н..недалеко от Института психологии.

— Нам нужно встретиться.

— Х..хорошо. Я могу в любое время.

— Тебя устроит кафе «Домашняя кухня» в восемь вечера? Как раз недалеко от того института, знаешь это место? Сейчас я на работе, мне пока никак не вырваться.

— Л..ладно. В восемь вечера, кафе «Домашняя кухня». С..спасибо за ваш отклик, Валерий.

— Всё, до встречи.

Разговор закончился.

Я стоял, не в силах пошевелиться.

Велосипедист, увидев моё лицо, улыбнулся:

— Кажется, тебе этот звонок был жизненно необходим.

— Не то слово, — выдохнул я наконец. — Вселенски необходим!

— Ну, что ж, бывай. — Он забрал телефон и покатил по тротуару дальше.

Я замер посреди оживлённой улицы. Замер и впервые совершенно не чувствовал себя в гуще шагающих людей одиноким. Ни капли. Весь мир разом преобразился, став куда привлекательнее, приветливее, чем раньше.

Вот это да...

Я поднял глаза к солнцу. И, прикрыв веки, улыбнулся. Блаженной улыбкой. Той самой, которой не улыбался, пожалуй, очень давно.

Удача на моей стороне. Ещё немного. Ещё каких-то три с половиной часа — и я получу ответ на самый важный вопрос!

[8]

— Ну? И что было потом?

Ева пытливо взидала на меня большими изумрудными глазами. На её голове уже лежал венок из ромашек: сплела во время моего рассказа.

— Думаю, на сегодня хватит... — произнёс я, разминая шею рукой. — Давай завтра. Я устал.

— Здесь нет сегодня и завтра, забыл? Здесь всегда *Сейчас*.

— Всё равно. Хочу передохнуть.

Ева возмущённо скрестила руки на груди.

— Ну вот. На самом интересном месте взять и обрубить — как так можно?! Так ведь не делается. Ты злодей, Роман!

Я вылез из ямы. Возле неё уже покоилась приличная чёрная куча. Некоторые ромашки были бесследно погребены под слоем вырытой почвы.

Ева последовала за мной. Я хотел подать ей руку, но она всем своим видом дала понять, что не нуждается в помощи.

Солнце по-прежнему припекало, как раскалённая банная печь. Небо — чистейшей ясности. Я спустился к воде, желая искупнуться. Но вспомнив, что Ева находится сзади и, вероятно, смотрит на меня, передумал — раздеваться догола у неё на глазах как-то не хотелось. Поэтому лишь присел и ополоснул руки, лицо и шею холодной водой.

— И вообще! — недовольно брнчал за моей спиной голос Евы. — Как бездушно ты поступил по отношению к Анжеле! Она тебе помогла, а ты!.. Мне её жалко как девушку. Ты ей понравился, и она сама дала тебе это понять. А ты, нахал, просто взял и ушёл. Представляешь, каково ей было?

— Если ты уже сейчас жалеешь кого-то, то не знаю, стоит ли рассказывать дальше.

— А что... — сбавив голос и как бы немного притаившись, спросила Ева. — Дальше будет ещё хуже?

Я промолчал. Глядя в небесно-морскую даль, я встал и закрыл глаза.

— Намного, — прошептал я.

Да. Теперь воспоминания стали вырисовываться гораздо чётче. Теперь в голове имелась более целостная картинка не происходящего, но произошедшего в недавнем прошлом.

— Я готова! — Ева решительно приподняла подбородок, когда я повернулся к ней и зашагал обратно. — Готова терпеть и слушать тебя! Хотя ты и нахал, но рассказываешь превосходно.

— Я хотел бы вздремнуть. Клонит в сон.

— Эй! Не вздумай дрыхнуть!

— Это почему?

Ева вдруг замерла. Губы её дрогнули, и она резко повернулась к яме.

— А рыть-то кто будет?

— Ничего, подождёт. Для отдыха уже вполне неплохо получилось.

— Не стоит думать только о себе. Ты ведь здесь не один.

— Прости, но мы вряд ли поместимся вдвоём. Там ещё тесновато.

— Да я не о себе, балда! Взгляни на ромашки и траву. Здесь жарко, земля сохнет. Поухаживай за ней.

— Полить, что ли?

— Почему бы и не полить? — Ева всплеснула руками. — Понатааскай водички.

— В чём? В ладонях?

Ева замолчала. Лишь спустя несколько мгновений тихо и задумчиво произнесла:

— Впрочем, скоро всё равно дождь...

— *Дождь?* — удивился я. И посмотрел на невинно-голубое небо, думая, не ослышался ли.

Ева не ответила.

— И что будет, когда пойдёт дождь?

Ева повернулась в сторону горизонта.

— Для нас — ничего хорошего, — еле слышно выговорила она. — Поэтому тебе лучше не затягивать свою историю.

Вот снова. Снова вошла в другой режим! Где у неё находится этот рычаг переключения настроений?

Я, озадаченный, стоял и не сводил глаз с её напряжённого лица. Что она имела в виду, когда говорила о дожде?..

— И всё-таки, Роман, могилка у тебя знатная! — вдруг совершенно беззаботным тоном произнесла Ева, повернувшись к яме. Взгляд её в одно мгновение посветлел. Она сняла свой ромашковый венок и метнула его в яму.

Я последовал удивлённым взглядом за траекторией полёта цветочного круга. Тот шмякнулся о земляное дно, но не рассыпался. Когда я поднял глаза, чтобы спросить Еву, зачем она это сделала, её уже не было.

Только пустой островок.

Я растерянно огляделся. Просто прекрасно. Прямо вот ничего необычного! Безрезультатно осматриваясь по сторонам, я зачем-то снова побрёл к воде. Нет, ни души. Исчезла так же внезапно, как и появилась.

Неужели... навсегда? Но ведь она не дослушала мою историю.

В полном замешательстве я вернулся к яме. Спрыгнув в неё, я взял венок и, отряхнув его, надел на свою голову. Кажется, в самый раз. Потом лёг на спину и сразу же почувствовал прохладу. С этого положения солнца видно не было. Даже его прямые лучи сюда не попадали, оставаясь на верхней части земляной стенки бледно-золотистой полосой.

«Раз она исчезла, может, искупаться?» — подумал я.

Но вставать и снова идти к воде было лень. Я лежал и отчётливо ощущал каждую выпуклость под собой — это вызывало лёгкое неудобство. Нужно будет поработать над гладкостью дна, сделал я себе пометку на будущее. Но при всем при том уже сейчас был бесконечно благодарен своему тенистому убежищу.

Тем временем, пока я думал о Еве, меня завлакивал сон. Основательный, желанный и, кажется, неизбежный. И правда, что-то утомился, пока рассказывал. Будто всё заново проживал. Очень уж это энергозатратное дело — откровенно рассказывать о своей жизни.

Я повернулся на бок и, чуть вытянув руку, стал медленно водить пальцами по бугристой почве. В этом укромном месте я чувствовал себя защищённым. И мне вдруг почему-то захотелось передать это умиротворённое, благодатное состояние земле. С помощью прикосновений поблагодарить её. Наверное, я это делал, уже будучи спящим. Или в пограничном состоянии, когда фрагменты сна начинают врываться в действительность, сопровождаясь телесными движениями. Да и *действительность* ли это вообще?..

— Спасибо, — прошептал я с закрытыми глазами, пока ладонь продолжала гладить почву. Потом лицо моё оказалось вблизи от прохладной земли.

— Спокойной ночи, — прошептал я ещё тише.

И коснулся её губами.

Я поцеловал землю.

И уснул.

*

Дом бывает разным. У меня за всю мою непродолжительную жизнь было аж четыре дома. Первый, второй, третий — в реальности, четвёртый — в душе.

Первые три, конечно, назвать домом можно было только с большой натяжкой. Дом ребёнка, детдом и дурдом. Последние два настолько созвучны по звуку и духу, что хоть смейся, хоть плачь.

А вот четвёртым домом был тот, о котором я мечтал. Тот, который представлял я всей имеющейся силой своей отчаянной фантазии. И это дом, в котором было что-то очень дорогое. Родное. То, что, пожалуй, и не

выговорить словами. Разве что — слезами. Это тепло. Человеческое. Обнимающее. Всё понимающее. И... любящее.

И я искал такой дом. Дом, которого у меня никогда не было в реальности. Но я безумно о нём мечтал. Представлял его во всех мельчайших деталях. И всегда в нём видел её...

Её — родную, красивую, улыбающуюся.

Её — протягивающую мне свои нежные руки.

Её — ради которой стоит жить, бежать, искать, падать, снова вставать и снова бежать...

М а м а.

Чтобы быть вместе с ней, я готов был на всё.

Нередко мне снился такой дом. И во сне обычно я оказываюсь перед его высокой, огромной дверью. Рука моя, маленькая, тонкая и бледная, громко и больно стучит по жёсткому истёртому дереву.

Мамочка, милая, открой! Я пришёл! Наконец, я пришел. Теперь мы будем вместе. Всегда! Вот же я. Открой, мамочка. Пожалуйста. Почему не подходишь к двери?.. Ведь ты там! Я знаю, ты там. Ты слышишь меня. Пожалуйста, открой же скорее! Мне страшно здесь одному! Мамочка! Мне очень страшно. Забери меня отсюда. Слышишь, мама?.. Не оставляй меня здесь! Прошу, мама! МАМААААА!..

*

— С добрым пробуждением! — жизнерадостно воскликнул кто-то.

Я неохотно повернулся и лёг на спину. Ева сидела на корточках у ямы и с интересом смотрела на меня сверху. Подол сарафана, который уже изрядно замарался, обнажал её белые сандалики и кончики пальцев.

— Ты уже тут... — пробормотал я, приподнимаясь и протирая ладонью лицо.

Чувствовал я себя вовсе не отдохнувшим, а наоборот. Будто долгое время усердно бился обо что-то твёрдое. Сильно трещала голова, и я приложил к ней руки. Венок в этот момент сполз и шлепнулся на землю. Я

поднял его — и заметил слабые вмятины в земле. На том самом месте, где во время сна лежала правая рука.

— Я вся заинтригована и жду продолжения истории! — оживлённо заговорила Ева. — Такая завязка, такой сюжет! Ты прям отменный рассказчик.

— Я раньше хотел... писателем стать, — хрипловато проговорил я, вылезая из ямы. Возвратив Еве венок, я сразу же направился к воде ополоснуть лицо в надежде, что хоть это вернёт мне дееспособное состояние.

Ева привстала, поправила неожиданно оказавшийся на её голове венок и зашагала рядом со мной.

— А почему не станешь? — спросила она, неотрывно глядя, как я потираю пальцами виски.

— Ну... на этом острове я уже вряд ли сыщу себе толпу читателей.

Я присел на берегу. Зачерпнув в ладони холодной воды, ополоснул лицо. Дрожь не спадала. Меня жутко трясло.

— А что у тебя с правой рукой? — сказала Ева, всё это время внимательно наблюдая за мной. — Шрам на ладони. Откуда он?

Я неохотно перевёл взгляд на правую ладонь.

— Об этом как раз следующая часть моего рассказа...

Затем я привстал и двинулся к яме. Ева неуверенно шла рядом.

— Что-то ты совсем поник, Роман... Говорила же тебе, не нужно спать. Эй, ну стой! Надо тебя как-то развеселить. Эй, ну хватит меня игнорировать! Остановись! Да, вот так... Слушай... А ты вот замечал когда-нибудь, что люди в ярком солнечном свете выглядят иначе? Замечал? Они как будто становятся добрее, красивее, возвышеннее. Свет преображает, делая всё таким же светлым, ты знал?

— И что? — спросил я и от наивного вида Евы слегка улыбнулся.

Она, заметив это, заговорила ещё задорнее:

— Давай, Роман, встань и ты под солнечные лучи! Почувствуй их по-настоящему. Давай же! — восклицала она, окрашивая остров воодушевлением. — Они вычищают всё плохое, они лечат. Давай же, прямо сейчас! Нельзя начинать новый день с такого настроения. Не то ты сейчас рассыпешься, как песок!

Ева вытолкнула меня чуть вперёд — как бы на воображаемую сцену. Я недовольно поморщился, развёл руками, мол: «Ну и что? Что теперь-то делать?» А она лишь указала пальцем вверх.

Я поднял взгляд к солнцу. И сразу прикрыл глаза из-за сильного и яркого свечения. На экране век заиграли мерцающие блики, разноцветные пятна. В следующее мгновение я услышал у своего плеча дыхание Евы. Она стояла сбоку, держа меня за левый локоть, словно зверюшку, которая может в любой момент сорваться и убежать.

Я сосредоточился на ощущениях. Солнце жарко обливало кожу, нагревало её. Мой нескончаемый озноб приятно контрастировал с этим теплом. Это подобно тому, когда ты замерзший опускаешься в горячую ванну. Вскоре я успокоился и даже расслабился. Да. Очень хорошо. Мне стало очень хорошо. И спокойно. Тепло... Уютно... Мне очень хоро...

Вдруг Ева громко запела у самого моего уха:

Жги наши глаза, не милуй!
Жги всю боль и злобу мира!
Солнце, хватит, не томишь —
Выжигай всю ненависть.

Выжигай мои глаза,
Выжигай всё без следа.
Там, на донышке души —
Все страдания Земли.

И растает корка льда:
Правда, ложь — одна вода.
И взойдёт росток Любви,
Ты его всегда храни!

Но без слёз не расцвести
И себя не обрести.
Лишь когда для злобы слеп,
Могут слёзы песню петь.

Ну и песня, чёрт подери.

Однако... слова мне нравились. А вот исполнение оставляло желать лучшего. Но для Евы, кажется, это не имело никакого значения. Она была так поглощена процессом, что, наверное, ни один смерч не съёс бы её намерения допеть эту странную балладу о Солнце и Страданиях.

Она продолжала:

Жги наши глаза, не милуй!
Жги всю боль и злобу мира!
Солнце, хватит, не томишь —

Выжигай всю ненависть.

Пусть растёт Любви росток,
Он созреет ровно в срок,
Но без слёз не расцвести —
Будь готов отдать долги.

Стань для злобы вечно слеп,
Дай слезам спеть свой припев.
Стань для злобы вечно слеп —
И узришь ты яркий свет.

Я открыл глаза. Ева стояла совсем рядом, направив своё красивое лицо к солнцу. Веки её были прикрыты. Молодая, исполненная жизни, с золотисто сияющими волосами, воспевала она песнь Солнцу...

Ева.

Единственный здесь, помимо меня, человек. Единственный кусочек реальности, напоминающий о том мире из моего рассказа. Мире людей. И она — рядом. Со мной. Рядом со мной, несмотря ни на что...

Закончив петь, Ева приоткрыла глаза. И заметила, что я пристально на неё гляжу.

— Ну? — прошептала она. — Полегчало?

— Ещё как, — искренне ответил я. — Кажется, смысл песни я уловил... Пусть солнце светит и сжигает всю грязь мира. Хотя... здесь, на острове, этого мира всё равно нет, так что пусть он со всеми своими пороками и вовсе катится к чертям.

На лице Евы отразилась задумчивость, но она ничего не сказала. Только когда мы дошли до ямы, у которой и сели, она произнесла:

— Если уж и посылать мир, то не к чертям, а к ангелам. Там у него больше шансов стать лучше.

— Что ж, к ангелам, так к ангелам, — ответил я. — Однако, его уже вряд ли что-то изменит. Ни добро, ни ангелы, ни Исаков...

— Эй, не говори так! Вселенная не создала бы нас, если бы всё было настолько плохо!

— Да откуда ты знаешь?

— Да просто знаю и всё.

Мы некоторое время сидели молча. Глядели то на море, то на дно ямы.

— А что сейчас в твоей голове? — спросила Ева. — И как обычно это у тебя происходит? Твои навязчивые мысли...

Я втянул в лёгкие побольше воздуха.

— Если говорить про сейчас, то... сейчас у меня в голове такая каша, что даже размешивать не хочется. А обычно... обычно мои мысли носят характер двойственности. Знаешь, это когда в тебе противоборствуют две части, и каждая отчаянно тянет в свою сторону. Ты не можешь понять, какая из этих частей настоящая, правильная, и кто во время этого конфликта ты сам. Уже выходит не двойственность, а тройственность. При этом ты допускаешь, что наверняка эти две части — не единственные в тебе. Что есть и другие. А это уже не тройственность, а множественность. Быть может, даже бесконечность. И вот эта бесконечность всей своей мощью проходит сквозь тебя, разрывает тебя и сносит к чертям всё твоё логическое адекватное мышление. Так начинается безумие. Во всяком случае, у меня всё было именно так.

Ева задумчиво перебирала пальцами травинку.

— Но ты всё же хоть немного вылечился после больницы? — спросила она. — Избавился от своей бесконечности?

— Она всегда во мне, — покачал я головой. — Просто сейчас притаилась. Я это чувствую. Ждёт удобного случая, чтобы сорвать все болты и гайки. Нужен лишь спусковой крючок, повод для старта — и тогда безумие вновь понесётся галопом. Но уже с новой, ожесточённой и неудержимой силой. И что тогда со мной будет — даже подумать страшно. Но здесь... на этом островке мне хорошо. Мне легко. И мысли совсем не носят насильственный характер. Хотя я и не понимаю, что здесь происходит. Но я знаю, что ты понимаешь. Смотришь на меня и всё понимаешь. Ты единственный здесь человек, кроме меня. Появляешься откуда ни возьмись и так же внезапно исчезаешь. Ты всё знаешь. Знаешь, но молчишь.

— До некоторых вещей нужно додуматься самому, иначе толку не будет, — тихо произнесла Ева. — Но поторопись, времени у тебя немного.

— Ты про дождь? Что будет, когда он пойдёт? И почему ты сразу не сказала о нём? Ты ведь говорила, что отныне... мы с тобой будем здесь.

Она отвела голову в сторону.

— Тебе лучше не затягивать с продолжением, — сказала она спустя несколько минут. — Начинай.

И вопросительно взглянула на меня.

Но слова у меня не шли.

— Что молчишь?

— Даже не знаю, стоит ли рассказывать дальше...

— Ты не доверишь мне? — удивлённо спросила она.

— Не знаю...

— Нужно учиться доверять людям.

— У меня это плохо получается.

— Ты кому-нибудь хоть раз в жизни доверялся полностью?

— Полностью?

— Полностью. Так, чтобы вся жизнь твоя была в руках этого человека. Куда он — туда и ты. Он шаг — и ты за ним. Не думая.

Я замолчал. А был ли у меня и правда такой случай? И первое, что мне пришло в голову, это следующий фрагмент.

...Летний вечерний ветер лижет лицо. Я сижу на раме велосипеда, летящего по асфальтному склону с невероятно высокой скоростью. Меня обхватывают две большие руки. Они держат руль и принадлежат моему единственному приятелю вне детдомовских стен. Он уехал в другой город, когда мне было ещё двенадцать.

Мы на велосипеде. Он спокоен. А я дико испуган. Скорость колоссальная. Одно неверное движение руля — и мы в крови на асфальте. Я говорю ему, что мне страшно. На что он совершенно хладнокровно отвечает, что всё нормально. После его невозмутимого ответа я вдруг точно понимаю: мы ни за что не разобьёмся, он полностью в себе уверен. И успокаиваюсь.

Тогда, сидя, можно сказать, в его объятиях и перед лицом экстремальной ситуации, я чувствовал себя в безопасности. Я доверял ему.

Хотя, конечно, доверять ему было нельзя. Как минимум с точки зрения здравого смысла. Он был необычным человеком: имел привычку врать. Ужасно часто врать. Чем уж именно она была вызвана, мне оставалось только догадываться, но факт оставался фактом — врал он всегда и по любому поводу. Эта привычка приняла у него патологический характер. Даже в самых простых ситуациях, когда и лгать-то никакой причины не было, он прибегал к своей манере исказить правду.

Но в те мгновения, когда он катал меня на своём велосипеде, я чувствовал себя будто под присмотром Бога. Опасно, быстро, страшно, сбивает дыхание, но при этом ты понимаешь, что тебя охраняет чья-то бдительность и полная уверенность в своих силах. Пока он за рулём — всё в порядке. Волноваться не о чем. Это ни с чем не сравнимое ощущение.

Ощущение опасности и в то же время безопасности. Ощущение слияния двух противоположных крайностей в один адреналиновый коктейль.

И вот сидел я теперь, глядя на Еву, и думал. А не является ли этот остров точно таким же, как и мой приятель на велосипеде? Не лжёт ли он мне, подсовывая это неподвижное солнце, эту странную девушку в красном сарафане и это таинственное холодное море?

И почему при всём при этом мне хочется оставаться здесь? Почему хочется быть с этим островом, чувствовать его, слышать его и никогда-никогда не покидать?..

Так что я и не знаю, можно ли доверять тому, кого (или чего) человек не понимает. Ведь я до сих пор не понимал, почему мой приятель так часто лгал.

Может, иногда можно?..

И я продолжил свою историю.

[9]

Настроение было приподнятым. И, пока до восьми вечера оставалось ещё полчаса, я решил перекусить. Впервые за весь день. Воодушевившись грядущей встречей, я даже позволил себе не экономить и покушать как следует. Тем более желудок уже несколько часов изнывал от голода, а в голову не лезло ничего кроме того медового торта с орехами...

В кафе «Домашняя кухня», в котором мы условились встретиться, оказалось недорогое меню: обычная пища по вполне приемлемым ценам. Я взял себе тарелку грибного супа, гречневую кашу с куриной котлетой и чашку чая с куском творожного пирога. И вот: ещё минус двести рублей.

Зал был полон наполовину. Я сел за свободный столик — так, чтобы, входя в кафе, меня сразу было видно. Быстро проглатывая еду, я постоянно глядел в большое окно. Высматривал Валерия. Человека, который должен был помочь мне приоткрыть завесу главной тайны всей моей жизни.

Интересно, как он выглядит? Узнает ли меня, когда войдёт? Поймёт, что это именно я — тот самый Роман, который звонил ему несколько часов назад?

Когда я добрался до чая, появился он.

Я сразу понял, что это Валерий. Наверное, по выражению его лица. По нему совершенно ясно читалось, что зашёл этот человек в данное заведение точно не для аппетитного перекуса.

Увидев меня, сидящего в одиночку, он сразу же направился в мою сторону. Среднего роста мужчина, возраст за сорок, лицо усталое. По одному короткому на него взгляду нетрудно было понять: теперь для этого человека оставалась только одна медленная и неизбежная дорога: в старость. И больше ему уже некуда свернуть, как бы он ни пытался. Ибо вся его внешность, его тело будут с каждым прожитым годом всячески сигнализировать о непреложном пути, которому он теперь должен следовать. И которому однажды начинают следовать абсолютно все люди. Просто кого-то внешние признаки этого пути настигают раньше, кого-то позже.

На нём было распахнутое серое пальто, под которым виднелась белая рубашка. В руках — ключи. Наверное, от той самой машины, на которой он подвозил в тот день мою маму... Хотя за это время он мог и поменять машину: девятнадцать лет всё-таки прошло. Да. Как ни крути, а на человека, который до сих пор ездит на «девятке» советского происхождения, он явно не походил.

Наконец Валерий подошёл к моему столику и, выдвинув стул, присел напротив меня.

Уже сейчас. Уже прямо сейчас я узнаю, где моя мама. Ведь он сам предложил встретиться. А значит, наверняка что-то знает. По-другому и быть не может! Или даже ещё лучше — мама уже где-то рядом, прячется, не выходит, готовит сюрприз, а он — словно подкормка: сейчас попросит выйти с ним на улицу, а там...

Он долго и неотрывно глядел на моё лицо. Я, сжимая чашку чая, даже и не заметил, сколько времени мы просидели в таком странном молчании. Казалось, я впал в транс и не мог пошевелить ни одной частью тела.

Когда я собрался с силами и хотел уже нарушить тишину, он вдруг приоткрыл рот и еле слышно произнёс:

— Мне неприятно это говорить, но... твоя мама... её больше нет.

Чашка в моей руке треснула.

— Что?.. — вымолвил я.

Мужчина молчал, продолжая глядеть в мои глаза. Чай, смешиваясь с кровью, полился по всему столу, стекая на пол. Всё кафе вдруг затихло и посмотрело в нашу сторону.

— Как это?.. — спросил я. — Что значит, «её больше нет»?

— Умерла. Уже почти три года прошло.

У меня затрещала голова. Я не мог отвести глаз от Валерия. А может, это не он? Может, это вообще какой-нибудь незнакомец, к которому я совершенно не имею никакого отношения? Этот мужчина, должно быть, просто ошибся столиком!

— Вы Валерий?.. — проговорил я.

Мужчина тяжело вздохнул. Потянувшись к внутреннему карману пальто, он достал конверт и положил возле меня — на участок стола, которого лужа чая не коснулась.

— Что это? — Я отрешённо посмотрел на неподписанный конверт.

— Это её письмо. Она написала его перед смертью. И попросила меня передать его тебе после того, как... всё случится. Но когда я пришёл к тебе в детский дом, тебя там уже не было. Искал в колледже, в который меня направили, но и там тебя не видели уже очень долго. В общежитии ты тоже не числился. И вот сегодня ты позвонил мне сам...

— Но... но кто вы?..

Мужчина немного отсел, прислонившись к спинке стула.

— Я был с ней в тот день. В тот день, когда она отдала тебя, Роман.

— Вы... мой отец?

— О, нет... — Он тут же замотал головой, опустив взгляд. — Совсем нет. Кто твой отец, она мне так и не рассказала. А я... я был всего лишь её другом. Тем, кто помогал ей во всем и был рядом. И тем, кто... всегда любил её. Помню, как ей было тяжело в тот день. Без поддержки она бы не справилась... Понимаешь, Роман... Она ведь так и не смогла простить себя после того, что сделала. А потому — это твоя задача. — Валерий чуть подался вперёд, с некой тревогой глядя на меня. — Прощение. Ты должен простить её, Роман, понимаешь?

Я сидел мертвецом.

На меня рухнула тонна отчаяния и раздавила тот еле державшийся росточек надежды. Внезапно. Жёстко. Грубо. Намертво.

Перед глазами поплыл странный туман. Бесформенный, бесцветный, но затмевающий всё вокруг. Голос Валерия, будто уносясь за край Вселенной, медленно пропадал. Я сидел на том же месте, но чувствовал всем существом, что происходит нечто престранное. Всё, что меня окружало, стало

постепенно отдаляться. Или даже наоборот: я стал от всего отдаляться. Оставляя себя одного. Одного с этой чудовищной новостью.

Валерий протянул мне ещё один конверт. Не отдавая себе отчёта, я взял его.

— ...уверен, с деньгами у тебя проблемы. Пускай это будет своеобразной поддержкой от меня, хорошо? Только прошу, не наделай глупостей, Роман...

Я отдаляюсь всё дальше. Валерия уже не вижу. Туман повсюду. В руках — оба конверта. Вдруг, сам того не понимая, я срываюсь с места. Позади с грохотом падает стул. Кто-то кричит в мою сторону. Это Валерий. Но слов не разобрать. Слова вязнут в тяжёлом и невыносимом пространстве-времени. Всё вязнет в нём и однажды умирает. Навечно.

Ты предала меня! Ты оставила меня. Оставила навсегда. Я собирался увидеть тебя, обнять, простить... Но ты... ты просто взяла и умерла? Да как ты посмела умереть?! Как ты только посмела это сделать?! Я тебя ненавижу, тварь! Я уже собирался тебя простить, слышишь? Я был готов это сделать! Всё, всё, что тебе было нужно — это всего лишь жить. Жить! Всё остальное я бы сделал сам. Как ты посмела уйти? Как ты посмела оставить меня?! Я ненавижу тебя! Теперь — по-настоящему! НЕНАВИЖУ!!!

*

Выскакиваю из кафе и врезаюсь в парня с девушкой. В ответ получаю сильный толчок. Падаю на землю, слышу мат. Быстро поднимаюсь, ускоряюсь. Дальше. Подальше отсюда. Толпы людей, говор, бессмыслица! Куда все эти черви ползут?! Уроды! Всюду уроды! Чтоб вы все сдохли, твари!

Мир шатается. Трясётся. Ноги подкашиваются. Земля носится по дуге. И снова я чуть не падаю. Ничего не вижу. В голове только одна мысль. Легенда про Верхнегорский мост. Мне нужно туда. Срочно!

Добегаю до остановки. Нужный мне автобус как раз трогается с места. Я что-то кричу ему изо всех сил. Он останавливается. Вбегаю в его салон. Быстро прохожу в самый дальний конец, где сидит какая-то деваха. Падаю на кресло.

Та городская легенда... Мне нужно туда, к мосту... Скорее!

Из правой ладони хлещет кровь. Но вроде бы никто не обращает внимания. Да и никого нет. Только эта, одна. И всё же пялится на меня. Ну, и пусть. Мне, пожалуйста, к мосту — и побыстрее! Плачу вдвойне! Теперь уже нет смысла экономить. Теперь уже всё иначе. Один диалог с человеком — и такой крутой поворот собы...

Что? что такое?

— Извините, с вами... всё нормально? У вас кровь...

...Наверняка же по мне видно, что я сейчас не в духе. Наверняка же понятно, что лучше меня сейчас не трогать. Но вот ИМЕННО В ЭТОТ момент ИМЕННО ЭТОЙ дуре приспичило ко мне обратиться!

Бросаю на неё злобный взгляд. Если бы он мог её убить, испепелить, раскромсать на миллиард кусочков, то я был бы этому несказанно рад. Девушка продолжает стоять рядом: даже подошла ко мне. Озабоченное лицо, встревоженные глаза, поправляет выбившуюся тёмную прядь... И чего же тебе не сидится молча, овца темноволосая?!

— Вы куда едете, милочка? — спрашиваю я её хрипло.

— Я?.. — робко отвечает она. — На автовокзал...

— ВОТ И ВАЛИТЕ В ВАШ АВТОВОКЗАЛ! — взрываюсь я.

Она от испуга невольно делает шаг назад, упираясь в боковину соседнего кресла.

— Вон, как раз следующая! — добавляю я.

— Как?.. — бормочет она. — Уже?

— Следующая-следующая! — Я делаю нервный жест в сторону выхода.

Автобус в этот момент как раз тормозит у остановки, и водитель, пользуясь моментом, оборачивается посмотреть на возникший в салоне переполох. Девушка, схватив большую дорожную сумку, направляет на меня смущённый взгляд — и быстро несётся к передним дверям. Там впопыхах расплачивается за проезд.

Когда она выбегает из салона и двери за ней закрываются, я глубоко вздыхаю и вдруг понимаю, что ошибся. Дал ей ложную информацию. Автовокзал будет на следующей, а не *на этой* остановке. Хотя, скорее всего, выбежала она по другой причине. Из-за моего ответа.

«А! Ну и чёрт с ней. Сама разберётся. Нечего садиться в автобус, если не знаешь остановок и не можешь ехать молча, дура проклятая!» — делаю я молча отмашку кровоточащей рукой и поворачиваюсь лицом к окну.

В следующий миг сердце моё останавливается.

Та самая девушка, растерянно оглядываясь и перебегая дорогу, попадает в эпицентр какого-то странного переполоха. Всеобщее напряжение мгновенно наполняет пространство, и, раздвигая все остальные звуки мира, раздаётся пронзительный визг тормозов, а затем... чёткий звук столкновения.

Синий седан, проехав ещё несколько метров, останавливается. На его лобовом стекле — глубокая вмятина и тёмно-алые разводы.

Кажется, я умер.

Но нет. Не умер.

Продолжаю сидеть в автобусе и ехать дальше. Жизнь продолжает идти своим чередом, и даже лежащее на асфальте тело девушки не может её остановить. Автобус вскоре поворачивает — и место душераздирающего происшествия скрывается из виду.

Я хватаюсь за грудь. Начинаю с болью откашливаться. Всё это время, оказывается, абсолютно не дышал. Теперь же, бешено стараясь компенсировать отсутствие в лёгких воздуха, чуть не задыхаюсь. Боль в груди такая, хоть глотку себе перерезай. И стук под рёбрами становится такой, будто кто-то из всех сил долбит в дверь, пытаюсь выбраться. У нас так в детдоме часто шутили — запирали кого-нибудь в туалете.

Но сейчас всё это были не шутки.

Что же я, чёрт подери, наделал.

[10]

Под большими валунами обнаруживалась глубокая пещера. Настоящая пропасть. Там, где-то на её дне шумела подземная речка, которая затем силой своего бешеного течения извергалась в широкую Верхнегорскую реку.

По слухам, именно в этой пещере разлагались трупы всех пропавших здесь людей. Я же сомневался, что такое быстрое течение позволило бы хоть чему-то уйти ко дну. Оно бы тут же подхватило и потащило всякого бедолагу через эти тёмные подземные скалистые тоннели, чтобы затем выплюнуть в Верхнегорскую.

Эта быстротечная речка в пещере была похожа на жизнь. Неслась так же стремительно, неуклюже, свирепо, тревожно и опасно. Я, в принципе,

понимал теперь, что двигало людьми, решившимися пойти ко дну этого зловещего места...

Оттуда, с глубины, веяло каким-то особым притяжением. Казалось, можно сигануть туда вниз головой — и ничего с тобой не будет. Как будто этот полный энергии поток и должен подхватить тебя, должен унести куда-то подальше отсюда. Куда-то к новой жизни. К жизни, намного отличающейся от твоей нынешней.

Да, эта пещера виделась спасением от всех бед. Эдакая кроличья нора для самых смелых «Алис», не боящихся встретиться с говорящими кроликами, танцующими чайниками и... со смертью.

...За городом всё было иначе. Другие запахи, другие пейзажи. И нет людей. Лишь я. Недалеко от заброшенного моста, что пролегал над Верхнегорской рекой. Словно подбитый какой-то болезнью, он был весь покрыт ржавой сыпью и, казалось, вот-вот не выдержит и рухнет. Дорога, на которой он пролегал, уже давно не использовалась. Построили другую: в объезд. По ней я и приехал сюда. Поблизости от моста как раз находились эти самые огромные камни. Под ними, на глубине метров десяти, нёсся поток безымянной речки.

Эта пещера — особое место. Именно здесь, по легенде, пропало больше сотни людей. Поговаривали, что некие учёные даже изучали данный феномен. А может, это всё — только городские байки, каковых огромное множество, чтобы запугивать ночами детские умы. Особенно — детдомовские, когда объявлен отбой, а спать никому не хочется.

Но, так или иначе, я здесь.

Меня сильно рвало. Склонившись над опасной дырой, ведущей в пещеру, я опустил голову в тёмную пропасть. Всклипывал. Потом не выдержал и заплакал. Через мгновение, откинувшись на спину, стал биться в слезах. Перед глазами не исчезал образ девушки. Той самой — распростёртой на асфальте. *Жуткая вмятина на лобовом стекле... Визг тормозов, до сих пор звенящий в ушах...*

Я не мог оторваться от этих мыслей! Автовокзал был через одну остановку, а не на следующей. Через одну! И о чём я только думал, когда отвечал ей! И зачем же я был с ней так груб?! Зачем! Что ей ещё оставалось делать, кроме как незамедлительно покинуть автобус?.. О чём я вообще думал?!

Но в том-то и дело, что в ту минуту я ни о чём думать не мог. В голове кричала только одна мысль — это место. Вот эта самая пещера, уходящая в черноту, где бурлила речка. Спрыгнуть бы сейчас туда — и дело с концом.

Так и планировал. Но... дорожный инцидент не отпускал меня. Он вцепился сзади в мои плечи ледяными пальцами и, прислонившись к самому уху, шептал: «Ты не смеешь! Не смеешь уйти сейчас, пока не узнаешь о судьбе той бедняжки. Ты виновен в аварии. С твоих слов она вышла не на той остановке. Это твоя грубость не оставила ей возможности поступить по-другому. Это только твоя вина. Твоя!»

Меня снова вырвало. И я опять склонился над дырой. Ещё не переваренная гречневая каша слизью сползала в бездну, куда планировал я сам, но пока, словно на разведку, отправлял лишь часть себя — свои рвотные излияния. Дрожь крепко обтянула тело. Руки бешено тряслись. Голову резала острая боль. А в ушах отчётливо слышался всё тот же невыносимо громкий визг тормозов, которые всё равно не смогут предотвратить страшной беды... Чёрт! Как невыносимо!

Да...

Я не могу...

Никак не могу сейчас осуществить то, ради чего приехал...

Нужно вернуться обратно. И узнать, что с ней. Быть может, жива и здорова? Хотя что за ересь!.. После такого удара металлом по хрупкому телу здоровым уже, как ни пытайся, не останешься...

Когда приступ рвоты отступил, я отодвинулся от дыры. И вспомнил о двух конвертах, что торчали из левого кармана джинсов. Я присел и ноющей, но уже не кровоточащей рукой вынул их. Её письмо отложил в сторону. Сейчас не время. А во втором нашёл пятьдесят тысяч рублей. Валерий... Как благородно с его стороны.

Я держал в руке купюры и смотрел, как ветер теребит их кончики. Смотрел и думал, что я сейчас — точно как один из этих кончиков. Трепыхаюсь от воздействия мощной внешней силы. И так же — на самом деле — по сути своей ничего не стою. Всего лишь — придуманная концепция для организации человечества. И так же — однажды кончусь. Буду истрачен. Или жизнь разменяет меня на других, следом появившихся на планете людей. Но сегодня... сегодня, выходит, я сам разменял свою жизнь жизнью незнакомой мне девушки? Ох, бред... Что за абсурд пошёл в моей голове?!

Или всё-таки я чего-нибудь да *стою*? Может, всё же существует хоть какая-то, крохотная ценность в моём убогом существе? И если она есть, как это понять?

...Так бывает, что в момент сильной эмоциональной встряски, поднявшейся злобы или ненависти к кому-то, ты наполняешься чрезвычайной решимостью действовать. Действовать, чтобы непременно изменить эту напряжённую ситуацию. Пусть даже не сейчас — из-за отсутствия возможностей, — а в будущем. Наполняешься такой решимостью, что свято клянёшься себе в эти импульсивные секунды, что никогда не забудешь этого чувства. И того, кто его вызвал. Клянёшься, что оно непременно сохранится в тебе до конца.

Но проходит время — час, день, — и эмоциональное топливо испаряется. И как бы ты ни старался воскресить чувство решительной бойкости, само по себе оно уже мертво. Это начинает раздражать. Ведь энергии для конкретных шагов уже попросту нет. Неоткуда брать. И весь тот пыл, то обещание самому себе бесследно исчезает. И становится невыносимо обидно. Начинаешь чувствовать себя слабаком, ничтожеством, не способным даже удержать до конца свои чувства в силе. Не способным поддерживать огонь страсти, чтобы, как себе поклялся, непременно что-то сделать, изменить.

Именно поэтому я закопал конверт с письмом в землю. Рядом с пещерой. Чтобы обязательно вернуться и завершить начатое. Чтобы намерение, с которым я сюда прибыл, не рассеялось, а цепко держалось за это письмо.

Оно станет последним, что я прочту на этом свете.

Я убрал конверт с деньгами в карман. И снова подошёл к дыре. Взглянув очередной раз в чёрную глубокую пещеру, я слегка кивнул и, шатаясь, двинулся обратно к дороге...

*

В коридоре мелькали люди в белых халатах. Кругом тот самый отвратительный запах, который пробивает нозоглотку до сморщивания и напоминает о не самых приятных мгновениях детства. Напоминает стоматолога и его маленькое сверлящее устройство, грозно надвигающееся к

твоему рту. Напоминает предчувствие яркой и пронзительной боли. Напоминает бездушные лица, у которых видны одни лишь глаза сквозь стёклышки очков, отражающих холодный свет люминесцентных ламп. Ощущение, будто находишься в экспериментальной лаборатории пришельцев, где тебя подвергают насильственному изучению. Противно, страшно, холодно, хочется скорее свалить — а запах всё держит и пропитывает тебя. Продолжает выворачивать наизнанку все самые гадкие мысли и чувства...

Мимо пролетели носилки на колёсах. Два медработника кого-то везли. Я, затаив дыхание, вскочил.

Нет, не она...

И снова опустился на скамью.

Не знаю, сколько я так просидел. Но когда проснулся, на противоположной скамейке кто-то сидел. Она заметила, что я открыл глаза, и тут же спрятала взгляд, будто совершила что-то противозаконное.

— Который час? — спросил я, массируя затёкшую шею рукой.

Она повернула голову влево, к висевшим на стене часам.

— Шесть часов.

— А, чёрт... вот же часы есть, и правда. Уже шесть утра? Надо же...

Она снова на меня посмотрела — готовая в любой момент быстро и виновато отвести взгляд.

— Кого-то ждёте? — спросил я, чувствуя, что как-то неловко замолкать.

Она кивнула, и её растерянный взгляд забегал по полу и стенам пустого бело-голубого коридора.

Дальше сидели молча. Я изредка поглядывал на неё. Худенькая, недлинные, собранные сзади тёмно-русые волосы, мягкий, аккуратный овал лица. Серая юбка и чёрная вязаная кофточка, поверх которой — изрядно поношенный чёрный плащ. Взгляд — невротичный: словно в какой-то опаске, ко всему моментально пристающий. Пальцы то и дело теребили сумочку с истёртыми уголками...

Я смотрел на неё и удивлялся. Эта по-детски оживлённая и на всё реагирующая натура была какой-то особенной. Она будто не могла принадлежать этому городу, его стихийности и равнодушию. Откуда она взялась и что здесь делает в такую рань?

Минутой позже из соседнего кабинета вышел врач. Приспустив свою маску под подбородок, он подошёл к нам. Вернее, к ней. Я ждал, что он сейчас что-нибудь ей скажет. Но он продолжал стоять молча.

Девушка глядела на него снизу. Периодически её скулы едва заметно вырисовывались на бледной коже, а подбородок слегка вздрагивал. Я наблюдал за всем этим словно за кульминацией какого-то драматического фильма.

Что происходит?

Врач продолжал молчать, опустил взгляд. Потом присел рядом с девушкой. И теперь они уже оба сидели напротив меня.

Девушка начала плакать. Сначала всхлипнула, и я подумал, что ослышался. Но потом — снова. И снова. И вот она уже заливалась слезами.

Врач посидел ещё некоторое время. Затем встал и зашагал по коридору, пока не исчез в самом его конце за поворотом, где был отмечен выход к месту для курения.

— Что случилось? — неуверенно спросил я у девушки.

Она вдруг запрокинула голову к стене. Слёзы стали быстро стекать по её щекам, падая на грудь.

— Вика умерла, — очень тихо произнесла она.

Я открыл рот. Но не знал, что сказать. Да и что нужно говорить в такие моменты?..

— Она ваша подруга? — выговорил я.

Девушка покачала головой.

— Сестра... Родная.

— Мне... очень жаль, — я привстал и подсел к ней. А как поступить дальше, идей у меня не было.

Прошло несколько минут. Врач снова возник в конце коридора. Он прошёл мимо нас с опущенной головой и исчез за дверью кабинета.

— А вы? — Девушка подняла на меня заплаканный взгляд. — Почему вы здесь?

Я слегка выпрямился.

И правда, что я здесь делаю?

— Я жду. Жду, чтобы узнать о состоянии одного человека. Он... Точнее, она... её сбила вчера вечером машина. И я всё это видел... Да, был свидетелем... и поэтому решил проведать её. Но мне толком ничего не

сообщили. Сказали, что делают операцию. Вот и просидел до утра. Надо же, так долго делают операцию...

Девушка громко всхлипнула и зарыдала в голос. Я от внезапности даже вздрогнул.

Что такое?

Глядя на её мокрое лицо, вдруг что-то тонкое и призрачное стало закрадываться мне в грудь. Оно пробиралось дальше, через горло к самому мозгу, и там, дав чёткий щелчок, наконец вылилось в цельное понимание. Как будто замысловатое слово в кроссворде наконец было разгадано.

Когда это понимание зажглось в сознании, мой взгляд машинально упал на правую руку. С неё обильно стекала кровь. Сам того не понимая, я распорол свою рану...

В некоем забвении я вдруг надавил пальцем на больное место. Кровь под давлением стала течь ещё сильнее. Плачущая девушка заметила это — и несколько секунд недоумённо смотрела на мою краснеющую руку. Затем подняла взгляд на мои глаза — глаза, которые я не сводил с её лица, и, обнаружив в них безразличие к оставляющей меня крови, зарыдала ещё громче, спрятав лицо в ладонях.

После чего я приспустил голову и принялся наблюдать, как чистый кафельный пол постепенно окрашивается контрастными для бледных тонов больницы сочными алыми каплями.

Часть вторая

КОГДА Я СЛЫШУ ПОЕЗДА

[11]

На улице было прохладно и темно. По тротуару слонялся промозглый ветер, обдавая мурашки. Давно опавшие листья трепыхались вдоль бордюра, подмывая на несколько сантиметров и снова безжизненно припадая к асфальту. Солнце ещё терялось где-то за горизонтом, и в этот ранний час улица выглядела пустынно-мрачной.

Я брёл к автобусной остановке вместе с худенькой, слегка сутулой девушкой.

— Спасибо вам, что решили узнать о судьбе моей сестры. Сразу видно, вы очень добрый человек... Меня зовут Ника, — робко сказала она полчасика назад, когда я вышел из перевязочной.

Оказывается, дожидалась меня.

Я назвал своё имя и снова присел рядом с ней. Она озадаченно посмотрела на мою перебинтованную ладонь.

— Что у вас с рукой? Неужели вы тоже... пострадали в той аварии?..

— Нет... Тогда я был в автобусе. И видел всё в окно. А это... это я случайно порезался, пустяк, — проговорил я. — Что будете делать теперь?

— Пожалуй, сначала нужно поехать на квартиру, которую снимала Вика... Собрать её вещи... — тихо ответила она. — А затем вместе с ней увезти домой.

— Домой?

— Село Южное Залиново. Наверное, будет правильней похоронить её там.

— А родители уже знают?..

— У нас только мама... И она сильно болеет. Я пока ей не звонила... Боюсь, если она узнает об этом сейчас, ей может стать хуже. Лучше потом,

когда приеду вместе с ней... с её телом, — произнесла Ника и прослезилась. — Простите, что снова плачу перед вами. Никак не могу поверить в случившееся. — И голос девушки снова утонул в очередном всхлипе.

В этот момент я окончательно понял, что больше не могу выносить этого напряжения. Мне нужно немедленно что-нибудь сделать. Как-то повернуть ход событий. Внести хоть какие-то перемены.

— Я вам помогу! — заявил я. — Помогу доставить её домой. Это ведь не так просто. Придётся нанимать автомобиль, грузовой. Да и к тому же у вас, как я понимаю, в этом городе нет друзей или знакомых?

— Никого нет, — покачала головой девушка. — Всё случилось так внезапно... Вчера вечером кто-то позвонил с номера Вики на мобильный мамы, и я взяла трубку. Я всегда так делаю, чтобы маме не приходилось лишний раз подниматься. Увидев имя Вики на дисплее, я обрадовалась. Но когда ответила... я... не могла даже понять ничего. Лишь через минуту осознала: нужно срочно ехать сюда, она в беде. Но автобусов в это время уже не было. Пришлось вызвать такси. Маме я даже ничего не объяснила. Сказала лишь, что уехала помочь Вике. Она ведь не приезжала к нам домой уже больше года...

— Всё! — Я схватил Нику за руку и встал. — Пойдёмте. Не будем медлить.

— Но разве вам это нужно?.. — Она поднялась со скамьи, вытирая свободной рукой слёзы. — Разве это вас не затруднит? Вы же наверняка занятой человек, у вас свои проблемы и дела...

— У меня есть время. Немного... Пойдёмте!

Мы вышли из больницы и направились к остановке. Узнав адрес, сказанный Никой, я сориентировался на каком автобусе нам лучше всего добраться. Правда, в столь ранний час маршрутки в тот район ходили редко. Лишь спустя тридцать минут мы влезли в автобус. Путь предстоял солидный: квартира Виктории находилась на другом конце города, в его не самом благополучном районе.

Спустя час с лишним мы наконец стояли у единственного подъезда одинокой панельной девятиэтажки. Располагалась она практически у самого леса.

— Там, — сказала Ника, указывая пальцем вверх. — Она рассказывала, что жила на последнем этаже.

Ключи у Ники были: в больнице ей предоставили доступ к сумке сестры. Мы без проблем вошли в подъезд и лифтом поднялись на девятый этаж. Среди всех имеющихся здесь дверей лишь одна отличалась основательной обшарпанностью и отсутствием номерного знака. Ника сразу же подошла к ней и открыла замок.

Квартира оказалась маленькой и старой. Шторы плотно закрывали окно, не пропуская поднимавшийся солнечный свет. Простенький потёртый диван, пухлый телевизор на пыльном комоде и громоздкий шкаф вдоль стены.

Ника первым делом подошла к окну и отдернула штору. Я шагнул за ней и увидел уйму высоких и не очень зданий. Их прямоугольные фигуры обволакивал мягкий свет утреннего октябрьского солнца. Сейчас, в ранний час, город был необычайно красив. Но город этот был где-то вдалеке, на значительном расстоянии. Будто бы только соблазняя своей многообразностью. Отсюда он смотрелся как картинка на фотообоях, которая не являлась реальностью — но к которой так хотелось примкнуть, почувствовать себя сопричастным с исходящей от неё особенной, волнующей энергетикой. Вот каким художником-мастером может стать обычное ясное утро, используя для творчества ничем не примечательные для привычного взгляда обывателя объекты...

Ника повернула голову. И губы на её аккуратном профиле слегка дрогнули:

— Она очень много говорила об этом городе... Говорила, что и мне нужно сюда переехать.

Я несколько секунд помолчал в раздумье.

— А вы сами, значит, живёте в Южном За... ви...

— *Залиново*, — договорила Ника и кивнула. — Да. С самого рождения. Вика уехала после одиннадцатого класса. Я всё думала, что нагоню её через год-два, но... болезнь мамы не позволила этому случиться. Пришлось остаться дома и помогать.

— А какой она была — Виктория?.. — спросил я, но, выговаривая это имя, голос мой пропал, и получилось сухое бормотание. Приложив ладонь ко рту, я негромко откашлялся.

— Виктория... — медленно произнесла Ника, как бы выстраивая перед собой целую галерею мыслеобразов. — Знаете, это имя ей очень даже подходило. Она вечно была такой победоносной, целеустремлённой. Всегда шла по жизни вперёд и звала меня.

— Выходит, ей очень нравилось в этом городе?

— Для неё жизнь в селе была слишком скучной. Она всё время говорила, что только город может дать ей возможность почувствовать, что она живёт. Однако город её и погубил... Здесь — постоянно смерть, ведь машин и людей очень много. Темп происходящего просто бешеный. Здесь нужно не жить, а выживать. И вот смотрю я сейчас на её квартиру и понимаю, что она не жила, а действительно выживала, как могла... — Ника отошла от окна и устало присела на диван. — Впрочем, как и мы...

Я шагнул к стене напротив дивана и прислонился к ней спиной.

— В последний год мы очень мало общались, — продолжала Ника. — Вика перестала приезжать. По телефону почему-то тоже не хотела разговаривать. Мама очень переживала из-за этого. Но раньше, когда всё было ещё более-менее нормально, по телефону Вика казалась весёлой, жизнерадостной. Говорила, что у неё всё хорошо. И знаете... вчера она... скорее всего, должна была приехать домой. С ней в момент аварии была дорожная сумка. Мне сказали, её сбили недалеко от автовокзала...

Ника говорила тихо и неторопливо. Её голос был проникновенным, с особым оттенком печали. Под этот голос хотелось прикрыть веки, свернуться калачиком и предаться длительной грусти. Но я продолжал внимательно слушать и представлять себе Викторию — девушку, что подошла ко мне в автобусе...

— Если бы вы знали Вику, то она бы вам понравилась. Она была очень доброй. Не могла смотреть на бездомных и нуждающихся в помощи. В детстве постоянно подкармливала свору собак и кошек на улице. Выносила всю еду из наших запасов, только бы никто не голодал. Она была такая.

— А вы? — спросил я. — Какой были вы в детстве?

— Я?.. — неуверенно переспросила Ника. — Сколько себя помню, я всегда была плаксой, замкнутой и крайне чувствительной ко всему, что вступало со мной в контакт. Я, в отличие от Вики, не очень заботилась о других. Кроме мамы, конечно же. — Ника подняла на меня глаза, но тут же их отвела.

Я кивнул, как бы благодаря её за открытость.

— А сколько Виктории было?..

— Она старше меня на четыре года. Ей двадцать три. Исполнилось бы двадцать три в ноябре... — ответила Ника и посмотрела в окно.

Всё остальное время мы сидели в тишине. Комнату неторопливо наполняло солнце. Я продолжал мельком поглядывать на Нику. Её беспокойные мысли ясно отражались на лице подёргиванием ресниц, вертикальными морщинками между бровей и покусыванием потрескавшихся губ.

— Вы очень похожи с ней, — произнёс я.

Ника удивлённо посмотрела на меня.

— Правда?

Чёрт.

Зачем я это сказал?

— Я успел немного запомнить её внешность из окна... Да, точно, у вас есть что-то общее. Это даже издалека видно... Гм-х-х... В общем, вот...

Нужно было срочно переводить тему.

Вспомнив, что моя одежда в грязи и крови, а также, что изо рта несёт рвотой, я сказал:

— У меня тут такое дело... я... слегка запачкался. Вы не против, если я... приму душ?

Ника сразу же кивнула. Затем с грустью на лице продолжила глядеть в окно на рассвет.

*

В крошечной бледно-желтоватой ванной комнате я стянул с себя всю одежду. Несколько раз ошпарившись, наконец настроил нужную температуру воды и встал под душем. Нет, подумал я, лучше полежать. И вставил крышку в слив. Совсем скоро ванна наполнилась. Выключив воду, я медленно опустился в неё и лёг.

Глубоко вздохнув, я только сейчас вспомнил о своём дыхании. Очень уж часто во время размышлений я неосознанно переставал дышать. А как только вспоминал об этом и делал глубокий вдох, весь окружающий реальный мир будто снова заводился, как киноплёнка, начинающая своё вращение после долгой паузы. И всё вдруг опять начинало играть красками, запахами, ощущениями.

А ведь в этой самой ванне когда-то лежала сама Виктория... Кто бы мог подумать в тот момент, когда я пересёкся с ней в автобусе, что на следующий день я буду мыться в её ванне, а она будет мертва...

Тряхнув головой, я потянулся к полочке и взял цитрусовый гель для душа. Рядом лежали упаковка женских прокладок известной фирмы, несколько бритвенных станков и голубая мягко-пушистая мочалка.

Делать нечего. Я намылил эту самую мочалку гелем и, приподнявшись, стал натирать ею тело. С того момента, как я вышел из психиатрической больницы, прошли всего сутки, но чувствовал я себя так, будто пережил гражданскую революцию. Плечи, шею и ноги ломило от тупой боли, правая рука была забинтована и сейчас несуразно выпирала, чтобы не быть намоченной. Да уж. Выбрался, называется, на свободу.

Вскоре я смыл с себя пену. Дождался пока уйдёт вся вода. И сполоснулся под душем. Перебравшись на холодный кафельный пол, увидел на дверном крючке большое зелёное полотенце. Став им вытираться, я взглянул в запотевшее зеркало. Там, где моё лицо терялось в мутных разводах конденсата, я пытался высмотреть лицо Виктории. Пытался ещё раз вспомнить, как её глаза беспокойно глядели на меня в автобусе. Ведь она так же ещё совсем недавно смотрелась в это зеркало и вытиралась этим же полотенцем. А сейчас её нет. А я есть. И я пользуюсь её ванной, её цитрусовым гелем, её зелёным полотенцем... Стоп! Нужно сейчас же остановиться! Иначе мысли выйдут из-под контроля, и тогда я точно не смогу с ними справиться.

Именно так вчера и было, когда выбежал из кафе. Но после случившегося на том злосчастном перекрёстке, мои мыслительные процессы замедлили свой темп. И теперь я пребывал в состоянии некой заморозки. Ничего не понимал. Было страшно понять, осознать произошедшее. Однако все эти вещи в квартире, отблески жизни Виктории, возвращали страшное осознание. Оно подкрадывалось пусть медленно, но наглядно демонстрируя свои огромные острые клыки, готовые вот-вот ожесточённо вонзиться в меня.

Когда надел джинсы и рубашку, понял, что неплохо бы почистить и одежду. Я осмотрелся, выискивая взглядом что-нибудь похожее на тряпку. Заметив под ванной какие-то ткани, я присел и просунул туда левую руку. Порыскав, наткнулся на что-то твёрдое. И в следующее мгновение вынул... тетрадь. Да: толстая белая тетрадь с шариковой ручкой внутри. На обложке никаких пометок.

Открыв первую страницу, я увидел красивый почерк:

13 января

Решила завести личный дневник. Интересно, что это значит? Окончательное одиночество? Полное поражение? Не знаю. Одна знакомая сказала, что дневник может помочь разобраться в себе, высказаться и посмотреть на свою жизнь со стороны. Наверное, это старомодно, но попробуем... Терять всё равно нечего.

Никогда не вела подобных дневников. Поэтому нахожусь в некотором замешательстве. О чем же мне писать? О самом наболевшем?..

Вдруг за дверью послышались шаги. Скорее всего, Ника шла на кухню. Я замер в ожидании. Через несколько секунд звуки стихли.

Я присел на край ванны и продолжил внимательно читать.

...В ванной комнате я чувствую себя в безопасности. Это мой маленький мир, где кроме меня никого не существует. Здесь забывается всё плохое, а тёплая вода помогает успокоиться. Хотя, конечно, ненадолго. Но этого времени мне, пожалуй, должно хватать на две-три странички. Как раз пока сохнут волосы.

Итак... начну с того, что пошёл пятый год моей жизни в этом городе.

Изменилось ли что-нибудь во мне за столь продолжительное время? Ничего. Внутри я всё так же ощущаю тоскливое ничто. Не знаю, как ещё можно выразить это чувство...

Когда уезжала из дома, мне казалось, что теперь всё наладится, и я найду своё счастье. Думала, что в большом городе и возможностей больше. Тысячи людей на улицах — неустанно проносящиеся перед тобой чьи-то судьбы... Я была уверена, что и я удачно впишусь в эту картину энергичной жизни. Но, кажется, так и не вписалась. Моя детская наивность!

Здесь меня никто не ждал. Никто. Никому не нужны были мои чувства, мысли, желание помочь... Я почему-то всегда мечтала, что когда вырасту, стану именно тем человеком, который будет помогать людям, указывать им верный путь. Но сейчас кто бы мне самой указал на то, что же мне нужно делать...

В этом году мне уже стукнет 23. Возраст ещё не тот, чтобы называть это проблемой, но, кажется, именно сейчас я запуталась больше всего. Чего я хочу? Сама не пойму. Растеряла все ориентиры. Живу день ото дня, удовлетворяю базовые потребности, а самой жизни нет. Или, может, это у всех так?..

Сегодня по календарю — Старый Новый год. Интересно, отмечает ли ещё кто-нибудь этот праздник? Хотя к чему я это вообще... Наверное, нужно написать про то, что сегодня звонила Ника. В который раз. И я снова не взяла трубку... Не хотелось слышать её голос. Больно. Больно смотреть назад,

обращиваться к своей прошлой жизни, так и не заимев ничего в нынешней. Иначе это точно поражение. Поражение души перед невзгодами. Энтузиазма перед отчаянием. Надежды перед обречённостью...

Я уверена, что от голоса Ники мне захотелось бы плакать. У неё всегда тихий и грустный голос. К тому же она наверняка начала бы рассказывать о матери. О том, что ей не становится лучше. Да и никогда уже не станет... Её гипертония с каждым годом принимает всё более серьёзный характер. И когда я снова услышала бы обо всём этом, мне стало бы ещё тяжелее на душе. Нет... хорошо, что я не ответила на звонок.

Сейчас вспоминаю, как уезжала сюда целеустремленной королевой, которая всё сможет! Которая всем твердила, что только сама и знает всё о жизни и как её нужно прожить! Так часто играла в эту жизнерадостную дуру, делала вид, что всё именно так и происходит, что временами даже сама начинала верить в свою ложь.

Но сейчас куда-то пропали все силы. Я осталась совсем ни с чем. Ни с удовлетворяющей реальностью, ни с самозабвенными иллюзиями. Я ничего не знаю. Я потерянная букашка в куче земли. И признать это — большее всего.

Мне совсем несложно уволиться с этой чёртовой работы и подыскать себе что-нибудь другое. Но разве это исправит положение? Это, по большому счёту, ничего не изменит. Ведь внутри меня уже погасли те огни, которые раньше прожгли бы любые тернии на пути. Которые поднимали меня и толкали вперед: иди, помогай людям, это твоё призвание!

И кто потянул меня бросить медицинский на первом же курсе и пойти работать с утра до ночи? Необходимость. Чёртова необходимость платить за всё и всегда. Брать деньги из дома стало невозможно — их там попросту не было. Пришлось переосмыслить свои цели, поумерить пыл и выбрать то, что позволяло существовать в этом городе, не создавая проблем матери и Нике. Вот я и существую. Уже пятый год.

Мама думает, что я скоро оканчиваю университет. Что живу на президентскую стипендию, которую мне выплачивают за отличную учёбу. Она ничего не знает. Знает только Ника. Как-то раз я не выдержала и во всём ей призналась. Что бросила учёбу и работаю официанткой в кафе-баре. Что живу в той же зачуханной квартире, в которую вселилась, когда приехала в этот город. Тогда мне казалось, что через год моё положение выправится, и я сменю жильё на что-то получше, но...

Но вот уже пятый год, а я всё ещё здесь. Сижусь в этой ванне ночью после работы, а также по выходным, и пью вино, уже ставшее моим спутником-помощником. Пью и представляю, как завтра проснусь и всё изменю... Как поеду

домой, расцелую маму и Нику. Как мы снова будем вместе! Без тревог и рысканий в своих потёмках души.

В потёмках души...

Интересно, это уже вино так влияет на мой текст? И правда, сегодня я, кажись, перебрала. Думаю, пора завершать запись. Для первого раза достаточно. Не знаю, как долго меня хватит на этот дневник, но я буду стараться. Надеюсь, что скоро напишу сюда что-нибудь ещё.

До новых встреч.

*Уставшая и пьяная
Виктория.*

[12]

— Бедная девушка... Вот так взяла и умерла в самый запутанный период своей жизни, — задумчиво произнесла Ева, сидя на траве со свешанными в яму ногами.

А яма тем временем становилась всё шире и глубже. Я приподнялся и взглянул на солнце. Стоит. Там же и так же. Жарища!

— Зачем ты кричал на неё в автобусе? — спросила Ева. — Она ведь просто хотела тебе помочь.

— Может, не стоит об этом?

— Что? Больно слышать? — Ева вызывающе взглянула на меня. — Режет сердце?

Поморщившись, я стал вылезать из ямы.

— Ладно-ладно, прости, — глубоко вздыхая, произнесла она. — Я ведь обещала, что буду принимать тебя таким, какой ты есть...

Я отряхнул руки и пошёл к берегу. Там, освободившись от джинсов и кроссовок, в одних трусах зашёл в воду. Дубак. Почему же море такое холодное при здешнем солнцепёке?

Некоторое время я плавал у берега: то ныряя, то выплывая вновь: пытался охладиться. Пока рассказывал и одновременно копал, перегрелся не на шутку. Так и до расплавки мозгов недалеко.

Спустя несколько минут я, очередной раз вынырнув, взглянул в сторону ямы: Евы там уже не было.

Что, снова исчезла?..

Протерев глаза, я присмотрелся к пирамидообразной куче земли, возвышавшейся у ямы. За ней что-то промелькнуло... Локон светлых волос.

Нет, смотри-ка, здесь.

— *Убийца!* — вдруг раздался позади меня голос.

Я тут же развернулся и застыл на месте.

Ровная водная гладь и тишина...

Послышалось? Или рыба кувыркнулась? Или птица какая-нибудь пролетела? Впрочем... ни тех, ни тех я пока что здесь ни разу не видел. А на человеческий голос очень даже было похоже. На сердитый женский шёпот.

Я опасливо и пристально смотрел в воду. Если бы кто и был сейчас там, в морской толще, то рябь на поверхности дала бы об этом знать. Но голос... его я точно слышал. Такое не могло почудиться. Что происходило?

Я пригляделся к той области воды, начинавшейся через несколько метров от меня, и ещё раз неприятно удивился тому, насколько же она была мутной. Там, где я стоял, было более-менее прозрачно и поэтому — спокойно: земляное дно просматривалось. Но уже через несколько шагов наступала зона непроглядной мути. Это ещё изначально напрочь отбило желание заплывать подальше. А теперь, когда ещё и этот странный шёпот...

Где-то за моей спиной послышался голос: Ева снова что-то беззаботно запела. Это вернуло меня в сознание. Не отводя глаз от воды, я медленно, спиной вперёд выбрался на берег. Схватив кроссовки и джинсы, я поспешил к яме. Чёрт пойми, что это было, но с морем явно что-то не так. Час от часу не легче!

— Ты так ничего и не сказал про мой венок. Как он мне? Идёт? — улыбнулась Ева, когда я подошёл к ней.

— Ага... — пробубнил я. — Красивый венок.

Лицо Евы чуть зарумянилось. Она, словно в смущении, слегка отвела голову в сторону.

— А я?..

— И ты тоже.

— Хи-хи! — Довольная, она прыснула со смеху.

— Похоже, ты очень ждала этого комплимента, — произнёс я, настороженно поглядывая на море.

— Да что с тобой? Призрака увидел?

Несколько мгновений я собирался с мыслями.

— Ты здесь ничего странного не видела?

— М-м-м... да вроде нет. — Ева пожала плечами. — А ты?

— Ладно, забудь. — Я махнул рукой и лёг на траву, накрыв лицо рубашкой. Теперь нужно было согреться. И постараться забыть про инцидент в воде...

Ева легла рядом. И стала напевать какую-то мелодию. Вначале я не обращал внимания. Но потом мотив показался мне очень знакомым. Я поднял рубашку и стал прислушиваться. Это не баллада о Солнце и Страданиях. Но тогда что это? Очень, ну очень знакомая мелодия...

— Что это за песня? — спросил я.

— А что? — остановилась Ева на полуноте, но тут же продолжила напевать.

— Мне кажется, когда-то очень давно я любил её... Но что это за песня и какие там слова, вспомнить почему-то не могу.

— Я не знаю, что это за песня. Просто пришла в голову мелодия, вот и напеваю. Наверное, когда придёт время, тогда и вспомнишь, — сказала Ева. И снова принялась рождать голосом такую знакомую мне и в то же время напроочь забытую мелодию.

Я лежал в траве, согревался и забывал обо всём под эту мелодию. Мне было спокойно и приятно. Вскоре я задремал. Затем крепко уснул.

А когда проснулся, Евы рядом не оказалось.

*

Да. Она снова испарилась. Надолго ли?..

Я присел, вытер с лица пот, затем надел джинсы и обмотал голову рубашкой. Ну вот. Снова остался с островом наедине.

Первое время я сидел у ямы и вслушивался в тишину. Старался выхватить хоть какой-нибудь звук, кроме того, что создавал редкий ветер. Но ничего не было. Небо оставалось невообразимо чистым. На горизонте так же виднелась умиротворяющая голубая пелена.

Неужели и правда будет дождь?

Но это немыслимо. Всё вокруг — точно так же, как и было с самого начала. Солнце, как прибитое, висит в небе. Время замерло. Я — последний человек во всём мире. Вокруг — никаких надоедливых людей. Уж не об этом ли я мечтал всю свою жизнь? Да. Пожалуй, именно об этом!

Такой вывод заставил меня улыбнуться. А что? Всё очень даже хорошо! Чувства голода, как ни странно, не возникало. Яма постепенно становилась всё глубже. Да всё отлично! Только вот море... оно меня пугало. Но с ним ещё разберусь, торопиться некуда.

Какое-то время я посвятил тому, что бесцельно слонялся по островку. Ходил вокруг него по часовой стрелке. Потом — в обратном направлении.

Потом пел разные песни. Даже попытался воспроизвести балладу Евы, но я не запомнил и половины её слов, поэтому вскоре перестал.

Потом зачем-то пытался сделать «колесо» — никогда в жизни оно у меня не получалось (не получилось и на сей раз).

Потом зачем-то пробовал садиться на шпагат, но, получив вспышку боли в паху, отбросил и эту затею.

Потом что-то танцевал.

Потом пытался ходить на руках.

Потом... потом всё это мне наскучило, и я снова лёг в яму. И снова заснул.

Проснулся, но Ева не появлялась. И тогда я снова пытался занять себя хоть какой-нибудь деятельностью.

Яма становилась глубже. Я копал и часто высовывал голову: не появилась ли? Но Евы не было. Мне казалось, что последний раз я видел её — если прибегнуть к привычному для людей времяисчислению — несколько суток назад. Куда же она запропастилась?

После какого-то очередного бессмысленного дела я сидел у ямы. Думал, чем же заняться на сей раз. Ромашки и трава сильно выцветали, иссыхая на жаре, как и предвидела Ева. Солнце безжалостно убивало живую красоту острова.

Я уже, наверное, в тысячный раз взглянул в яму. Около полутора метра глубины. И правда: на могилу похожа. Рядом вздымалась куча вырытой земли. Я подумал, что зарыться в эту кучу — тоже неплохой способ спрятаться от палящего солнца.

А что, если Ева так и сделала?..

Вдруг она сейчас там? Ведь куда-то же она исчезает?

Я встал и медленно просунул руку в мягкую, рыхлую почву... Увы. Здесь её не было. М-да, какие только глупости не появляются в голове!

Расстроено вздохнув, я опять сел у ямы и спустил ноги. Так делала Ева, когда слушала мою историю.

И как долго придётся ждать её на этот раз? И чем мне ещё заняться на острове? Вопросы, вопросы. Снова появлялось это топливо для мозговой активности. Неплохо бы вернуть себе то беззаботное и слегка отчуждённое состояние, которое было в самом начале. Но как это сделать? Вот, снова вопросы! Так... нужно перестать размышлять, подумал я, и просто чем-нибудь заняться.

Я спрыгнул в яму и сел на колени. Как бы оценивая проделанную работу, я стал водить рукой по земляной стенке. Очень приятная на ощупь. Не знаю почему, но меня стал занимать этот процесс. Я подключил к делу вторую руку — и вскоре словно вошёл в транс. Кружась на месте и касаясь земли, мне казалось, что я уже не в силах остановиться. Всё происходило по какой-то собственной и непонятной мне инерции. Я лишь отдавался процессу, получая от него удовольствие.

В эти мгновения я почему-то чувствовал себя Исаковым. Интересно, он примерно так же медитирует в своей комнатке в общежитии? Или издаёт ещё при этом какие-нибудь звериные вопли? Как там это у шаманов-то делается?

— Р-р-р-р! Р-р-р-р-р-р!!!

Почувствовав себя последним идиотом во Вселенной, я перестал рычать. Лучше без этого. Транс и без того получался на удивление глубоким. Да уж. Странно всё это, как ни крути. Вращения, земля, мои руки, касающиеся её плоти... Плоти? Разве у земли есть плоть?.. Земля ведь цельная. Или всё же, как живой организм, делится на какие-нибудь составляющие? О чём я вообще думаю, чёрт подери! Снова бред зашёл погостить в мою безумную головушку?

Я кружился, не останавливаясь. Не останавливались и мои мысли о плоти земли. А вскоре мной и вовсе овладело сильное чувство наслаждения. И... желания. Сексуального желания. Как ни пытался я уложить это в рамки рационального объяснения, не получалось.

Закрыв глаза и медленно проводя кончиками пальцев по бугристой плоти земли, я возбуждался сильнее. И уже не мог игнорировать этот факт. Природа брала вверх и, кажется, уступать никак не собиралась. А что я мог противопоставить ей, Природе? Я, последний идиот на планете, проживающий остаток своих дней на крохотном островке посреди безграничных холодных вод?

Земля... она живая... она чувствует прикосновения... чувствует меня...

Я ощущал, будто настраиваюсь с ней на одну частоту. Мне даже казалось, я слышу, как она пульсирует! Очень медленно, но, постепенно набирая темп, пульсирует, отвечая моим прикосновениям такой же страстью. Что за...!

Громко и тяжело дыша, я мягко упал на левое плечо.левой рукой продолжал гладить земляную стенку, а правой потянулся к джинсам и расстегнул ширинку. Через мгновение я ясно ощутил, как в левую руку из земли поступает энергия. Приятный микроток. Проходя через всего меня, эта энергия заставляла моё тело дрожать всё сильнее.

Я уже был не в силах бороться с диким желанием. Невероятной похотью, что овладела мной. Мне и не хотелось. Я отдался ей, продолжая гладить землю левой рукой. Мои прикосновения становились более интенсивными, плотными. Я даже стал грубо отрывать клочья, сжимая и разжимая почвенную плоть.

Земля... живая... женственная... Она испытывает наслаждение... Мы ощущаем друг друга... Она совсем близко... совсем рядом... я её ощущаю... я — в ней...

От оргазма заложило уши. Лёжа на боку, я не мог пошевелиться. Рот был широко раскрыт, вдохи отчаянно боролись с выдохами за право быть первыми, а в сознании возникла восхитительная пустота. *Вот оно!* То самое чувство, которое было в самом начале. Это *оно!*

И, пожалуй, я ещё долго и расслабленно лежал бы на земле, нежась в тени ямы и отзвуках наступившего блаженства, если бы вдруг наверху не мелькнула светлая голова.

— Ты что там делаешь? — серьёзным тоном спросила Ева.

— Я?.. Лежу просто. Отдыхаю, — пробормотал я, посмотрев на её озадаченное лицо и свисающие волосы.

Я принялся неуклюже извиваться на месте. Старался незаметно засыпать землёй результат своего недавнего удовольствия. Настороженный взгляд Евы пробежал по всей яме.

— Вылазь давай, — сказала она. — Я хочу знать, что было дальше.

Кажется, ничего не заметила...

Я удостоверился, что не оставил никаких следов, и выбрался из ямы. Сев рядом с Евой, я заметил, что её внешность с момента нашей последней встречи заметно потускнела. Лицо её теперь выглядело уставшим, волосы

потеряли былой блеск и местами спутались, под глазами появились синяки. Да, она явно изменилась. От чего же это?

Спрашивать у неё самой, однако, мне не хотелось. Скорее всего, чувствовал я, этот вопрос попал бы в разряд *основоположных*. А оставшиеся два таких вопроса мне ещё могли пригодиться для другого. К тому же она, как мне казалось, всё равно не ответила бы.

Но с ней явно было что-то не то...

Пока я обо всём этом думал, Ева, сидя в позе лотоса, неотрывно смотрела мне в лицо.

— Что? — спросил я максимально непринуждённо, чувствуя, что мне в свете этих размышлений и того, что произошло в яме, уже гораздо тяжелее выдерживать её взгляд.

— Ничего, — безразлично ответила она. — Просто жду. Ну, рассказывай. Что было дальше?

[13]

Я сидел у гроба, который сильно упирался мне в ногу. На кочках он до особенной боли сдавливал моё колено, но я старался об этом не думать. Бесспорно, эта «Газель» была слишком мала для перевозки в своём кузове мёртвого человека, более десятка пакетов вещей и двух людей на табуретках. Но это не шло ни в какое сравнение с теми трудностями, с которыми мы столкнулись до отправки в путь.

Дело в том, что тело Виктории разрешили забрать из морга не сразу. Лишь на следующий день после того, как мы приехали в её съёмную квартиру, нам позволили его увезти. Водителя злосчастной синей легковушки так и не нашли — оказывается, машина скрылась с места происшествия. Так что только после массы махинаций с бумагами в морге и отделении полиции мы смогли наконец-то выехать из города.

Ника всю дорогу молчала. Иногда отчуждённо поглядывала на крышку гроба, обитую красной тканью. Я тоже не выявлял особого желания разговаривать в таких условиях. Сидел, часто вздыхал и периодически просовывал руку во внутренний карман ветровки, проверяя, на месте ли свёрнутый в трубочку дневник.

— А куда вы ехали на том автобусе? — спросила Ника вчера вечером, когда мы с отказом из морга снова прибыли в квартиру Виктории. Решили переночевать здесь. Ника спала на диване, я на полу.

— К заброшенному Верхнегорскому мосту. Это за городом, — ответил я. И тут же пожалел об этом. Зачем я ей это говорю, подумал я. Ведь она понятия не имела об этом месте.

— А зачем вы ехали к тому мосту? — произнесла Ника.

Я махнул рукой, будто это совершенно несущественная тема.

— И всё же... — слегка улыбнулась Ника, не сбавляя настойчивости, чему я был крайне удивлён. — Что вам, молодому человеку, делать на заброшенном мосту?

Я вздохнул.

— Знаешь, а давай будем на «ты»? — предложил я. — Мы ведь ровесники. Значит, и общение должно быть соответствующим.

— Хорошо, — сказала она.

— А что касается моста, то... неподалёку от него есть одна пещера. Вот, я ехал к ней, чтобы проверить легенду.

— Легенду? — Ника задумчиво сощурила глаза.

— Нам всегда рассказывали её по ночам, там, где я вырос... В ней говорится о том, что очень много людей пропало в районе этой пещеры. Ну, или в этой пещере. Особенно во время дождя. Просто странным образом исчезают, и всё. Безвозвратно. Сама же пещера похожа на широкий колодец. На её дне — стремительно бегущий поток воды, вытекающий в Верхнегорскую реку. В общем если коротко, поговаривают, что это место проклято. Аномальная зона какая-то.

— И ты хотел проверить: исчезнешь или нет?

— Наверное, правильнее будет сказать, что я просто хотел исчезнуть. Без всяких «нет».

«Вот зачем? Зачем, чёрт подери, я всё это ей рассказываю?» — подумал я. Но все эти подробности будто нарочно выходили из меня.

— Но ведь вчера не было дождя, — тихо произнесла Ника.

— Да, — кивнул я, натирая пальцем рану на руке, — вчера его не было. Но я находился в таком состоянии, что, кажется, смог бы справиться и без него.

— Что же... у тебя случилось?.. — нерешительно спросила Ника.

Я не ответил, всем своим видом показывая, что больше не хочу об этом говорить. Кажется, она это поняла.

— Ты сейчас здесь, а тебя, наверное, близкие уже потеряли. Волнуются, — вымолвила она спустя минуту.

— Никто не волнуется, — коротко произнёс я. — И уже давно.

На следующее утро все вещи были собраны. Мы ждали хозяина квартиры, чтобы отдать ему ключи и затем сразу же снова поехать в морг, но уже со всеми вещами. Однако внезапно Ника куда-то собралась.

— Я сейчас приду, — сказала она, надевая в прихожей плащ.

— Далеко? — поинтересовался я.

Ника, опустив глаза, несколько секунд молчала.

— Деньги, — наконец произнесла она упавшим голосом, — всё дело в них. Я очень много потратила на такси, чтобы приехать сюда. А оплачивать обратный проезд, да ещё и грузовую машину... у меня вряд ли на это хватит. Я заметила здесь неподалёку банк. Сейчас схожу туда и возьму кредит. Мне уже девятнадцать, я работаю, паспорт у меня с собой. Сейчас ведь банки очень быстро выдают кредиты, верно?..

— И где ты работаешь? — спросил я. И почувствовал, как злость постепенно наполняет меня. Но злость не на саму Нику. А на её искреннее и даже не подлежащее сомнению намерение ввязаться в таком молодом возрасте в эту денежную трясиину.

— В супермаркете, кассиром, — тихо ответила она. — После девятого класса мне пришлось уйти с учёбы: мама уже не могла выходить на работу. Денег ни на что не хватало. Платят в супермаркете немного, но что поделаешь? Особо выбирать не приходилось... Извини, пожалуйста, что нагружаю тебя своими проблемами. Ты и так вызвался помочь, а я...

Я подошёл к Нике. И, посмотрев прямо в глаза, твёрдо сказал:

— Никакого кредита. Деньги у меня есть. — И стал заводить её из прихожей обратно в комнату.

— Но... так не бывает, — лепетала на ходу Ника, — деньги ведь не берутся с неба. У нас не будет возможности отблагодарить тебя как следует. Ты... ты же, наверное, захочешь что-то... То есть ты... ведь ты столько уже сделал и делаешь для нас... но... я и не... не смогу... я ведь...

— Что ты несёшь?! — вскрикнул я. — Мне ничего не нужно. Ничего такого не нужно, слышишь?! А деньги отдадите, когда сможете. Я торопить не стану. Будет бессрочный долг. Это лучше кредита. Садись, давай.

Ника обеспокоенно посмотрела в мои глаза. Точно как Виктория тогда в автобусе...

Я быстро развернулся и направился в прихожую. Надел кроссовки и уже открыл дверь, чтобы выйти на улицу проветриться, как передо мной возник лысый мужчина в чёрном пальто. Хозяин квартиры. Он почему-то пришёл на полчаса раньше.

— Мы сейчас вызовем машину, загрузим вещи и уедем, — сообщил я ему, пропуская его в прихожую.

Он понимающе кивнул.

Ника позвонила в грузовое такси: номер телефона мы нашли в стопке рекламных газет, что валялись в прихожей. Через пятнадцать минут внизу нас ждала «Газель». Вещей оказалось много: за пять лет жизни в городе у Виктории их набралось достаточно. Хозяин квартиры помог нам загрузить их в машину, затем забрал ключи и, попрощавшись, вернулся в подъезд.

В морге нам, наконец, выдали тело. Купив заранее гроб за восемь тысяч, которые я оплатил из своего конверта, мы уложили в него Викторию. Тогда я снова и увидел её. Навсегда смирно застывшую Викторию. Викторию, всю свою жизнь мечтавшую помогать людям...

Мне не стало плохо. Мне не захотелось, в отличие от Ники, сразу же отвести глаза. Нет. Я жадно и пристально смотрел на окаменевшее бледное женское лицо. Мне казалось, в мире теперь не существует ничего важнее этого мёртвого существа. Этих неподвижных глаз. Этой потерянной красоты... Да, Виктория была очень привлекательной. Даже теперь она не потеряла этой своей черты. Оказывается, в автобусе я её толком и не разглядел. А если бы и разглядел, то что?.. Чтобы это исправило, а?.. Чёрт... Нужно перестать об этом думать, заклинал я себя. *Перестань! Перестань сейчас же!*

Наверное, я так бы и глядел на неё, если бы не требование водителя сейчас же отправляться в путь. Он и так довольно долго ждал завершения наших дел. За ожидание, он, конечно же, запросил большую сумму. Я сказал ему, чтобы он не беспокоился о деньгах.

Вся дорога заняла примерно пять часов. Когда уже начало смеркаться, мы прибыли в Южное Залиново. Водитель, помогший выгрузить все вещи, получил от меня девять тысяч рублей и поехал обратно.

Оставив Нику для ответственного и трудного диалога с матерью, я, узнав направление к кладбищу, отправился договариваться о выкопке могилы. Я читал о похоронах и поэтому примерно знал, как всё это делается.

Южное Залиново оказалось большим, но внешне очень запущенным селом. Как я понял, сельское хозяйство здесь ещё не умерло, но это было лишь вопросом непродолжительного времени.

Я нашёл копальщиков могил. Оговорив детали, заплатил им четыре тысячи. Потом решил пойти в агентство ритуальных услуг, чтобы заказать табличку и ограду, но внезапно вспомнил, что даже не знаю фамилию, отчество и дату рождения Виктории. Поэтому вернулся к дому. Старому обветшалому одноэтажному деревянному дому, который выглядел так, будто обрушится с минуты на минуту.

Ника встретила меня у калитки, рядом с которой находились гроб и вещи Виктории.

Теперь она дома... Как и хотела...

— Мама хочет видеть тебя, — дрожащим голосом произнесла Ника.

Мы вошли в дом. В конце длинной и узкой прихожей сразу же начиналась кухня. Бревенчатые стены, крошечная почерневшая плита, небольшой стол, накрытый белой клеёнкой. У стола сидела заметно сгорбленная женщина лет пятидесяти. Она отстранённо смотрела куда-то перед собой.

— Это он, тот самый добрый человек. — Ника подошла к ней и показала на меня.

Женщина повернула голову. Её сморщенное лицо ещё несколько секунд оставалось прежним, но вдруг в глазах заблестели слёзы, и она заплакала. Ника присела и обняла мать.

— Спасибо вам, молодой человек, — заговорила слабым голосом женщина. — Спасибо, что помогаете людям, когда у них такое горе... страшное горе! Викусичка моя, доченька... как же так случилось? Ну почему именно она?! — Плача, женщина смотрела на меня вопрошающим взглядом. — Она ведь была такой хорошей! Никому никогда не желала зла. Ох! Викулька моя, дочка!.. Ну скажите мне, что это не она сейчас в том гробу, скажите, умоляю!..

Ника тоже плакала, не выпуская из объятий мать. Я продолжал стоять, чувствуя, что ноги слабеют. *Пусть это закончится... Сейчас же... Не смотрите так на меня!*

— Спасибо вам, добрейший! Счастья вам, здоровья! Боженька вас отблагодарит!.. — громко рыдая, продолжала женщина.

Ника помогла матери встать и затем отвела её в другую комнату. Через несколько минут Ника вернулась, вытирая рукавом слёзы. Я стоял и глубоко дышал. Переводил дух. И только после этого смог сообщить, что могилу уже копают. Что через два часа всё будет готово для похорон. Также сказал, что нужно заказать табличку и купить ограду, и позвал её показать мне, где у них находится агентство ритуальных услуг.

На всё это потребовалось ещё четыре тысячи рублей. Ника хотела оплатить эти нужды сама, но я не позволил, снова напомнив, что деньги у меня есть и что ей нет необходимости тратить последние запасы.

Хоронили вечером, когда уже темнело. Поднялся сильный ветер. Он неужённо трепал шарфы и куртки стоящих. Пришло восемь человек. Все люди пожилые. Как я понял, соседи. Когда желающими были произнесены прощальные слова, копальщики стали опускать гроб в землю. Однако произошёл неприятный казус.

Длина могилы оказалась гораздо меньше необходимой. И гроб в ней никак не помещался.

Копальщики, недоумённо потирая лбы, взяли лопаты и стали исправлять свою ошибку. Ещё когда отдавал деньги за выкопку и говорил им размеры гроба, заметил, что на столе у них стояла водка с дешёвой закуской. А от того, с кем я договаривался, крепко несло перегаром...

Уже почти стемнело. Ветер усилился. Стало холодно. Гроб, наконец, опустили и зарыли. Установили ограду. На ней — чёрную табличку с наклонным белым шрифтом:

Громова Виктория Анатольевна (1987 – 2010)

Сразу после этого матери Ники стало плохо. Было решено вызвать скорую помощь. Прямо с кладбища женщину увезли в больницу. Ника, совсем растерянная и печальная, сообщила, что такое уже случалось. Поминки было решено не делать.

Вернувшись домой, мы с Никой сели на кухне и принялись согреваться чаем. В доме было ужасно холодно. Вскоре я уже не чувствовал ног. Время незаметной дымкой ускользало в мёрзлую тьму, забирая вместе с собой мои последние силы. Несколько раз мне даже чудилось, что я проваливаюсь в глубокую чёрную пропасть.

Когда старинные часы на стене отбили одиннадцать вечера, я, со слипающимися глазами, прислонился головой к стене. Увидев это, Ника тут же вскочила и побежала в комнату. Там она, как я понимал по исходявшим звукам, стелила постельное бельё. Через минуту она вернулась, выключила свет, взяла меня за руку и довела до единственной в комнате двухместной кровати.

Когда я лёг на свежую и пахнущую недавней стиркой простынь, она накрыла меня одеялом. Затем ушла в другую, очень крошечную комнату, похожую на кладовую и ограждённую шторкой. В ней тоже была кровать, только очень маленькая. Через минуту наступила тишина.

Сквозь сон я слышал, как где-то вдалеке проезжал поезд...

[14]

Настало утро. Холодное, промозглое и пасмурное. Ника ещё спала. Я тихо вышел из дома, надел на крыльце галоши и спустился на землю. Перед домом метров на тридцать тянулся под наклоном сад. В самом его конце стояла накрёнённая деревянная кабинка туалета. Она выглядела так, словно ещё чуть-чуть — и опрокинется на бок под силой притяжения.

Я двинулся к ней, звучно шлёпая галошами по тропинке. Позади кабинки, за низким развороченным забором, начинались холмы с соснами. А немного дальше — вырастал густой лес. Поблизости, где-то во впадине, которую отсюда видно не было, журчал родник.

Справив нужду, я некоторое время решил посвятить прогулке по саду. Утром мысли были лёгкими и чистыми, и мне хотелось продлить это приятное самочувствие. Спрятав руки в карманы толстовки, я выдохнул. Пар вспорхнул у моего лица и тут же растаял в воздухе. За ночь похолодало... Небо стало похожим на кусок выцветшего искорёженного металла. Я вдохнул как можно глубже и закрыл на несколько секунд глаза.

Я здесь. В селе Южное Залиново. А что дальше?

Прошло несколько мгновений — но никакого просвета в густых слоях сознания...

Открыв глаза, я ещё раз огляделся по сторонам. На бечёвке, натянутой между двумя вбитыми деревянными столбами, трепыхалось постиранное белье: полотенца, кофточки, носки, трусики и лифчики. По бокам сада, за тем же забором, располагались соседские земельные участки с домами. Правда, один из них явно был заброшен.

Что ж, делать нечего, понял я. Нужно продолжать дышать, пока у меня ещё есть время. Вот и всё.

Я медленно зашагал обратно по тропинке. Домик в этот ранний час выглядел «романтично». Высохшие и потрескавшиеся доски, проржавевшая треугольная крыша, продавленные лесенки перед крыльцом, маленькая несуразная входная дверь с высоким и толстым порогом... Давно изжившая себя эпоха царствовала здесь на полную катушку. Да, прошлое отсюда не ушло. Уверенно держалось за эту ржавую калитку, за эти скрипучие половицы, за эти висящие на стенах ковры. Дух старины с примечательным и пробираемым до тошноты запахом жирного молока и нафталина. Всё это здесь. Впитано в эти тусклые стены. И здесь живёт Ника. Молодая, юная, живая и ещё на многое способная Ника.

Что её здесь держит? Понятно, что мать болеет, её не оставить, но... уверен, есть здесь что-то ещё. Должна быть какая-то особенная сила, которая бы удерживала молодое сознание в этих условиях. Которая бы, как крючок, крепко вцепилась и не позволяла отдаляться и двигаться дальше. Ведь нужно же куда-то и зачем-то идти по жизни. Но Ника почему-то никуда не шла.

Да, в общем-то, как и я.

*

Ника проснулась в половину десятого. Я к тому времени уже вскипятил чайник, и мы сели завтракать. Странное было утро: без лишних слов, без тяжёлых мыслей, без напряжённых движений... Идеальное утро. Других слов не подобрать.

Я, продолжая зрительный анализ дома, пил чай и смотрел на сгнившие оконные рамы, щели которых были заткнуты тряпьем. Ника заметила мой взгляд.

— Наш дом уже давно признан аварийным и не пригодным для проживания, — сообщила она. — Маме как многолетнему труженику птицефабрики администрация села обещала выдать квартиру. В одном из новых трёхэтажных домов, которые строятся на другом конце села. Только вот уже четвёртый год ждём, а жилья всё нет... Мама проработала на птицефабрике тридцать лет, и когда-то наше село даже считалось одним из первых в стране по количеству производимых яиц.

Ника встала, налила себе и мне ещё по чашке чая и снова села напротив, продолжая рассказывать:

— Может быть, не дают жильё потому, что мама перестала работать из-за болезни. Раньше она была подвижной, энергичной. А сейчас мало говорит и передвигается всё медленнее. А после смерти Вики, я уверена, ей... будет ещё хуже... — Ника стала терять слова. Потянувшись к ножу, она принялась нарезать хлеб. Затем, сложив его ровные кусочки в красивую деревянную расписную тарелочку, подняла на меня свои серо-голубые глаза. — Знаешь, не уезжай сегодня. Побудь ещё немного. А я покажу тебе наше село, хочешь? Смотреть особо не на что, но можно хотя бы просто пройтись, подышать. Потом я приготовлю что-нибудь вкусное. А завтра мне на работу. Если захочешь, то с утра и поедешь.

Я задумался. Уехать сегодня я действительно не мог. Чувствовал, что осталось нечто незавершённое. Да, похороны позади, и вроде бы оставаться здесь не имело больше смысла. Но... мне всё казалось, что я ещё могу и должен хоть чем-то помочь этой семье. Любой мелочью.

— Хорошо, — сказал я и снова оглядел кухню. — Как я понял, ваш дом отапливается исключительно печкой. Сейчас сильно похолодало, я выходил на улицу. Земля обмёрзла, солнца почти не видно. Я наколю дров, если ты не против. И ещё: желательно бы тебе собрать всё бельё. Кажется, будет дождь.

На лице Ники появилась слабая, но умиротворённая улыбка. Она тут же встала, взяла железный тазик и отправилась за бельём. Когда вернулась, разложила вещи в шкаф. Затем предложила повременить с дровами и, пока не начался дождь, прогуляться. А по пути — заглянуть в больницу к её матери.

В одиннадцатом часу мы вышли из дома и двинулись по дороге, круто идущей вниз. Здесь везде были эти спады и возвышенности. Машины появлялись редко. По обеим сторонам улицы выстроились такие же ветхие

деревянные дома. И только теперь я обратил внимание на название этой улицы: Советская.

Скоро на пути показалась река. Мы спустились к её берегу. Здесь было очень тихо и спокойно.

— Река... — отрешённо произнесла Ника, глядя на воду. — Как много воспоминаний с ней связано... Мы с Викторией часто здесь играли. Бросали камушки в воду. Она всегда бросала дальше. Помню, как мне это не нравилось. Я изо всех сил старалась перекинуть её, но никогда не получалось. Ни разу так и не смогла побить её рекорд.

Ника нагнулась, взяла в руку маленький камушек и, размахнувшись, отправила его в реку. Тот пролетел метров тридцать и, плюхнувшись в воду, исчез, оставив после себя расширяющиеся круги.

— Вот и сейчас она бы бросила дальше. Сто процентов, — договорила Ника.

Мы неспешно побрели по берегу реки. С её стороны нас обдавало холодным ветром. Несколько капель дали знать о неминуемом дожде. Я затянул покрепче замок толстовки. Так постепенно вышли на просёлочную дорогу, и невдалеке показалось кладбище. Мы подошли к могиле Виктории и несколько минут стояли молча.

— Я поняла, что не хочу умирать в этом месте. Не хочу быть закопанной здесь, — не отводя глаз от земли с цветами, тихо заговорила Ника. — Знаю, что когда умру, мне будет уже всё равно. Но как только подумаю о том, что буду лежать в этой земле, бросает в дрожь. Лучше уж пусть меня сожгут, а прах... с прахом разделаться несложно. Вон, выйди в открытое поле да развей по ветру...

Ника стояла, крепко обхватив себя руками и задумчиво смотря на могилу. Её несобранные волосы и воротник плаща колыхались, но лицо оставалось недвижимым. Я внимательно глядел на неё и понимал: сейчас она где-то в прошлом. В том прошлом, где Виктория ещё жива и здорова...

— Да. Быть развеянной лучше, чем закопанной, — тихо заключила Ника. — Я решила. Меня развеют.

Выйдя из кладбища, мы побрели в сторону домов. И вскоре уже шагали по какой-то улице. Ника рассказывала о парке, мимо которого мы проходили. В нём было много качелей и каруселей — правда, уже давно не работающих. Изогнувшиеся и проржавевшие коряги железных конструкций, некогда предназначенных для восторженных криков, со скрипом покачивались от

гулявшего здесь ветра. Только вот «чёртова» колеса в этом парке не было. Но атмосфера и без того складывалась чертовски тоскливой.

Мы добрались до больницы. Я заходить к матери Ники не стал. Остался дожидаться в коридоре. Ника вернулась через пятнадцать минут, сообщив, что маме уже лучше. А также что вечером ей нужно будет принести некоторые вещи.

— Извини, вчера, когда мы приехали, я сказала маме, что ты близкий друг Виктории. Я не знала, как объяснить, что ты — незнакомец, который просто вызвался помочь, — призналась Ника, когда мы вышли из больницы.

— Ничего, всё нормально, — ответил я. — Наверное, так даже лучше.

Дальше мы брели по асфальтной дороге, по краям которой возвышались пожелтевшие берёзы. Откуда-то несло горелой листвой. Дух осени в селе Южное Залиново был проявлен гораздо больше, нежели в городе. Здесь осень чувствовалась как неизбежная прохладная меланхолия в жёлто-коричневых тонах, заполняющая собой всё вокруг.

— А это наша администрация, — сказала Ника, указав на белое двухэтажное здание с ухоженным фасадом.

— Та самая, которая несколько лет обещает выдать вам жильё?

— Ага.

Я несколько секунд глядел на это здание.

— Пошли, — сказал я, двинувшись к двери.

— Куда?.. — Ника замерла в изумлении.

— Пошли, зайдём.

— Зачем?

— Просто поболтать.

— Но... что мы скажем? Мы уже много раз к ним обращались — всё без толку.

— Что-нибудь придумаем. Если нет, то просто уйдём. Пошли.

Мы вошли в первый попавшийся кабинет. За столом у компьютера сидела женщина.

— Добрый день! — обратился я к ней. — Где мы можем найти главу села?

Женщина, не поворачивая голову в нашу сторону, равнодушно произнесла:

— Александра Павловича?

— Да-да, — сказал я обыденным тоном. — Именно Александра Павловича, кого же ещё.

— Он сейчас занят и сегодня никого из населения не принимает. Зайдите в другой день.

— Значит, он здесь? У себя?

— Я же вам говорю. — Женщина наконец повернула к нам голову и приспустила очки. — Он сегодня не-при-ни-ма-ет.

— Ну что ж... — вздохнул я и пристально взглянул ей в глаза. — Тогда подскажите, пожалуйста, *вы сами*. Как нам получить один логично детерминированный и не игнорирующий справедливость резонанс, воплощённый в официально-документальный акт, обладающий потенциалом изменить непригодные для существования жилищные условия представителей одной из многочисленных, но пренебрежительно обходимых властью имущими стороной, малых групп современного общества?

Лицо женщины исказилось в недоумении.

— Что?!..

— Александр Павлович сейчас где?

— У себя... на втором этаже...

— Спасибо.

Мы вышли из кабинета. Я подошёл к журнальному столу в коридоре, на котором лежала ручка.

— Есть бумажка? — спросил я у Ники.

Она растерянно поискала в карманах плаща и вынула чек. Я взял его и нацарапал на нём одно слово. Затем положил ручку на место.

— Пойдём, — сказал я и двинулся к лестнице.

— Это что сейчас такое было?.. — Ника неуверенно шагала за мной.

— Понимаешь, — проговорил я, — сознание большинства людей не готово воспринимать сложные вещи. Допустим, замудрёные термины. В такие моменты у них наступает ступор. Ну вот вообще труба. Но когда на фоне сложного и непонятного звучит простой вопрос, то человек сразу же подсознательно рвётся ответить на него, чтобы хоть как-то компенсировать свою неумелость. И это — несмотря на то, что ответ может носить секретный характер. Вдобавок, если от человека исходит непривычная, выходящая за рамки обычного, но при этом уверенная речь, то, возможно, он занимает иную социальную роль или просто осведомлён о чём-то гораздо большем, чем тот, с кем он говорит. И это может вызвать у его собеседника

кратковременное подсознательно чувство неполноценности и необходимости «приклониться» пред лицом более «высоким», то есть — «раскрыться», заведомо уступить. Но а вообще, конечно, нужно смотреть по обстоятельствам, чувствовать, когда именно и что именно нужно сказать и в какую сторону пустить вектор развития событий.

— Но... где ты этому научился?..

— Часто наблюдал за общением людей, — ответил я. — Мне кажется, это здесь.

Мы остановились перед дверью, на которой была вывеска с именем главы села.

— Я не уверена, что это хорошая идея, — начала было Ника, но я уже приоткрыл дверь. И, увидев, что кроме сидящего за столом мужчины в кабинете никого нет, крикнул:

— Кар-р-р!

Затем вошёл внутрь, держа за руку перепуганную до ужаса Нику. Большой кабинет, с большими окнами и большим столом.

— Это ещё что такое? — чуть выставив вперёд голову, негромко произнёс мужчина пятидесяти лет на вид в синем костюме. — Вы кто?

— Добрый день, Александр Павлович! — Улыбнувшись, я подошёл к столу главы села Южное Залиново и протянул ему руку. Ника осталась позади. — Меня зовут Роман, а эту девушку — Ника Громова. Фамилия Громова вам наверняка о чём-то говорит?

— Ни о чём не говорит, — холодно ответил глава, не пожавший мою руку. И стал подниматься с кресла, чтобы, вероятнее всего, выпроводить нас. — Приём будет завтра.

— Хорошо, тогда давайте так... — Я поднял руки, будто сдаюсь — и одновременно показывая ему бумажку в своей левой ладони, на которую периодически сам бросал взгляд.

Глава встал, но уже не спешил предпринимать дальнейших действий.

— Что это? — спросил он.

— Это? — указал я на бумажку. — Это слово, которое вы скажете. Через несколько минут я попрошу вас назвать любое слово, и именно оно будет в этой бумажке.

— Гм... Что за ерунду ты несёшь? Какое ещё слово?

— Обычное. Самое обычное, которое мне ну просто невозможно было заранее угадать. Если там будет другое слово, значит, мы покинем вас и

больше не будем отвлекать. У вас ведь и так дел по горло, как я полагаю. Но сначала давайте просто спокойно обсудим столь важный для одной семьи вопрос.

Взбешённый глава, который был готов меня за шкуру вышвырнуть из своего кабинета, бросил взгляд на стоявшую за мной Нику. И потом сел обратно. Я прекрасно понимал, именно её присутствие сказалось на его решении не горячиться раньше времени.

— Ты, по всей видимости, — ненормальный, парень, — проговорил он. — Лучше уйди по-хорошему и не мешай мне работать.

— Бросьте! — улыбнулся я, оглядываясь на Нику и как бы веселясь от происходящего. — Все мы немного ненормальные! И всё же, давайте вернёмся к главной теме. Громовы — это семья с улицы Советской, живущая в старом аварийном доме. Они уже четвёртый год ждут новое жильё. И мы пришли узнать, когда они его получат.

Глава усмехнулся.

— И что? У нас сотни людей находятся в очереди и ждут жильё, и ничего.

— Да, возможно. Но вы хотя бы видели, где живёт эта семья? Этот дом может обрушиться в любую минуту. Мать этой девушки проработала на птицефабрике тридцать лет, а вы говорите про какую-то очередь?

— Роман!.. Роман... — доносился сзади умоляющий шёпот Ники.

— К тому же эта женщина сейчас больна, — продолжал я. — И потому ещё больше нуждается в нормальном человеческом жильё. Её старшая дочь умерла три дня назад под колёсами автомобиля. Вследствие этого женщине как матери сейчас так плохо, что она даже попала в больницу. Её болезнь с каждым годом приобретает всё более опасный характер, а ей приходится жить в ужасных условиях. А вы всё очередь да очередь. Сами-то ведь наверняка живёте в хорошем доме, регулярно отдыхаете где-нибудь на южных морях, на Канарах...

Мужчина, напряжённо поджав губы, торопливо потянулся к фоторамке на столе.

— Не ваше дело, — сказал он, убирая её куда-то в стол. Его сдержанность меня потрясала. — А вопросы, касающиеся нового жилья, решаются в порядке очереди. Сейчас птицефабрика закрывается. У нас строится торговый центр. Первый в своём роде для нашего села. Есть бизнесмены, которые решили вложить деньги. Работаем сообща. Скоро будет

новый кинотеатр и развлекательный комплекс. Людей, приезжающих в наше село, становится всё больше, поэтому жилья на всех не хватает.

— Эта женщина проработала на благо села тридцать лет! — медленно проговаривал я каждое слово. — Ваше село славилось самым большим количеством выпускаемых яиц в стране! Эта женщина как никто другой заслуживает новое жильё. Знаете... в их доме сейчас так холодно, что даже никакая телогрейка не поможет.

— Я всё понимаю, — проговорил мужчина, то и дело поглядывая на мою руку, в которой была бумажка. — Но пока ничего не могу сделать. А теперь...

— Александр Павлович, поймите, — перебил я его. — Есть люди в вашем хорошем селе, которые живут словно птицы в клетках. И у вас есть ключик, тот самый, которым вы можете освободить их. Новая квартира — она для некоторых и есть этот глоток свободы и возможность распахнуть крылья, чтобы почувствовать жизнь. Разве вы как глава этого села не хотите дарить такую радость самым нуждающимся в ней жителям? Да ведь творить такое добро и иметь для этого власть и ресурсы — о чём ещё можно мечтать, Александр Павлович?

Глава усмехнулся.

— Ой, поэт-поэт! — Он затряс указательным пальцем. — Играть со мной вздумал?

Я стоял с абсолютно серьёзным выражением лица.

— Гм.... Ладно... Я погляжу, что можно сделать, — вдруг снисходительно произнёс Александр Павлович. — Но — только, если слово, которое я сейчас скажу, окажется в твоей бумажке. Если нет — жильё в порядке очереди. Раз начал этот цирк, доводи его до конца.

Я по-прежнему держал бумажку в руке. И он, и Ника прекрасно её видели.

— Спасибо, Александр Павлович. Говорите ваше слово. Любое.

Мужчина несколько секунд молчал, уставившись на меня.

— *Канарейка!* — внезапно выговорил он. И с довольной ухмылкой склонив голову набок.

Разжимать кулак я не спешил.

— А теперь поглядите, Александр Павлович, как вы обратили всё ваше внимание на мысль о том, что за слово спрятано в моей руке. Всё остальное в этот момент стало для вас не столь важным, верно? Я прошу, чтобы вы,

Александр Павлович, точно так же, сфокусированно, обратили ваше административное внимание на дом семьи Громовых. Дом, который в любую минуту, пока мы тут с вами беседуем, может рухнуть.

Мужчина провёл языком по нижней губе и отодвинулся к спинке стула, почесав пальцем кончик носа.

— Ну... это... да... обратим. Обратим внимание. Вот сейчас... — Он полез рукой в стол. — Сейчас сделаю себе пометку.

Он что-то записал на листочке. Потом выжидающе посмотрел на меня.

— Ну? — нетерпеливо произнёс он. — А теперь, наконец, покажешь, своё слово? Бьюсь об заклад, ты не мог заранее угадать его. Поэтому сейчас, парень, ты будешь выглядеть как идиот.

— Итак, ваше слово — «канарейка». Менять не будете?

Он убедительно тряхнул головой:

— Нет.

— Что ж... Ваше право.

Я раскрыл кулак и положил завёрнутую бумажку ему на стол.

— Всего доброго! — сказал я. Затем взял Нику за локоть и вывел нас из кабинета.

— В самый интересный момент!.. — впопыхах вымолвила она.

Мы вышли в коридор, закрыв за собой дверь, и я сразу же направился обратно к лестнице. Но Ника всячески сопротивлялась и тормозила моё желание как можно скорее покинуть это место.

Вдруг за закрывшейся дверью раздался крик. Крик отчаянного удивления и сокрушительного поражения.

— Как?! — гремел в кабинете голос главы села. — Как тебе это удалось?

Ника безумными глазами посмотрела на меня.

— Как?.. Как ты это сделал, Роман?!

— Давай сначала уйдём отсюда... пошли же... пожалуйста!

— Откуда ты знал, что он скажет именно это слово?! — не успокаивалась Ника, не понимая, что мне нужно быстрее на свежий воздух, подальше от всех этих людей, что ходили по коридорам и пилились на нас.

— Пойдём! — Я снова схватил Нику за руку.

В конце концов, мы вышли на улицу.

— Я сам подтолкнул его к этому слову, — произнёс я, облегчённо выдохнув, когда здание администрации скрылось из виду. — Помнишь, когда мы только зашли к нему в кабинет, я прокричал «Кар!»? Это крик

вороны. У него сразу же инстинктивно и подсознательно возник образ этой птицы. *Птицы*. К тому же первые две буквы моего крика — это первые две буквы слова «КАнарейка». Потом я употребил слово «Канары». То есть добавил ещё две буквы. Слово «КАНАрейка» стало ещё полнее. Затем, если ты помнишь, упомянул слово «телогрейка», в котором есть недостающая часть слова «канаРЕЙКА». После чего данное слово в его подсознании собралось полностью. Оставалось лишь ещё раз напомнить ему образ птицы. И я заговорил о людях, что живут, словно птицы в клетках, помнишь? Всё это закрепило в его подсознании образ птицы. Но он ещё не знал, что это слово уже почти родилось, готовясь вот-вот появиться на свет. И когда я напомнил ему, что он может сказать любое слово, оно как возьмёт да выскочит в его сознание! Притом «Канарейка» — довольно редкое слово. Ну разве вслепую угадаешь, что он выберет именно его? Во всяком случае, так думал он сам. Но он был марионеткой с самого начала. Вот. Примерно как-то так.

— И ты... всё это придумывал на ходу? — Ника остановилась, широко раскрыв глаза.

— Ага, импровизировал. По-моему, не так плохо вышло. Как считаешь?

— Ты... ты... да ты... это невозможно... Ты... ты невозможный!

Я замер.

Невозможный?

— Главное, теперь шансов, что он наконец-то возьмётся за ваше дело, гораздо больше, — сказал я.

И мы молча пошли дальше. В сторону дома сквозь осенние декорации Южного Залиново. Однако мысль о том, что сказала Ника, не покидала меня всю дорогу. Ведь я живой, так же, как и все, хожу по этой планете. Разве я могу быть невозможным?

А может, и правда: все мои беды только из-за того, что я — *невозможный*?

[15]

Когда мы дошли до дома Ники, начался дождь. Вначале медленно, редкими каплями, но уже через несколько минут он набрал силу и зашумел.

В доме было по-прежнему холодно. Я сразу же отправился колоть дрова, хранившиеся под металлическим навесом у калитки. Через минут десять, весь промокший, вернулся обратно. Сунув несколько поленьев в печь, пустившую до самого потолка трещину, с помощью газеты и щепок развёл огонь. Совсем скоро пламя разыгралось и осветило часть комнаты.

Ника дала мне полотенце и вязаный зелёный свитер. Про последний сказала, что это вещь Виктории. Неуверенно взяв свитер, я несколько мгновений неотрывно смотрел на него. Мне вдруг почему-то невероятно сильно захотелось вдохнуть его аромат...

Отчего же это?

Чтобы почувствовать... Викторию? Дать своим ощущениям ничтожно-крошечную надежду, что она ещё жива? Что её частичка живёт во всех этих вещах?..

Но её больше нет. Совершенно. Нужно это понять. Осознать. Она там, в холодной могиле. Уже гниёт. Разлагается. Исчезает окончательно. На что мне теперь её запах? Зачем лишний раз окутывать себя иллюзиями? Иллюзии не спасут от реальности. Однажды она всё равно нагрянет и шандарахнет по голове так, что мало не покажется.

Отогнав все эти мысли, я надел свитер. Слегка маловат. Впрочем, что удивляться — женский всё-таки. Сама же Ника укуталась белой шалью. И пока тепло понемногу расплзлось по всему дому, мы сидели у печи, пили горячий травяной чай и согревали руки. По крыше, не прекращаясь, монотонно тарабанил дождь.

Через какое-то время Ника встала и достала из комода альбомы с фотографиями. Снова расположившись возле меня, она принялась рассказывать об их с Викторией детстве. Почти на всех бумажных отпечатках времени сёстры стояли рядом или держались за руки.

— Мы всегда были вместе, — тихо говорила Ника, перелистывая очередную страницу альбома. — Самые лучшие на свете подружки.

Ника с воодушевлением показала снимок, где десятилетняя Виктория стояла со смешно-надутыми щеками, а сама она, маленькая, сидела рядом на полу и, смотря в камеру, хохотала.

— Вика умела набирать полный рот воды и разговаривать. Её голос в этот момент становился таким забавным, ты бы знал! Я смеялась до слёз. Сколько я ни пыталась повторить так же — никак. Вода сразу же

выплёскивалась или я начинала сильно смеяться. Вика так много всего умела...

Ника не замечала, что я уже несколько минут пристально смотрю на её лицо. Она сосредоточенно перелистывала страницу за страницей и всё говорила и говорила.

— Мама всегда любила её больше, чем меня... Радовалась всю жизнь её успехам, ставила всем в пример. Да и ругала она её редко. Не то что меня. А если шли покупать на рынок одежду, то сперва всё покупали Вике. И уже потом, если оставались деньги, подыскивали что-нибудь мне. Но чаще всего — не оставались. — К губам Ники пробилась слабая усмешка. — Поэтому в школу я всегда ходила в затасканном костюме и стёртых сапожках. Надо мной смеялись, зная, что это вещи моей сестры... Эх, как же я тогда мечтала стать Викой. Чтобы мама любила меня так же. Чтобы относилась так же, как к ней. И чтобы все-все относились ко мне, как к ней. Она всегда была такой молодчинкой.

— Слушай... — вдруг захотелось спросить мне. — А где... ваш отец?

— Отец? — ухмыльнулась Ника. — Я бы и сама хотела это знать.

На улице постепенно темнело. После того, как все альбомы были просмотрены, Ника вышла на кухню и прибавила громкость маленького радио. Оно работало в постоянном, почти бесшумном режиме.

...движется циклон. В ближайшие дни ожидаются проливные дожди...

— Ну вот, — сказала Ника, входя обратно в комнату. — Похоже дождь не скоро закончится... А мне ещё в больницу идти. Ладно, возьму зонтик...

Я посмотрел в окно. С внешней стороны стекло покрылось роем капель, медленно сползающих вниз. Где-то раздался гром. Пару раз молния осветила комнату и наши задумчивые лица.

*

Ника вернулась из больницы через час. Она раскрыла мокрый зонтик и поставила его сушиться у окна. Снимая плащ, сообщила:

— Если всё будет хорошо, через три дня мама вернётся домой.

Затем ушла на кухню и принялась готовить ужин. Я сел с ней рядом за кухонный стол и стал читать какой-то дешёвый любовный роман, найденный на подоконнике.

Ника отваривала картошку и параллельно нарезала для салата помидоры, огурцы и лук. Затем достала из маленького подпольного погреба запотевшую банку вишнёвого компота и перелила его в стеклянный графин. От аромата и вида готовящейся пищи, я понял, что мой аппетит реабилитируется. Впервые за последние два дня я жуть как хотел есть.

Пока Ника готовила, я углубился в чтение. Моё воображение рисовало банальный сюжет. Книги, подобные этой, наверное, печатаются одной рукой. Одним полушарием мозга. Одной половиной души. Если она, конечно, вообще задействуется. Ибо не о какой проницательности и смысловой нагрузке текста и того, что могло бы лежать под ним, говорить не приходилось.

Он любит её. Она тоже любит его. Но какой-то пустяк встаёт между ними — и всю книгу, почти до самой последней главы, они кружатся, как неприкаянные, вокруг этого пустяка, чтобы в итоге, под трепет, обаятельные фразы и предрадостные слёзы, понять, что этот пустяк — всего лишь пустяк, и не стоит из-за него разрушать отношения.

Да уж, пустяк на пустяке... И зачем только тратить силы и время на создание вот этого? Не обязательно быть моралистом и писать многотомные эпопеи, но хоть что-то же в тексте должно быть!

Вообще, было бы хорошо, если бы писатель перед тем, как сесть за чистый белый лист, задумывался о том, что он скажет в случае, если после смерти на небесах Высшие Инстанции спросят его: «Ну, и чем ты отметился в этой жизни, литератор? Как её прожил? Что хорошего написал для своей эпохи и последующих поколений?»

Что должен будет ответить автор вот этой книги? «Да я... как бы... вот... про тех двоих написал. Они кружатся вокруг пустяка... пустяк на пустяке и пустяком погоняет». Это останется отвечать писателям, которые создают такие книжонки-ниочёмки?

Вряд ли.

Таким писателям только и останется, что виновато свесить взгляд и самостоятельно пройти к двери с вывеской «АД». Вот там всем про пустяк вокруг пустяка и рассказывать до скончания времён. Или попробовать

исправиться и написать что-то поистине стоящее. Собственной кровью на плоти других грешников. Там таких наверняка много...

Моё сознание выхватило звук проезжающего поезда и отвлекло от вышедших на пробежку мыслей. Внимание стало раздваиваться: откуда звук? Из книги? Но тут вроде про поезда — ни слова.

— У вас есть железная дорога? — поднял я глаза на Нику.

— Ага, — кивнула она. — Станция «Залиново».

Я прислушался к этому звуку, который пробивался сквозь шум дождя. Через несколько секунд раздался гудок.

Ника оторвалась от плиты и тоже стала слушать.

— Временами, когда я слышу поезда, — мечтательно произнесла она, — вот как сейчас, мне кажется, что ещё секунда — и я схвачу чемодан, побегу на станцию и куплю билет на первый же проезжающий наше село поезд. И уеду на нём. И не важно, куда. Главное — далеко-далеко.

— Так сильно хочется укатить отсюда?

— Иногда до безумия как хочется. Вся молодёжь уже давно оставила это убогое место...

— Поверь, в больших городах нет никакой жизни. Это иллюзия. Там безумие и бешенство.

— Да... — вздохнула она и вернулась в готовке. — Знаю. А после того, что случилось с Викторией... убедилась в этом окончательно.

Задумчиво помолчав минуту, Ника посмотрела на меня:

— А что чувствуешь ты, когда слышишь поезда?

Я закрыл глаза и ещё раз вслушался в далёкий отзвук летящего по рельсам многотонного состава...

— Грусть, — ответил я.

— Вот и я о том же, — вздыхая, кивнула Ника. — Знаешь... может, это и глупо, но вечерами я иногда прихожу на перрон, сажусь на скамейку и смотрю, как составы приезжают и уезжают. В такие минуты мне кажется, что с этими поездами уходит моя жизнь.

— Значит, ты ходишь туда, чтобы грустить?

— Глупо, правда? — улыбнулась она, опустив глаза. — Ходить и специально создавать у себя это ощущение тоски.

— По-моему, наоборот. В этом есть что-то... поэтическое.

Ника, пожав плевами, снова улыбнулась. Литературной красоты в последних фразах Ники действительно было гораздо больше, чем на всю эту историю в моих руках.

Я ещё раз метнул взгляд на книжонку. Уф! И зачем я её вообще взял!..

Мы вкусно и сытно поужинали. Потом вернулись в комнату. Поленья в печи почти догорели, и в доме стало гораздо теплее. Сняв свитер, я взялся за старые советские литературные журналы «Роман-газета», которые мне предложила Ника. Это было куда лучше «пустяка».

Так и свечерело. Совсем незаметно, ибо темно было, в принципе, и днём. Как хлынул дождь — так и заволокло сумраком всё село. Теперь окончательное понимание вечера пришло благодаря настенным часам, висевшим около печи.

— До утра тепла хватит, — сказала Ника и принялась расстилать мне кровать.

Через минуту из малюсенькой спальни зазвонил мобильный телефон. Ника вышла за штормку и очень долго с кем-то разговаривала полущёпотом. Я в это время отложил журналы, встал, подтянулся к потолку и хрустнул суставами спины. Затем разделся, лёг, укрылся одеялом и под треск догорающих дров стал смотреть на сияющую бледно-жёлтым светом лампочку, свисавшую с потолка на скрюченном проводе. Вскоре рядом с лампочкой замелькало что-то ещё. Бабочка. Чёрная-чёрная, как подкрадывающаяся за окном осенняя ночь. Интересно, откуда она здесь такая?

Бабочка порхала вокруг лампочки, едва касаясь её и тут же отлетая на несколько сантиметров. Она пыталась прижаться к ней, но температура последней не позволяла. Жар стекла был смертельным. Но бабочка словно совершенно не желала этого понимать. Она усердно продолжала кружиться вокруг лампочки, стараясь приблизиться к ней вплотную — и остаться живой.

Прекрати, прошептал я бабочке. Прекрати это делать. Она ведь вся горячая. Она убьёт тебя. Лети лучше в ночь. Твой окрас спасёт тебя. Тебя никто не заметит. Под покровом ночи ты будешь тайной. Никому не известной, неразгаданной тайной. И это — твоё спасение. Лети же.

Но бабочка меня не слушала. Она стремилась к свету внутри стекла, как к единственному спасению, несмотря ни на что. Несмотря на боль, которую наверняка испытывала, прикасаясь к раскалённому светилу...

А ведь я — как эта самая бабочка. Однажды вылупился из кокона, но почему-то оказался чёрным — инаковым, другим, слишком не для этого мира. И тоже отчаянно трепыхаюсь всю свою жизнь, обжигая свои крылья, от которых, пожалуй, уже давным-давно ничего и не осталось... Но нужно сделать последний шаг. Шагнуть на Свет. Обгореть окончательно, чтобы, наконец, всё это завершить...

Спустя полчаса вышла Ника.

— Извини, что так долго, — произнесла она.

— Всё нормально.

— Тебе, наверное, интересно, с кем я говорила?

— Да нет...

— Это мой бывший.

— М-м...

— Он не очень обрадовался, узнав, что у меня дома какой-то парень...

Пришлось объяснять.

— Ну, не удивительно.

Ника выключила свет и подошла к окну. К нему, сквозь нескончаемые полосы дождя, пробивалось мягкое голубое свечение. Его порождал фонарь, освещавший часть улицы Советской.

— Шторки закрыть или оставить так?

— Оставь, — сказал я. — Буду смотреть на дождь и засыпать.

Ника молча отошла от окна и двинулась в спальню. Но перед самой шторкой остановилась. Я видел в темноте очертания её худой фигуры. Она подняла руку, держась ею за стену.

— Я не сомневаюсь, что у тебя очень добрая душа, но... почему ты нам помогаешь? — тихо спросила она.

Я вздохнул.

— Сам не знаю.

Ника постояла ещё несколько мгновений, а затем скрылась за шторкой. Я услышал, как зашелестело бельё её постели. Легла.

Я догадывался, что подразумевала своим вопросом Ника. Она подразумевала саму себя. Она — девушка. Как ни крути, живая девушка. И

тот факт, что с ней уже три дня плечо к плечу находится парень, должен наводить её на определённые предположения.

Прошло, наверное, минут сорок или даже целый час, когда эта шторка снова дрогнула. И снова в темноте возникла худенькая фигура Ники.

— Не спишь? — прошептала она.

— Что-то не спится.

— И мне.

— Скажи, ты завтра собрался ехать?

— Да.

— Не уезжай, — попросила она. — Остайся хотя бы ещё на пару дней. Пожалуйста...

Я молчал. Молчал, ведь не знал, что ответить.

Интересно, подумал я, где сейчас та бабочка? Взяла тайм-аут? А при следующем «рассвете» лампочки снова ринется в бой? И, наверное, в свой последний? Может, и мне полагается перерыв перед последним марш-броском до того света? Бабочка, ответь, как же мне поступить? Как?

Но бабочка, кажется, не слушала меня и в этот раз...

*

...Трамвай ехал в ночи. Разноцветные огни светофоров и фонарных столбов живописно заливали тёмную дорогу. Я стоял с Никой в задней части салона и глядел на исчезающие во тьме рельсы.

Вскоре трамвай остановился, хотя до остановки, по моему мнению, было ещё далеко. Я, Ника и остальные пассажиры стали оглядываться: в чём причина внеплановой паузы?

Через пару мгновений трамвай тронулся. Ага, подумал я, всё нормально. Едет дальше. Правда уже спустя несколько секунд я понял, что тронулся он в обратную сторону. Странно: теперь он ехал назад, и то окно, у которого мы с Никой стояли, превратилось в лобовое. С чего бы трамваю двигаться задним ходом?..

Вагон набирал скорость. Я, ощущая беспокойство, сжал поручень крепче. Казалось, что всё это — не просто так. Будто совсем скоро должно произойти что-то не очень хорошее.

И как бы оправдывая мою тревогу, спустя некоторое время вдалеке замаячила опасность: невероятно крутой поворот налево. Я смотрел на этот

участок дороги и думал, а вдруг трамвай не сможет войти в него на такой большой скорости? Что, если он сойдёт с рельсов?..

— Эй! — обернувшись, крикнул я. — Кто-нибудь, скажите водителю, чтобы притормозил! Слышите меня? Остановите его! Скажите, чтобы остановил трамвай! Эй!

Но вагон продолжал нестись по рельсам, приближаясь с каждой секундой к чрезвычайно сложному повороту. И скорость движения только возрастала. Это всё точно не к добру, окончательно понял я.

Но и это ещё не всё.

Сразу же за тем опасно-резким поворотом кто-то стоял. Явно человеческая фигура. Кажется, женщина. Неподвижная женщина прямо на рельсах.

Я бегло бросил взгляд на Нику. Она тоже всё это видела и со страхом на лице держалась за меня. Теперь именно мы с ней находились в самом начале трамвая — и только мы видели эту женщину. Чего она там встала, чёрт подери?!

Трамвай уже летел на безумной скорости. Такая скорость не предназначены для этого транспорта. Вернее, этот трамвай не предназначен для такой скорости. Последние мгновения отделяли нас от развязки. И вот, когда до поворота уже оставалось несколько метров, я увидел, как женщина вытянула свои руки...

Ко мне.

Я отчётливо прочувствовал это, и внутри у меня всё обледенело. Не разглядев лица застывшей на рельсах женщины, я знал: она смотрит только на меня. И ждёт именно меня. Я зачем-то ей нужен. И всё происходящее — только ради этого. Я — причина трагедии всех этих людей.

Закрыв глаза, я до боли стиснул зубы. Через секунду раздался нестерпимый визг. Это колёса... Трамвай стал резко уходить влево. Держа изо всех сил Нику, я с трудом заставил себя приоткрыть веки. Люди в салоне сбились в одну кричащую массу. Вагон, летя вперёд, стал со скрежетом опрокидываться на бок, брызжа красными искрами, достигавших окон.

О, мой Бог. Да ведь это — Смерть. Вот она, раскрывает свою величественную пасть...

Трамвай полностью пал на бок, но упорно продолжал нестись по асфальту. Людей в салоне подбрасывало, словно игрушки в коробке разбуянившегося ребёнка. У кого-то отрывало руки, у кого-то — ноги, кто-то

ломал позвоночник. Отовсюду, заполняя собой воздух, раздавались истошные крики.

*

— Роман... — доносился тихий голос откуда-то издалека. — Роман!.. Я открыл глаза. Темно. За окном дождь.

— Роман!.. — повторял голос.

— Что такое? — Я приподнялся, чувствуя на своих щеках слёзы.

— Ты кричал, — обеспокоенно проговорила Ника.

— Я?.. кричал?..

— Ещё как, — ответила она и обняла меня.

Я сглотнул слюну, не переставая дрожать.

— Этот сон... — тяжело дышал я, — был так реален.

— Понимаю... — произнесла Ника. — Мне тоже часто снятся кошмары.

— Затем она встала и включила свет. Зажглась та одинокая лампочка, заставив меня зажмуриться. Ника вышла на кухню и принесла мне стакан воды. Опустошив его одним глотком, я спросил:

— А о чём именно твои кошмары?

— Всегда одно и то же, — вздохнула Ника. — За мной кто-то гонится, чтобы убить.

— У меня было несколько иначе, — сказал я. — Но не менее ужасно... И что обычно происходит в твоих кошмарах в самом конце?

— Перед самой смертью я просыпаюсь. — Ника, в белой ночнушке, присела рядом.

— Надеюсь, после настоящей смерти люди не просыпаются где-нибудь в другой жизни... — Я откинулся головой на мокрую подушку.

— Отдохни. — Ника прилегла рядом, положив мне на влажный лоб свою ладонь.

Какое-то время мы лежали молча, и я вспоминал детали пережитого. Да, порой сон бывает настолько ужасен, что возвращение в реальность воспринимается как самый щедрый подарок Вселенной. Ощущаешь поистине подлинное утешение, что всё произошедшее было не по-настоящему. И даже начинаешь благодарить кого-то, наверное, ту же самую Вселенную, понимая, что твоя реальность куда лучше и спокойнее снов.

— О чём сейчас думаешь? — спросила Ника спустя несколько минут.

— Честно?

— Ага.

— О твоей груди.

Ника, чуть раскрыв свои тёмно-бардовые губы, скользнула взглядом по своей груди, а затем снова посмотрела на меня.

— А что с ней? — удивлённо спросила она.

— Понимаешь... несмотря на то, что ты очень худенькая и маленькая, она у тебя большая. Ты вроде бы такая малышка, но с очень женственной грудью.

Лицо Ники моментально вспыхнуло.

— И это меня потрясает, — закончил я.

Она смущённо молчала.

— Прости. Я просто пытаюсь отвлечься, забыть о сне.

— Ничего... — тихо ответила она. — Зато ты ответил честно...

Я снова взглянул на неё. В ночнушке, с собранными волосами, оголяющими её тонкую шею, она лежала рядом, продолжая слегка смущённо смотреть вверх.

— А о чём сейчас думаешь ты? — спросил я.

— Да ни о чём... не удаётся думать о чём-то конкретном.

— Такое бывает.

— Хотя... вру. Если тоже отвечать честно, то сейчас я думаю о том, как мне приятны твои слова о моей груди. Спасибо...

Я слабо улыбнулся. Она сказала это так искренне, что мне даже полегчало. И будто всё былое напряжение в обстановке мгновенно разрядилось. Удивительно: вот так просто обмолвились о груди — и вдруг сразу же отпустило.

Неожиданно погас свет.

— Это у нас часто бывает, — пояснила Ника и встала с кровати. Спустя несколько мгновений она возникла из темноты с зажжённой свечой в руках. Тёплое сияние тут же наполнило комнату, которая теперь стала выглядеть иначе: всюду заиграли загадочные тени.

Ника поставила свечу на столик и села на край кровати.

— Ты как? — спросила она, посмотрев на меня. — В порядке?

— Сейчас гораздо лучше. Спасибо.

Она уже собиралась встать, когда я спросил у неё:

— А ты не думала... почему тебе снятся такие сны, где тебя хотят убить?

Ника с полминуты сидела в задумчивом молчании.

— Иногда мне кажется, что я знаю причину, — сказала она.

— И какая же?

Ника не ответила на вопрос, но осталась сидеть на кровати. И мы принялись разговаривать. И разговаривали мы долго и безостановочно. Иногда мне даже казалось, что я уже сплю, и весь наш разговор мне только снится, но потом меня будто что-то возвращало в явь, и я снова что-то говорил. А затем — снова проваливался в дрёму. И так — по странному повторяющемуся кругу.

Точно помню, что мой сон оборвало, когда Ника, уже лежавшая совсем рядом, вдруг произнесла:

— Я... била детей... Думаю, поэтому мне и снятся эти кошмары. В них я словно должна понести наказание.

Что?

— Я тогда училась в пятом-шестом классе, — продолжала она шёпотом. — У нас здесь есть детский садик неподалёку, и каждое утро я ходила через него в школу: так ближе — наперерез. И знаешь, в зимние месяцы, когда идёшь через него утром, там ещё очень темно — фонари совсем никудышные. И обычно в это самое, раннее время родители и отводят туда детей. Но так нередко бывает, что некоторые из родителей провожают своих детей только до ворот садика, тут же убегая на работу или куда-то ещё, а те уже сами добираются до здания: метров сорок-пятьдесят, наверное. И вот... в ранний тёмный зимний час я шла через этот детсад и, если оказывалось, что ребёнок впереди меня шагает один, а вокруг совсем никого нет, я замирала на несколько секунд, внутри меня вдруг что-то менялось, и я разбегалась и... со всей силой ударяла ребёнка в спину ногой. Ребёнок тут же падал на землю, ничего не успевая понять, не то что закричать... После чего я убегала.

С тех пор прошло немало лет, но я постоянно вспоминаю об этом. Это невозможно забыть. И знаешь, я ненавижу себя даже не за то, что я это делала. А за то, что... испытывала от этого удовольствие. Да. Мне хотелось делать маленьким детям больно. Хотелось смотреть, как они, беспомощные, начинают плакать, кричать, звать кого-то на помощь. А кругом — никого. И никто не может им помочь. И вот этот момент был самый сильный для меня.

Я не помню, что ответил Нике на это. Кажется, поблагодарил за честность. Потом я снова уснул. А когда в очередной раз вернулся в реальность, заметил, что голос Ники изменился: дыхание стало глубже, чаще, в интонации появился странный чувственный оттенок...

— Иногда ловлю себя на мысли, что хотела бы хоть раз почувствовать себя наказанной... И именно — мужчиной. Кто знает... может, потому, что у меня никогда не было отца. В глубине души мне всегда хотелось узнать, каково это — угождать мужчине. Хоть раз почувствовать, каково это... ну, знаешь... быть чьей-то девочкой...

И когда нить нашего разговора успела завернуть в эти таинственно-интимные леса? Вот что делает холодная и дождливая ночь с двумя молодыми душами в маленьком старом доме...

— Мой бывший парень не разделял этого. Он верующий, очень религиозен. Для него было дикостью, когда я поделилась с ним своими мыслями. Тебе, наверное, сейчас тоже немного странно всё это слышать, верно?

— Да нет... — забормотал я. — У каждого же свои... особенности... Поэтому как бы...

— Ты не умеешь врать. Ты обескуражен моими откровениями, — всё шептала Ника. — Но не подумай, что я каждому их раскрыла бы. Я просто знаю, что ты тот человек, с кем я могу всем этим поделиться.

— Да, ты права. Я немножко удивлён. Но это никак не меняет моего отношения к тебе. Даже наоборот. Твоя искренняя естественность поражает меня. И привлекает... Ты открылась мне, и это похвально. Я благодарен тебе за это. Теперь я чувствую, что и сам могу в чём-то открыться тебе.

— Я бы этого очень хотела. Ведь я о тебе совсем ничего не знаю...

Я молчал, слыша её очень близкое дыхание. Беззащитная, слабая, маленькая, неуверенная, запуганная, часто плачущая Ника... Почему Природа создала её для этого жестокого мира? Как бы мне хотелось взять и навсегда избавить её от всех страданий. Но как?..

— Я понимаю, что мне вряд ли удастся узнать тебя по-настоящему, — вдруг произнесла она проникновенным голосом. — Но, знаешь... я ведь могу тебя почувствовать...

И прикоснулась ко мне своим бедром. Я ощутил громкое тепло её тела.

Она идёт ко мне... Избавить бы её от страданий... Сделать так, чтобы она больше не испытывала несправедливость этого мира...

Убить?..

— Ты уверена? — прошептал я.

— Я ни в чём не уверена. — Она прижалась ещё ближе. — Всю свою жизнь я ни в чём никогда не уверена...

Я повернулся к ней. Какая-то неведомая сила подняла мою забинтованную руку и обхватила её шею. Я уткнулся носом в мягкую щёку Ники — и сдавил её шею, что было сил.

Ника издала хриплый стон.

Стон глубочайшего наслаждения.

Широко раскрыв губы и судорожно извиваясь, она пыталась глотать воздух. Я закрыл ей рот второй рукой. И сдавил шею ещё сильнее. Ника попыталась закричать, но её крик намертво потонул в линиях моей ладони.

Интересно, способен её крик повлиять на них и изменить мою судьбу?

Это вряд ли...

Она была моей. Вся. Без остатка. И я мог делать с ней, что угодно. Мог причинить любую физическую боль и наблюдать, как она загорается волнующим огнём — от сочетания боли и сладчайшего самозабвения. В эти мгновения боль и была для неё тем самым самозабвением, играя уже иную роль. Не предупреждающую. Не отягощающую. А — экстатически наполняющую. Да, для неё боль была упоением. А для меня им было понимание, что я могу делать с ней всё, что захочу. Она моя. Полностью моя — и в моих руках. Её никуда не деться.

Ника, задыхаясь, вырывалась. Я ударил её по щеке, чтобы утихомирить. Это, кажется, несколько усмирило её, но всё её тело по-прежнему дышало болью. Требовало боли. Изнывало от боли. Ника до последнего наслаждалась ролью мученицы и, казалось, была готова в эти минуты понести любое наказание. В своих движениях она словно страдала и сама же возвышалась над своими страданиями, будто смеясь им в лицо.

Наверное, это тот самый пик, последний рубеж внутреннего отчаяния, когда человек начинает получать от боли наслаждение. От неё уже настолько никуда не убежать, что остаётся только полюбить. И, конечно, всё это — бессознательно. Но именно такое спасение грезится душе, которая в конце концов и выбирает подобный путь.

Ника и Боль были нераздельны. И уже вряд ли могли существовать в этом мире друг без друга. За несколько дней, проведённых рядом с ней, я,

возможно, впервые за много лет нашёл родственную душу. И вот я душил её. И занимался с ней сексом. И, кажется, было между нами что-то ещё... более утончённое и не поддающееся силе слов...

Спустя какое-то время я рухнул на спину рядом с ней. Тяжело дыша, глубоко вдыхал запах нашего пота и её волос. Вздурораженный, я собирал по кусочкам свои мысли.

Мой... первый... секс... это... мой... первый...

Ника, дрожа всем телом, осторожно потянулась ко мне. Я снова ощутил её горячее и частое дыхание. Она с опасливой нежностью поцеловала мою шею. И, будто напрочь потеряв всякие силы, так и осталась лежать в этой позе — не убирая губ, пока не заснула.

[16]

— У-у-ух... Я смотрю, с Никой у тебя всё заладилось! — ухмыльнулась Ева. И, несколько мгновений пристально глядя на меня, добавила: — Вот только скажи мне одно: тебе что, правда в тот момент хотелось её... убить?

Я глубоко вздохнул.

— Пожалуй...

— Потому что ты её ненавидел?

— Думаю, наоборот.

— Ах! Так, значит, любовь? — Глаза улыбающейся Евы расширились. — Только как-то странно это — хотеть убить того, кого любишь, не думаешь? Впрочем, какая разница... — Ева сорвала с земли ромашку, откусила её головку и стала усердно жевать с серьёзным выражением лица. Потом произнесла:

— Любовь подобна очаровательному цветку: рано или поздно всё равно завянет.

Я ничего не ответил.

Мы так же сидели у ямы, свесив в неё ноги. И снова я чувствовал, что начинаю перегреваться.

— Ты когда-нибудь пробовал ромашку на вкус? — чавкая, спросила Ева.

— Как-то не приходило в голову...

— А знаешь, ничего так. Попробуй.

Ева сорвала ещё одну ромашку и протянула мне.

— Не хочу.

— Ну попробуй! Ради меня!

Я всё же взял ромашку и откусил её.

— Ну ведь не дурно?

— Сойдёт...

Неожиданно Ева вскочила, смотря куда-то вверх.

— Что такое? — удивился я, поднимаясь следом.

— Тучи! — испуганно выговорила она.

Тучи?

А ведь действительно. Огромное мрачное пятно, словно болезненный нарост, уже заполняло издалика небосклон. Но неужели это... вправду? Неужели здесь, на этом необычайно спокойном острове, здесь, в пристанище моей душевной гармонии, пойдёт... дождь?

— Тебе нужно поспешить, — сказала Ева, не отрывая от неба взгляда.

— Да почему же? Что будет, когда пойдёт дождь?

— Неужели ты и сам не понимаешь? — раздражённо выпалила она, глянув на меня. — Дождь не прекратится. Этот остров... Его затопит. Полностью!

— Но ведь ты сама говорила, что мы теперь будем вместе...

Ева отвернулась.

— Как бы то ни было, дождя не избежать, — тихо проговорила она. — Как и было не избежать всех этих подробностей твоей жизни... Всех этих попыток дать объяснение происходящему... Рано или поздно ты начал бы это сам.

— А если бы не начал? Мне уже наплевать на всю мою жизнь. Мне — здесь хорошо. И всё. Больше ничего не требуется. И нет нужды копаться в прошлом. Давай просто остановим всё это — и вдруг дождь тоже возьмёт и пройдёт мимо.

Ева покачала головой, опустив взгляд к земле.

— И что же нам теперь делать? — спросил я. — Что будет с нами, когда он начнётся?

— Ничего, — холодно ответила она.

— Слушай. — Я осторожно положил руки ей на плечи. — Всё будет хорошо, ладно? Я что-нибудь придумаю. Ты очень напряжена в последнее время... Может, тебе стоит отдохнуть?..

Ева не шевелилась. А затем вдруг заметно расслабила мышцы плеч и, повернувшись ко мне, вздохнула:

— Наверное, ты прав...

— Иди сюда. — Я спрыгнул в яму и протянул ей руки. — Мы с тобой на солнце совсем перегрелись. А здесь прохладно.

Ева подошла ближе, и я помог ей спуститься. Передвигалась и дышала она крайне тяжело. Я сел поперёк ямы, облокотившись спиной о стенку, и рукой показал Еве, чтобы легла головой на меня. Она последовала моему совету и, вытянувшись в полный рост, устроилась как нужно и прикрыла веки.

Я аккуратно убрал волосы с её лица. Потрогал лоб. Сравнив со своим, понял, что у нас обоих — высокая температура. Но если у меня болезненное состояние было с самого начала, то состояние Евы стало ухудшаться совсем недавно. Теперь на её лице ясно отражалась непомерная усталость.

Я всё смотрел на Еву, отмечая в голове странную мысль: с ней явно что-то происходит. Что-то такое, что я пока не в силах понять. Какая-то несомненная особенность, которую, как я ни пытаюсь, никак не могу сложить в понятную картину.

От земли веяло прохладой. И вскоре я заметил, что кожа Евы покрылась мурашками. Я снял со своей головы обвязанную рубашку и накрыл ею плечи и руки Евы.

— Мне хорошо с тобой... — прошептала она. — Я не хочу тебя терять...

— И мне хорошо с тобой, — сказал я. — Так что ничего не бойся. Насчёт дождя я что-нибудь придумаю. Зря, что ли, я болен многослойным прогнозированием! — И я нервно хохотнул.

А потом огляделся вокруг себя. Да что тут можно придумать? Разве что-то может спасти от ливня на этом крошечном острове?..

И тут на моё лицо упала капля. Точно слеза, она скользнула вниз по моей щеке. Я стёр её пальцем и озадаченно глянул вверх.

Началось...

— Продолжай, — не открывая глаз, прошептала Ева, словно увидев возникшее на моём лице замешательство. — Времени очень мало.

Дождь...

Он ближе, чем я думал. Он уже здесь. Стекает по моему лицу. Чёрт, как же так? С чего он вдруг здесь появился? Неужто это как-то связано с тем дождём, который начался в Южном Залиново?

Пока я думал над всем этим, на меня упало ещё несколько капель. Холодные, мелкие — словно предвестники какой-то неминуемой беды. Но я не хочу беды, подумал я. Я хочу, чтобы тишина и безмятежность царствовали в моём новом мире вечно. ВЕЧНО! И чтобы Дождь ни в коем случае не ставил под угрозу мою Вечность. Ведь я её заслужил. Как бы то ни было, Я ЕЁ ЗАСЛУЖИЛ!

Я снова поднял лицо к небу. Даже отсюда было видно, что тучи двигались медленно, но решительно. Ливня не избежать... Нам придётся с ним столкнуться. И чем закончится это столкновение — совершенно неизвестно.

Густая воздушно-водяная громада приближалась к острову и, словно бездна чёрной саранчи, сжирала на своём пути всё светлое и чистое, что было в небе. Не оставляя после себя ничего. Ни малюсенького лучика солнца. Скоро и оно будет уничтожено. И жара, некогда основательно тяготившая меня, останется в прошлом. Впрочем, как и всё однажды в жизни... Судя по зрелищу на небесах, скоро и мы с Евой должны будем туда броситься — в прошлое. И на нашем месте останется лишь бесконечная вода.

Капля.

Снова.

По лицу.

Я опустил взгляд и посмотрел на Еву. В её волосах лежал маленький кусочек земли. Я протянул руку, чтобы убрать его, но это оказалась не земля. *Бабочка*. Чёрная. Та самая!

От касания моей руки она вдруг заметалась и вылетела из светлых волос. Ева, кажется, абсолютно не замечала происходящего. Но с самой первой минуты, как я здесь оказался, я не видел никаких животных, рыб и насекомых. А вот сейчас — бабочка. И как же она похожа на ту, которую я видел тем вечером...

Бабочка метнулась выше. Сделав несколько кругов над нами, она вылетела из ямы, а вскоре и вовсе исчезла из виду, как будто её никогда здесь и не было. Я тупо смотрел вверх, всё пытаюсь отыскать её взглядом.

— Продолжай, — тихо повторила Ева, не открывая глаз и тяжело дыша.
— Продолжай, Роман...

Утром в половину девятого Ника ушла на работу. Когда дверь за ней захлопнулась, я присел на кровати и взглянул в окно. Дождь не прекращался. Невзрачные тучи висели низко над селом, и, казалось, сейчас раздавят его своей унылой серостью. В следующую секунду вдоль дома прошла Ника. Она распахнула чёрный зонт и исчезла за калиткой.

Уехать прямо сейчас, наверное, было бы нехорошо. С Никой не обмолвился ни словом. Да и дождь всё хлестал и хлестал...

Я встал с кровати и пошёл на кухню. Чайник был горячий, на столе лежали бутерброды с колбасой. Я налил себе чай и сел перекусить. Сняв бинт с руки, посмотрел на рану. Заживает.

Выкинув бинт в мусорное ведро, я с чашкой чая вернулся в комнату. После чего включил уже исправный свет, вынул из кармана ветровки тетрадь и, устроившись удобнее в кровати, принялся читать дневник Виктории.

Я узнавал о ней всё больше. Наверное, даже больше, чем о ней знали её мать и сестра. Страница за страницей я открывал для себя душу этой одинокой девушки. Несмотря на пронзительную покинутость, кричащую в её записях, иногда в дневнике всё же проскальзывали строчки, наполненные позитивным настроением. Как, например, эти:

28 февраля

Зима почти кончилась. Нет, снег ещё будет лежать целый март, это понятно, но зато теперь мне будет не так грустно. Надеюсь, весна сможет прогнать из меня всю тоскливость, что накопилась за долгие морозные месяцы.

Я решила записаться в фитнес-центр. Теперь два раза в неделю хожу на занятия. Там очень симпатичный тренер. И да, часто заглядываюсь на него. Впрочем, как и остальные девки. Это и неудивительно. Он очень сильный и уверенный в себе.

С самого первого дня, как его увидела, безумно захотелось, чтобы он хоть раз обратил на меня внимание. Чтобы индивидуально дал мне несколько полезных указаний. И вот ведь какая штука... это случилось! Именно сегодня он подошёл ко мне, и я просто потеряла дар речи. Даже не могу толком вспомнить, что он мне сказал. Помню только его волшебную улыбку и щетину. Я стояла и улыбалась ему в ответ, как душевнобольная.

Какой он всё-таки классный. Мне кажется, я ему тоже понравилась. Теперь я счастлива как никогда!

Однако почти всегда эти записи через несколько страниц затемнялись следующими:

12 марта

Такое ощущение, что некоторые люди в жизни играют роль шахтёров-подрывников. Они прорывают дорогу в твоё сердце, закапываются в него, пробираясь в самую глубь, закладывают там бомбу с часовым механизмом и, ехидно потирая ладошки, сваливают. А потом в один момент как бомбанёт что-то внутри — хоть стой, хоть умирай...

Вот именно так и получилось с тем красивым тренером. Пишу я об этом только сейчас, когда эмоции немного поутихли. Три дня назад, в очередной раз придя в этот чёртов фитнес-центр, я увидела, как тренер, тот самый великий и прекрасный тренер, в раздевалке хватается за задницу какую-то рыжую бабу в леггинсах. Они думали, что их никто не видит...

Больше я на фитнес не хожу.

Или:

4 апреля

Прошлой ночью я звонила Нике. Очень плохо помню, что ей говорила. Кажется про то, что у меня всё очень и очень плохо. Сегодня я ей перезвонила и сказала, что вчера я просто была выпившая после дня рождения подруги. А потому всё, что говорила, не имеет ничего общего с правдой. Вроде бы поверила...

Ника... Она не заслуживает того, чтобы я лгала ей. Кто я после этого? Ведь именно она помогает маме. Именно поэтому она не может уехать хоть куда-нибудь. Именно поэтому ей приходится работать вместо того, чтобы учиться.

Но это даже и хорошо... Хорошо, что всё это удерживает её там. Не хочу, чтобы она приезжала сюда и видела, как я живу. Не хочу, чтобы видела меня. И это притом, что сама я по телефону постоянно твержу ей, что безумно жду её. Что познакомлю её со своим парнем (которого никогда и не было...), что покажу ей город, местные колледжи.

Ника...

Почему же я лгу тебе, если так люблю тебя?

Я читал дневник Виктории уже второй час. Иногда её почерк сильно менялся, и приходилось тратить больше времени, чтобы разобрать слова.

Вскоре стало прохладно. Надев поверх толстовки ветровку, я сходил за дровами и затопил печь. Решив немного отвлечься, взялся за военную повесть из журнала «Роман-газета». Спустя несколько часов с ней было покончено. Затем, перекусив вчерашним ужином, снова сел за дневник: хотел дочитать до прихода Ники. Я нырял из одной записи в другую — из одного фрагмента жизни Виктории в другой, делая при этом значительные паузы, чтобы представить всё узнанное как можно ярче и явственней. И, когда уже добрался до последних страниц, послышались шаги. Я быстро спрятал дневник обратно в карман ветровки и взял в руки журнал.

— Как здесь тепло, — улыбнулась Ника, войдя в комнату. Она расправила зонт и поставила его у окна. — Ну, как ты здесь?

— Ничего. — Я поднял глаза от журнала. — Читаю.

— Не голодный?

— Самую малость.

— Сейчас, — кивнула она и зашагала в малюсенькую спальню. Через минуту Ника вышла оттуда в большом сером свитере, свисающим до колен, и белых шерстяных носках — и отправилась на кухню. Шёл седьмой час вечера.

— Вот так льёт, правда? — сказала Ника, когда я вошёл следом за ней.

Казалось, что события прошлой ночи были просто странным сном. Хотя нет: на её шее чётко виднелись красные ссадины...

— Ага, — ответил я.

Ника приготовила макароны с котлетами. Мы кушали и снова о чём-то говорили.

— Ты знаешь, а ведь я очень люблю дождь, — произнесла Ника, взглянув в окно. Она была в хорошем расположении духа. — Не правда ли, в пасмурную и дождливую погоду складывается ощущение, что время остановилось? И будто ты уже ничего не теряешь в этой жизни, не упускаешь. Это так здорово. Прямо облегчение какое-то.

— А мне всё происходящее очень уж напоминает один фильм... — сказал я.

— Какой же?

— «Игры с дождём». Наш, российский. В девяностые снят.

— Не слышала про такой...

— Я никогда особо не проводил время за телевизором, но именно этот фильм был моим любимым. В первый раз я посмотрел его где-то в восемь

лет. В детстве я, конечно же, не разбирался в качестве хорошего кинематографа и вряд ли мог оценить этот фильм по достоинству, но уже тогда он сильно отпечатался в моей душе.

— И о чём он?

— Да как сказать... — разжёвывая кусок котлеты, произнёс я. — Сюжет строится вокруг двух людей. Главной героиней является молодая женщина, что живёт в деревне со своей маленькой дочерью. Как-то летом к ней в гости приезжает журналист. Он тоже родился в этой деревне, но уехал ещё будучи школьником. В детстве они всегда играли вместе, дружили. И искренне любили друг друга.

Отодвинув пустую тарелку, я отглотнул травяного чая.

— Как же я обожал этот фильм... Актриса, сыгравшая главную героиню, — невообразимо талантливая. Странно, что ни в одной другой картине я её больше никогда не видел. Не знаю уж, почему-то этот фильм запал в мою детскую душу. Было в нём что-то такое, что не объяснить словами. Что-то после себя он оставил... Что-то важное и глубокое. Это очень странный и загадочно-философский фильм. До сих пор удивляюсь, как его вообще согласились снять. Слишком рискованно, что другие просто плюнут, скажут: непонятная тягомотина. Но только не я... А знаешь, чем там всё закончилось?

— Чем?

— Слушай... а может, мне его полностью, с самого начала рассказать? Или ещё лучше — купить кассету, чтобы вместе посмотреть? У вас там телевизор маленький в комнате стоит. Видеомагнитофон вроде тоже видел. Работают?

— Да вроде работают...

— А у вас здесь ещё можно где-нибудь купить фильмы на кассетах?

— Был один магазинчик... Но он далеко.

— Так я схожу. Зонт свой одолжишь?

— Одолжу. А ты творог и яйца по пути купишь?

— Куплю. А зачем творог и яйца?

— Хочу королевскую ватрушку сделать. Пока будем фильм смотреть, она как раз и приготовится.

— Договорились.

— Вот, возьми деньги... — Ника потянулась к своей сумочке.

— Брось, — махнул я рукой и пошёл в комнату за зонтом.

Отыскав магазинчик, я нашёл в нём «Игры с дождём». Захватив в продуктовом ларьке творог с яйцами, вернулся обратно. Дождь не утихал ни на минуту: сотрясал село своей мощью, словно желая полностью смыть его с лица земли. А если бы и смыл, то, наверное, там, на «большой земле», никто этого и не заметил бы.

— Всё куплено, — сообщил я, войдя в дом. — А дождь совсем что-то не хочет прекращаться.

Ника встретила меня с улыбкой и взяла пакет. Вынув творог и яйца, поблагодарила, а затем стала изучать обложку видеокассеты.

— Дай мне десять минут. Я сейчас сготовлю всё и поставлю в духовку, а потом сразу же начнём смотреть.

— Хорошо, — ответил я и, взяв кассету, пошёл в комнату.

Подключив маленький импортный телевизор в сеть, я приоткрыл под ним полупрозрачную дверцу комода и слегка выдвинул видеоманитовон «Sony», проверяя наличие остальных проводов. Эх, раритет. У нас такой же в детдоме стоял. Если кто-то откуда-то доставал новый фильм, то вечером чуть ли не весь детдом собирался в общей гостиной за просмотром. Порой даже ничего не было слышно из-за слабых динамиков. Но, так или иначе, почти все оставались до самого конца. Несчастливцы с последних рядов просто выспрашивали у впереди сидящих ребят, что происходит в фильме, и только так выстраивали его в своей голове. Что ж, многим кино нравилось даже таким — воспринимаемым по обрывистым фразам тех, кто хоть что-то мог разглядеть.

Что касается «Игр с дождём», то его показывали по какому-то телеканалу в тот момент, когда я проходил мимо общей гостиной. Людей было всего несколько. Я тихонько присел сбоку на пол и стал смотреть. Не знаю, что меня заставило это сделать. Скорее всего, актриса. Немыслимой красоты. Я сидел, только и дожидаясь, когда же она снова появится в кадре. Так и прошёл весь фильм.

И теперь, вспомнив о нём, мне почему-то очень захотелось пересмотреть его. Даже странно — но как будто сейчас это будет правильно, чувствовал я. Как будто в этом — что-то приятное и доброе.

Ника вошла в комнату с двумя чашками чая. Поставив их на столик перед телевизором, она подкинула в печь ещё несколько поленьев и подошла ко мне. Я в этот момент, уже давно завершив все технические подключения,

засунул кассету в магнитофон. Тот звучно проглотил её, и вскоре на выпуклом экране телевизора серость сменилась чёрным цветом. Появилось название киностудии. Фильм начинался...

Мы сели, облокотившись спинами о корпус кровати. Ника укрыла нас толстым одеялом и под ним вдруг тесно прижалась ко мне, положив голову на моё плечо.

— Смотрим, — улыбнувшись, сказала она.

— Смотрим... — тихо повторил я.

Часть третья

ИГРЫ С ДОЖДЁМ

[18]

На пятой песне «Ласкового мая», звучащего на весь автобус, Роберт достиг внутренней гармонии. Всё превосходно: кресло мягкое, рядом никто не сидит, в окне — цветущий августовский пейзаж. Да лучше и не придумать!

И чем дальше Роберт отдалялся от города, тем лучше себя чувствовал. Вся суета и проблемы оставались позади. Он отодвигал кулисы новых мест, новых мыслей, новых переживаний. Утренние солнечные лучи, проникавшие в окно, будто заряжали его благодатью. Ему даже казалось, что и остальные пассажиры пребывали в глубокой эйфории, что и они сидели, чувствуя всей душой это чудесное утро, несущее их автобус куда-то далеко-далеко, к чему-то прекрасному и верному. «Пазик» — и тот кряхтел как-то по-особому тихо, лишь изредка его слегка потрясывало, когда он проезжал по неровному асфальту.

«Может, это знак, что пора что-то менять? — всё думал Роберт прошлой ночью, глядя в темноту и не в силах уснуть. — Но что менять? Меня ведь и так всё устраивает. Вон — развлекаюсь как могу. Зарплата нормальная. Но отчего же тогда это короткое письмо не покидает голову и берedit сознание?..»

Роберт оторвал взгляд от окна и вынул из кармана письмо. Письмо, которое уже изрядно помялось от его частых прочтений.

Ну, здравствуй, Роберт!

Не думала, что когда-нибудь напишу тебе. Но, видно, иногда нужно совершать что-то непредсказуемое. Тут у нас про тебя уже легенды ходят!

Говорят, ты там в Москве стал известным журналистом. Я очень рада твоим успехам. В таком молодом возрасте и добиться таких результатов — это похвально.

Мне не хочется спрашивать, как ты поживаешь, как твоё здоровье, чтобы не отягощать тебя надобностью отвечать. Раз успешен, раз карьера идёт в гору, то, наверное, всё у тебя хорошо.

Единственное, что я хотела бы сделать, это попросить тебя приехать. Туда, откуда ты родом. Я здесь. Всё ещё здесь. Никуда не уехала, живу и, наверное, так и будет дальше. Поэтому если найдёшь время и сможешь выбраться, я буду очень рада и благодарна тебе.

Сильно хочется тебя увидеть. Восемь лет прошло с тех пор, как ты уехал. Наверное, не так уж и много. Но столько всего за это время изменилось...

Евгения

Роберт откинул голову на спинку кресла и снова стал вспоминать её. Женю. Перед глазами возникла девочка с двумя косичками.

Все в единственной деревенской школе знали, что он любил её. Со второго класса чуть ли не каждую ночь Роберт засыпал, представляя их двоих в осеннем лесу: падают листья, он крепко держит её за руку, она привстаёт на носочки и нежно его целует...

Воспоминания тех лет, точно громадным красочным баннером в небе, прикреплённым к самолёту, проносились теперь в голове Роберта.

Женя...

Самая красивая девочка в школе. Он считал себя особенным уже только потому, что сидел с ней за одной партой. И был близок с ней так, как никто другой.

«Интересно, какая она сейчас, — всё думал Роберт, возвращаясь вчера с работы вместе с письмом. — Наверное, с годами стала ещё лучше? Да, неплохо бы съездить к ней... проведать. И правда: почему бы и нет? До понедельника время есть. Целых два дня. Завтра же с утра возьму и поеду. Не близко — часов семь на автобусе, но и что ж? Это не самое страшное. Да и город что-то в последние недели изрядно поднадоел. Всё. Еду! Еду в землю своего детства и отрочества. Еду и не беру с собой ничего, кроме денег. Налегке — и с лёгкостью в душе».

Роберт где-то в глубине себя давно мечтал отправиться в какое-нибудь небольшое путешествие. Да всё подходящий случай не подворачивался. А сейчас — прямо-таки идеальное стечение обстоятельств.

Он ведь всего пару дней назад отчего-то стал представлять, что в самое ближайшее время в его жизни что-то произойдёт. Неизбежно. И непонятно даже было — что-то хорошее это будет или плохое. Но факт оставался фактом — что-то произойти было должно.

И вот, произошло.

Письмо.

Из края его давно минувшего детства. Не так уж и «давно», конечно. Ему всего-то двадцать три недавно стукнуло. Но воспринималось им то самое время — именно так. Как нечто бесконечно далёкое. Как догорающий в сумерках закат, с каждой минутой делающийся слабее, призрачнее, холоднее. Он постепенно забывал про Женю. Упускал из виду, что у него ещё имелись яркие воспоминания, связанные с ней. Что время от времени к ним можно возвращаться и согреваться.

И, возвращаясь к ним теперь, в автобусе, у Роберта поднялось настроение. Все последующие часы пути он парил в облаках детства. Нырял в их светлую глубину и выныривал необычайно счастливым. С пятнадцати лет, как он перебрался с родителями в Москву, он не мог вспомнить ни одного случая, когда испытывал бы то, что испытывал сейчас. Окрылённость. Возвышенную радость. Да, он приятно предвкушал встречу с Женей — причинницей своей первой любви.

От этого Роберт даже загорелся творческим энтузиазмом. Потянулся к внутреннему карману пиджака и вынул блокнот. Незаменимый друг журналиста, который всегда был при нём.

Роберт вдруг почувствовал, чего не чувствовал очень давно: он может что-то написать. Какие-то художественные, прекрасные строки. И ему срочно, во что бы то ни стало, захотелось переложить на бумагу те эмоции, которыми он сейчас буквально дышал. Словно приливом большой волны, когда море наваливается на берег, Роберт наполнялся чем-то столь новым, воодушевляющим и трепетным.

«Боже ж ты мой, — всё изумлялся он проворности мысли и руки, строчащей строчку за строчкой. — Как же так! Столько лет я не мог сделать этого, а теперь мощь вдохновенья — не остановить. Бежит, несётся впереди меня, громко призывая поспешить!»

И он спешил. Записывал все переживания. Все яркие детские воспоминания, которые вспыхивали в его сознании. Точно отпущенные с привязи на свободу, мчались они из глубинных областей подсознания с восторженными криками «Ура-а-а!».

Вот и вспыхнул их первый поцелуй в том сосновом лесу, где они вместе с классом играли в прятки. Он нашёл Женю, но при этом подкрался так изящно, что она его и не заметила. И когда подошёл к ней сзади, она от страха как вскрикнула. Мальчик чуть ли не согнулся от смеха.

— Не делай так больше! — перевела дух Женя.

— Извини... — сказал Роберт, когда хохот его отпустил.

— Ты нашёл меня...

— Ага.

И Женя вдруг приблизилась к его лицу и поцеловала.

Каким потрясением это было для десятилетнего мальчугана! Господи! Весь мир в ту минуту перевернулся в его душе с ног на голову. *Женя Его Поцеловала!* И не куда-то там в щёку, а ведь в губы, в губы!

Сколько маленький Роберт потом проживал снова и снова тот поцелуй в своей голове! О, это было что-то волшебное! В детстве волшебство живёт именно в таких моментах. Мимолётных и прекрасных. А может, оттого и прекрасных, что мимолётных. Но — зато прошибающих так, что хоть костёр разжигай от искр, летящих в такие мгновения из самого сердца.

И сейчас, словно старательный коллекционер скляночек с воспоминаниями, Роберт раскладывал в своей душе все эти фрагменты и записывал, записывал, записывал их. И так — пока не подобрался к последней странице блокнота. И это ещё притом, что тот был совершенно новым и ни разу не использованным!

Когда последняя строчка с трудом вместилась в блокнот, Роберт удовлетворённо вздохнул: отлично. И почувствовал глубокое умиротворение.

«Как удивительно, что она написала мне, — подумал он, снова глянув в окошко. — Я прямо-таки ожил. И душой, и телом. Но в то же время — странно всё это... Странно, потому что теперь совершенно непонятно, что же будет дальше. Я вышел из привычного для меня круга жизни. И теперь — сплошная неизвестность. Но... такая манящая, что вернуться назад меня всё равно не сможет заставить никакая сила. Никакая стихия!»

— Хм... — вдруг в задумчивости выговорил Роберт. — *Стихия...*

И, не отводя взгляда от окна, продолжил о чём-то думать. О чём-то масштабном и красивом. И — настолько его интригующем, что тот, кто глянул бы в этот самый момент на него со стороны, мог заметить какое-то невероятно самозабвенное выражение на его лице. И какие-то уж очень хитрые глаза, которыми он словно что-то видел. Что-то, кроме громадных пшеничных полей за окном...

*

Спустя два часа дороги — остановка.

Роберт вышел из автобуса размять ноги. Закурил сигарету, затянулся, выдохнул. Горизонт расцветал. Небо, становясь насыщенно голубым, неторопливо принимало в себя восходящее солнце.

Роберт медленно прошёлся вдоль автобуса и обратно. Несколько мужиков, стоя по одному, тоже курили, посматривая вдаль.

— Тучи надвигаются, — неожиданно сказал один из них.

Роберт взглянул в противоположную от рассвета сторону. Край небосклона действительно темнел. Не заметив рядом с мужиком никого, кому бы тот мог адресовать своё прогностическое послание, Роберт ответил сам:

— Ага...

Мужик продолжал:

— Удивительно. На сегодня по телевизору обещали ясную погоду. Они там у себя на метеостанциях совсем одурели, что ли?

Роберт оставил этого пассажира один на один со своими прогнозами и залез в салон. Негромко откашлявшись, он занял своё кресло и расслабился. Ещё примерно пять часов пути предвещали ему музыку и восхитительные виды из окна. И — очень тёплые воспоминания. Некоторые — даже малость обжигающие. Давно он не путешествовал за пределы города. И давно не чувствовал себя таким... живым.

Обрадовавшись этим значительным переменам, Роберт улыбнулся.

«Всё это явно неспроста», — подумал он. И, взглянув на небо, черневшее вдалеке, снова почему-то тихо и задумчиво произнёс:

— Стихия...

*

Проверка билетов. Почёсывая затылок и зевая, Роберт достал искомканный клочок бумаги и протянул контролёрше, потревожившей его сон. Мельком глянув в окно, Роберт увидел табличку.

— О! — встрепнулся он тут же. — Так я ведь на месте!

Тогда Роберт быстро вышел из «Пазика», в котором до сих пор не умолкал «Ласковый май», и перед ним тут же расстелились многочисленные домики, убегающие под наклоном вниз. Деревня находилась на возвышенности, улочками нисходя к большому озеру. Такой родной и вместе с тем непривычный пейзаж.

Роберт заново открывал для себя знакомые ему с детства улицы. Ничего не изменилось. Всё как будто осталось на своих местах. Не торопясь, брёл он по рыхлой дороге и постепенно поднимал из залежей памяти всё больше и больше эпизодов, связанных со всем, что встречалось ему на пути.

У Роберта сложилось впечатление, что он оказался в особенном месте. Оно заметно отличалось от всех других населённых пунктов. Словно даже само время здесь текло по-иному. Медленно. Тягуче. А может, оно и вовсе остановилось?

«Но какой тогда сейчас год? — подумал Роберт. — Наверное, «тот самый», когда я уехал отсюда. С тех пор время замерло и ждало, когда же я вернусь обратно. Ну, вот я и здесь... Здравствуй!»

Но в ответ — тишина. И ни души. Невероятно пустые улочки.

Роберт на мгновение остановился. Прислушался. Абсолютная, густая тишина... И тут к глазам его подступили слёзы. Он удивился: с чего вдруг? Здесь всего-навсего прошло его детство. А потом он уехал туда, где гораздо лучше, чем здесь. Только и всего. Но почему же неясная грусть взяла его в свои объятия и туго сдавила до слёз?

Что происходило в его душе?..

*

...Двухэтажный деревянный дом стоял, окружённый цветами. Красные, жёлтые, белые, оранжевые и другие цветки на прямых и вьющихся стеблях ярко красовались под лучами полуденного солнца. Дом на фоне этой цветочной феерии выглядел чрезвычайно уютно. Треугольная форма крыши, распахнутое настежь окно, занавеска, колыхающаяся от лёгкого ветра...

Колдовство ароматов захлестнуло Роберта. Он прикрыл от наслаждения веки: так чудесно здесь было.

— Вы кого-то ищете? — неожиданно услышал он голос.

Роберт быстро оглянулся. И увидел светловолосую девушку с ведёрком помидоров в руке.

— Женя?

— А... — Лицо девушки застыло в изумлении. — Приехал!

Роберт помнил её маленькой. С двумя косичками и всегда весёлую. А сейчас перед ним стояла необыкновенной красоты девушка с распущенными до груди пышными светлыми волосами. Они чуть потемнели с годами, но не потеряли своей прелести. Глаза немного тусклые, грустные. Но на лице те самые чудненькие веснушки, которых она всегда стеснялась.

— Приехал! — Женя сомкнула руки на шее Роберта. Он обнял её в ответ. Хрупкое тело и мягкий аромат вишни...

— Как же ты изменился. Я и не узнала тебя! — произнесла она. — Ты теперь взрослый! Роберт, которого я помню, был немного другой.

— Не узнала — значит, буду долго жить! — посмеялся он.

— И правда! Ну как? Нравится? — Женя указала на россыпь цветов.

— Великолепно! Жень, ты прям мастерица! И как ты только умудрилась вырастить такую красоту? Это ведь чистой воды произведение искусства! За ними, наверное, уход да уход?

— Да как сказать... Когда захочешь наполнить свою жизнь хоть какими-то красками, наверное, и не так будешь стараться.

Роберт серьёзно взглянул на Женю.

— Неужели... всё настолько плохо?

— Эх, Роберт, Роберт... Мальчик детства моего. Ты ведь многого и не знаешь, — вполголоса ответила она.

В это самое мгновение из дома выбежала маленькая светленькая девочка. В жёлтом платье и с большим плюшевым олимпийским мишкой.

— У тебя есть дочь... — выдохнул Роберт. — И такая взрослая.

Он и подумать не мог, что Женя уже могла быть матерью.

— Скажешь тоже — «взрослая»! — улыбнулась Женя. — Четыре годика всего. Крохотулечка. Кушает, а не растёт совсем! Ой, моя красавица!.. Иди ко мне, моя шалунья!..

Женя подхватила дочку на руки. Та игриво улыбалась, словно желала тоже стать активной участницей возникшей оживлённости.

— Как звать? — спросил Роберт.

— Аврора.

— А где... её папа?

Женя опустила дочь и попросила её найти козу Бусю. Когда девочка убежала за калитку, Женя тихо проговорила:

— Ушёл из мира. Уже несколько лет, как.

Роберт глубоко вздохнул.

— Жень, ты это... извини меня, а? Я совсем ничего не знал...

— Что ты, Роберт. Откуда ж ты это мог знать? Ты же за столько земель отсюда. Всё нормально.

Через минуту Аврора вернулась и подбежала к ним.

— Нету Буси, нету! — кричала она. — Дулочка Буся! Убежала как всегда!

— Ну убежала — и бог с ней. Прибежит ещё! — Женя весело махнула рукой. — Аврора, знакомься. Это дядя Роберт. Он хороший друг твоей мамы. Давай, поздоровайся.

«Хороший друг», — тут же подумал Роберт. — У неё остались обо мне приятные воспоминания. Но... разве я их заслуживаю? За столько лет даже ни разу не соизволил узнать, как она живет. Ни разу не позвонил и не написал. А ведь мы раньше были так близки...»

— Здласте! — улыбнулась Роберту девочка, плохо выговаривая букву «Р». Она была удивительно похожа на Женю в детстве.

— Здравствуй, Аврора, — сказал Роберт, добродушно улыбнувшись в ответ. И аккуратно пожал её маленькую ручку. — Ты очень красивая девочка!

Затем, вспомнив о гостинце, купленном по пути в здешнем магазине, добавил:

— Это вам!

— О! Благодарим! — сказала Женя, взяв большую коробку конфет «Ассорти». — Смотри, Аврора, какой сладкий гостинец нам с тобой принесли! Ням-ням! Ну-ка: слово «Гостинец» скажи?

— Гос-ти-нец, — произнесла девочка.

— Умничка моя! Держи. Беги в дом. Сейчас будем чай пить.

— Да-а-а-а! — радостно воскликнула девочка и помчалась с конфетами и мишкой в дом.

— А ты? — Женя взглянула на Роберта. — Женат? Дети?

— Ты знаешь, я... не особо спешу с женитьбой и построением семьи.

— Вот как? М-м-м... ну что ж, ладно. К чему ж спешить-то, верно? Пошли пить чай?

— А пойдём! Умираю с голода!

По-прежнему находясь в восторге от благоухающего сада цветов, Роберт последовал за Женей в дом. Доподлинно неизвестно, как так получилось, но в детстве он никогда у неё не был. Только знал, что росла она с бабушкой. Но та, по-видимому, за эти годы и померла. О ней Женя не упомянула ни словом.

Они вошли в дом. И Роберт сразу же почувствовал, что, пожалуй, чувствует любой холостяк, входящий в дом, в котором живёт женщина. Красивая тряпчатая скатерть на кухонном столе, сверкающая чистотой посуда, аккуратно расставленная по деревянным полочкам, внушающие комфортный отдых кресла и диванчик с подушками, на полу — разноцветные и дружно соседствующие ковры, деревянная лестница, ведущая на второй этаж, тоже удостоена коврика, плотно облегающего ступеньки. Везде — прибрано, чисто, мягко.

Единственное, что нарушало идиллию порядка — разбросанные по полу игрушки. Начиная от куколок и заканчивая динозаврами. Но и это нельзя было назвать нарушением порядка. Напротив — это изюминка здешней устроенности, которой, сразу видно, создаёт женщина. И не просто женщина — а женщина-мать. И именно это придавало дому ещё большего семейного тепла, атмосферы любви, уюта.

Комнату освежал слабый ветерок, просачивающийся через открытое окно. В отличие от моей однокомнатной берлоги, подумал Роберт, здесь по-настоящему хочется жить. И ему вдруг вспомнился ещё один момент.

Мокрые после дождя, они прибежали к нему домой. Родители были на работе. Хлюпая и оставляя влажные следы на полу, они прошли к нему в комнату. Там, вытершись и укутавшись полотенцами, сразу же отправились на кухню, где принялись уплетать приготовленную накануне его матерью жареную курицу с картошкой, заправленной майонезом и чесноком. Мокрые-премокрые, замёрзшие от холода поздней осени, они, резко жуя, подкреплялись. Не говоря друг другу ни слова, но — сидя плечом к плечу.

А вечером пришла мама и, сразу же заметив (а мамы такое сразу замечают, сразу!) плохо вытертые следы двух пар ног, улыбнулась. «Женя

приходила», — сразу же поняла она. Она любила эту хорошую светленькую девочку, с которой сидел её сын в школе.

...У Роберта снова мелькнуло в голове, что нужно всё это записать. Столько новых мыслей, впечатлений. Нельзя их терять!

— Жень, извини за странный вопрос, но у тебя не найдётся тетради или блокнота?

— А чего ж, — ответила та. — Найдём сейчас.

И принесла ему на выбор несколько толстых 96-листовых тетрадей.

— Во! То, что нужно! Спасибо.

Женя, глядя на повзрослевшего Роберта, никак не могла свыкнуться, что он так сильно изменился. И внешне, и голосом.

— Что, будешь писать статью об этой деревне? — по-доброму ухмыльнулась она.

— А отчего бы и не написать! — заулыбался Роберт. — Вон какая красота во дворе! Делай фотографию — да хоть на первую полосу пускай.

— Спасибо, — кивнула Женя с лёгкой улыбкой. — Приятно это слышать. — А затем, осмотревшись по сторонам, добавила: — Сказать по правде, я не думала, что ты приедешь так скоро. И совсем не подготовилась. Извини, если что, за беспорядок. Аврора — такая непоседа...

— Ты, должно быть, шутишь, Жень? Такого порядка в доме я давно не видел! — Роберт вытянул вперёд ладони, как бы успокаивая хозяйку. — Ты ещё мою квартиру не видела. О... и лучше тебе её не видеть. Удар хватит!

Она посмеялась и посадила гостя за стол. Первый этаж одновременно служил кухней и залом основного времяпрепровождения. Аврора, сидя на полу, играла с мячиком. Подбрасывала его вверх, а затем ловила.

— Не разбей ничего, Милая! — сказала ей Женя, но дочь, поглощённая игрой, кажется, и не расслышала. — Значит, проголодался с дороги?

— Даже очень!

— Дай мне несколько минут, и я тебя накормлю.

Женя забежала от холодильника к столу. В это время Роберт открыл тетрадку и записал некоторые мысли. На многое его не хватило, ведь через каких-то несколько минут перед ним уже и правда стояла тарелка с куриным супом, маринованные огурчики с помидорами, ржаной хлеб, морковный салат и стакан яблочного компота.

— Приятного аппетита! — запыхавшись, сказала Женя, убирая упавшую на глаза прядь волос.

— Покушай со мной, — предложил Роберт.

— Нет, что ты, я не голодна, — тут же отмахнулась Женя. — Хотя... так и быть. Чуть-чуть поем тоже.

Женя налила себе в тарелку суп и села напротив Роберта.

Семь часов дороги, семь часов глубоких воспоминаний отняли у Роберта много энергии — и теперь он с удовольствием восполнял её. Съедал практически всё, до чего можно было дотянуться рукой.

— У тебя хороший аппетит! — подметила Женя.

— Ну а чего ж! С такой хозяйкой и не такой будет!

После обеда они отправились на прогулку. Женя решила не брать с собой Аврору, так как та крепко уснула в обнимку с мячиком.

Они шли по тихой, безлюдной улочке. Вскоре завернули к густому лесу. К тому самому, в котором они проводили в детстве много времени. Роберт не знал, о чём спросить у Жени. Слова почему-то застревали в груди.

— Где работаешь? — всё же выдавил он из себя.

— В школе. Учительницей.

— Ого! Значит, решила работать с детьми?

— Особого выбора-то и не было. Здесь у нас какой уж выбор. Здесь про это слово лучше сразу забыть. Устроилась туда, где имелась возможность, вот и всё, — вздыхая, проговорила Женя.

— Жень. Но почему ты не уехала? Почему осталась здесь?

— Даже не знаю, что и ответить... Сама вот задаюсь этим вопросом. И правда, чего я здесь? Но потом думаю: куда я с ребенком-то? Кому я нужна там, у вас в городах?

Женя помолчала с минуту. Затем тихо продолжила:

— Встретила его я сразу после школы. Подружились. Так близко, что вот... забеременела. Прошло какое-то время. Поженились. Начали жить вместе. Потом — Аврора. Но вот год назад он... умер. И теперь у меня ещё меньше сил, чтобы куда-то уезжать. Одна я и не справлюсь с этим.

— А я ведь даже и не знал. Не знал, что ты вышла замуж. И тем более, что ты теперь... одна с ребёнком.

— Ничего, Роберт. Это жизнь. Мы вырастем — и всё меняется. Своих хлопот хватает каждому сполна. Куда уж чуждые проблемы вертеть в своей голове. У всех они свои.

— Нет же. У меня... нет проблем. Совсем.

— Значит — ты счастливый человек! — улыбнулась Женя.

— Не могу с этим согласиться, — покачал головой Роберт. — На самом деле мне кажется, что я совсем заплутал... И оттого, что не хочу этого замечать, притворяюсь будто всё хорошо. Как некое спасение.

— Что же там у тебя такого, что ты пытаешься от этого спастись?

— Да вот как-то непонятно... Вроде-то оно всё хорошо. Внешне. А вот если вглубь всмотреться — тьма тьмущая. Не видно ни зги. И даже неясно, куда двигаться. И самое главное — зачем.

— Что, кризис?

— А чёрт его знает, как это назвать. Кризис ли, депрессия ли. Но что-то не так — это точно. Вот сейчас я приехал, гляжу вокруг и понимаю: там, в городе, у меня точно что-то не так. Я отчаянно от чего-то убегаю. Внутренне. Но сам я там этого не понимаю. Довёл до некого автоматизма, который со временем становится совсем неосознаваемым. А вот здесь — как будто задышал. И посмотрел на всё со стороны. И понял: всё ужасно. Всё ужасно, Жень! Мне противна моя жизнь! Фу! Чертовски противна! Ненавижу я её. Этот огромный грязный вонючий город. Покоя там нет, покоя. Всё пытаюсь как-то сонастроиться с собой. Почувствовать свет, что ли, какой-то внутри. А никак не выходит. То надо сделать, это нужно успеть. Столько дел — и времени на себя не остается совсем. Хотя все эти дела, они как бы для блага. Для себя же. Для денег. Для того, чтобы было что есть. Пить. Надевать. Было с кем и где гулять. Уф. Что-то аж голова разболелась. Давай-ка присядем на полянку.

— Давай, — кивнула Женя. Они устроились на траве. Роберт продолжал:

— Вот ты написала мне, что я успешный журналист. Что в столь юном возрасте уже карьеру сделал. Так ведь всё это — чепуха! Да-да, для меня это всё — че-пу-ха. Потому что не нравится мне писать о том, что я пишу. Меня сушит эта работа. Понимаешь, я хочу что-то красивое и умное писать. Что-то глубокое и чувственное. Что-то... сам даже не знаю что именно... Но что-то необычное. Что-то, что высечет моё имя на плоти времени. Истории. С пятнадцати лет, как уехал, мечтаю написать свою книгу — а не выходит. Там мотаюсь, здесь успеваю — и всё, сил нет. Ни на что. Пытаюсь развлекаться, в городе развлечений много, у-у-у! А потом наутро так вообще жить не хочется. В такую чернь пускаешься порой, что даже тошно от себя

становится... Это дыра. Дыра, Жень, в которую я падаю. Я ещё молод, но уже понимаю все эти вещи. О, я отлично их понимаю!

— А в чём же причина? — спросила Женья, пристально глядя на Роберта. — Почему бы тебе не бросить всё на время и не написать книгу? Свою. Настоящую. Почему?

— Эх, — тяжело вздохнул Роберт. — Вот и я себя спрашиваю, Женька. А почему. Я пробовал. Не могу писать. Ну вот вообще не пишется никак. Как будто я и не знаю, о чём писать. Вроде хотеть-то хочу, а вот взять и написать — не удаётся. Может, не созрел. Чтобы написать книгу, нужно ведь самому быть чем-то наполненным изнутри. Чтобы смочь выразить это на страницах. А я как будто потерял стержень... Самый главный стержень, на котором и строится писательское начало. Так, статейки настрогать — это нетрудно. Но вот душу вложить в свой — и именно в *свой* текст — с этим беда.

— А может, всё дело в музе, а? — Улыбнувшись, Женья мягко хлопнула Роберта по плечу. — Вернее, в её отсутствии?

— А кто ж его знает. — Слабая улыбка озарила и лицо Роберта. — Может, и в ней...

*

Спустя четыре часа Женья подошла к окну и закрыла его.

— Дождь разыгрался, — сказала она.

Тучи добрались и досюда, подумал Роберт, вспоминая того мужика из автобуса.

Аврора уже проснулась и играла со своим игрушками. Ей совсем не было дела до дождя, что буйствовал снаружи. В доме было спокойно и надёжно. Женья принялась за приготовление ужина, и вскоре они вдвоём вкусно поели. Потом Аврора убежала играть дальше.

— Что за лекарство? — спросил Роберт, увидев, как Женья после еды запила какую-то таблетку.

— Да так... после смерти мужа началось, — неохотно ответила Женья. — Руки покрылись красными пятнами. И до сих пор, как ни стараюсь, не проходят.

— Покажи, — попросил Роберт. — Пожалуйста.

После нескольких секунд раздумий Женья протянула ему свои руки. С внешней стороны они были покрыты мелкими красными точками.

— Какая-то сыпь, — сказала она. — Не знаю, откуда. Но очень чешется. С каждым разом все сложнее и сложнее терпеть. Порой — просто невыносимо.

— Может, аллергия на что? — Роберт потёр затылок.

— У меня никогда не было аллергии. Ни на что. — Женя вдруг быстро убрала свои руки. — Пора укладывать Аврору.

Она вышла из-за стола и отправилась вместе с дочкой на второй этаж. Когда там погас свет, спустилась, держа в руках постельное белье с подушкой. У лестницы включила висевший на стене синий ночник.

— Почти уснула, — тихо сообщила Женя. И, встав по центру комнаты, задумчиво осматривалась по сторонам. — Я постелю тебе на диване. Заранее. Когда захочешь, ляжешь.

— Хорошо.

Пока Женя застилала место ночлега Роберта, тот смотрел на неё и размышлял. «Мне хорошо здесь. День пронёсся так, будто он и вовсе не начинался. Как будто я живу здесь всю свою жизнь». Странные метаморфозы с восприятием времени у Роберта продолжались.

— Знаешь, фантазмагория заключается в том, — произнёс он вдруг, загадочно глядя куда-то перед собой, на что Женя тут же повернулась к нему, — что зачастую ты чувствуешь себя по-настоящему хорошо именно в чужом доме. Вот когда я ступил на порог твоего дома, Жень, меня пронзила пуля отчаяния. И сожаления. От того, что у меня нет такого же уюта. И вообще нет этого чувства в жизни. Да что тут говорить... Я даже и не пытаюсь его создать. Совсем упустил это из виду. И как тут можно говорить о каких-то значительных изменениях в душевной жизни, если я смотрю на свой нынешний дом как на нечто чужое? А ведь точка отсчёта человека, пожалуй, начинается с его дома. Я это вот сейчас понимаю. Всегда должно быть такое место, куда должно хотеться вернуться. Иначе совершенно теряется смысл. И начинается хаос. Я сам делаю из своей жизни хаос. А ведь всё в моих руках... Хех... Только в моих — сделать его таким, как мне будет по душе. По-домашнему, с любовью. Только вот с любовью у меня проблемы. Неоткуда её брать. По-моему, у всех с ней проблемы, да? Она — то есть, то кончается. То снова бьет ключом, то снова испаряется. Какая-то странная — эта любовь. Непостоянная. Ух... я уже, кажется, стихами заговорил, Жень! Скоро так и до поэта договорюсь! В общем, что я хочу сказать... Невозможно за любовь ухватиться и не отпускать. Может то, что мы

привыкли называть любовью, и не любовь вовсе, Жень?... Может, это всего-навсего иллюзорная чушь — и не более? В детстве, как болезнь, мы её проживаем, а потом на всю жизнь у нас вырабатывается к ней иммунитет, а?

— То есть мы с тобой были больны в детстве? — спросила Женья.

— Возможно, — кивнул Роберт задумчиво.

— А теперь нас не может взять эта зараза?

— Если только не мутировала...

*

— Может, это отголоски твоего кризиса? — предположила Женья, сидя напротив Роберта. Стояла ночь. Они за кухонным столом по чуть-чуть пили яблочное вино, уже пятый час неторопливо ведя беседу.

— А чёрт его знает, — пожал плечами Роберт. — Просто знаешь, живём мы все, Жень, коммунизм у нас, вроде бы всё здорово... Но вот в душе у меня как-то тревожно. Как будто скоро всё это уйдёт. Исчезнет. Сотрётся. Понимаешь, и тогда вообще непонятно будет и мне, и другим: а что дальше-то? Куда дальше-то? И главное — зачем? И ощущение, что смутные, тяжёлые времена ожидают наши души. Уже давно чувствую, что тучи надвигаются к моей собственной. И понимаю: если что-то в ближайшее время у меня в жизни не произойдёт, я однажды просто взорвусь изнутри. Безумие какое-то, согласишься? Сейчас какой-то бред несу, ей-богу... Сам даже теряю смысл, к чему я это все говорил... Так... Так вот. Про будущее. Мне отчего-то кажется, что и следующие поколения, через десять, двадцать, тридцать лет, они так же будут пропитываться этой внутренней темнотой. Бессмыслием происходящего, что ли. Даже не знаю, как ещё можно выразиться.

— Тревожишься за следующие поколения?

— Да не то чтобы. Просто сам хочу остаться на плаву. Хотя как-то обозначить своё присутствие на карте мира. Вот — я. Я — существую. Знаешь — чтобы сохранять связь с реальностью. Вселенной. Чувствовать, что я — часть неё. Неотъемлемая, обязательная. Но что-то вечно проблемы с этой связью. Постоянно барахлит провод или ещё что-то. Всё пытаюсь услышать голос на том конце — внятный и понятный — но там всегда молчание. В такие мгновения чувствую себя невыносимо потерянным. Ужас просто. Хоть кричи, хоть бейся головой об стену. Да вот толку-то...

— А по-моему, ты слишком много думаешь о том, о чём думать хоть и важно, но не нужно. Так можно ведь и не выдержать. Негатива вокруг — переживай его, не переживай — всегда будет в достатке. Правда... что я говорю... Сама им пропитана до самого своего основания. Из него и состою. Потому-то и написала тебе. Как последняя надежда. Хах!.. Вот дура!.. Что говорю вообще...

Женя виновато улыбнулась, опустив взгляд к белой чашечке с вином, которую обхватила обеими ладонями.

— Понимаешь, Роберт... — заговорила девушка снова. — Я всегда жду знака извне. В этом моя особенность и, наверное, самая главная слабость. Даже тебе я никак не решалась написать это письмо. Уж не знаю, какие силы помогли мне его всё же тебе отправить. Просто кажется, что мне всегда что-то поможет со стороны, укажет в нужное время верный путь. Но, как показывает практика, это не так. Нельзя просто так уйти и оставить свою жизнь, ожидая, что она сама известит тебя, когда нужно действовать. Необходимо все делать самой. И это так тяжело. Чисто по-женски — безумно хочется опоры. Если бы не Аврора — утопилась бы. За последние годы что-то совсем ослабла. Тяжело жить. На душе тяжело. Вот прям как тебе, когда ты рассказываешь об этой сгущающейся темноте внутри тебя. Но знаешь... приехал ты — и мне стало намного легче. Поэтому я очень благодарна тебе. Нет, ты даже представить себе не сможешь, насколько я тебе благодарна!

Женя посмотрела Роберту в глаза и замолчала.

— Это тебе спасибо, мастерица цветов, — ответил он. — Я даже поверить не мог, что ты мне написала. В детстве мы всегда с тобой дружили, но потом...

— Потом ты уехал, — договорила Женя.

Роберт попытался что-нибудь сказать, но не получилось. Она права. Уехал вместе с родителями, ничего толком не сказав на прощание. Лишь бросил несколько сухих слов, что будет писать, помнить. Но не писал. И помнить-то практически не помнил.

— Прости, если навешиваю на тебя свои переживания и проблемы, — произнесла Женя. — Ты приехал отдохнуть от работы, а в итоге выслушиваешь исповедь вдовы! — Женя попыталась рассмеяться. И в следующее мгновение вытерла ладошкой слезу. — Но порой мне так не хватает кого-то родного, с кем можно просто поговорить...

Роберт понял: Женя — очень чуткий человек. В свои двадцать три года она чувствовала его так же, как десять, пятнадцать лет назад. Теперь он понимал, что так близко дружили они в детстве неспроста. Их разговор напоминал ему о тех прекрасных временах. Даже когда он не говорил ни слова, ему казалось, что Женя полностью понимает его, видит насквозь.

Пусть видит, решил он. Так даже легче. Хотя бы один день побыть собой без прикрас, без грима в виде социальной пыли — это уже поистине гигантское облегчение. Женя — очень искренняя и не боится говорить о своих переживаниях. А это — такая редкость, такая редкость...

Стрелка часов добралась до трёх ночи. Дождь продолжал стучать по земле и крыше дома. Какое-то время Роберт и Женя молча слушали этот звук. Вскоре парень прислонил голову к стене и прикрыл веки — засыпал. Спустя несколько мгновений до него донёсся тихий-тихий шёпот:

— Как же с тобой спокойно...

*

Роберт видел странный сон. Одинокие ночные фонари, склонившиеся над землей в нескончаемый ряд, рассеивали яркий белый свет. Вся ночь находится в распоряжении этих фонарей. Точно так же, как вся жизнь находится в распоряжении людей.

Фонари соединяются между собой длинными проводами. Это в каком-то смысле сближает их. Так между ними возникает связь.

Люди — это, пожалуй, те самые фонари. Их что-то соединяет, но они всё равно находятся друг от друга на расстоянии. И как бы они ни пытались объединиться — не выйдет. Что-то обязательно будет вставать между ними.

Фонари для того и созданы, чтобы освещать собой лишь определённый участок реальности. Освещать свою реальность. Свою жизнь. В чётко заданных границах.

Но иногда они могут помочь другим фонарям, заплутавшим во тьме. Чтобы те поняли или даже — вспомнили, что сами могут светить. Освещать свою жизнь.

И на этом — всё.

Но одинокому фонарю (вернее, чувствующему себя таковым) так и хочется сблизиться с другим фонарём. Слиться. Стать с ним чем-то единым и

прекрасным. Увеличить масштабы свечения. Осветить большую область. Озарить весь мир!

Но природа фонарей — против.

Не выйдет.

Увы.

Не сейчас.

Не в эту эпоху...

...Роберт открыл глаза и огляделся. Всё ещё стояла ночь. Он не помнил, как перелёг на диван. Женя, наверное, пошла наверх, подумал он. Затем Роберт поднялся с дивана и протянул руку к тетради. Пройдя на кухню, он снова зажёл свечу, которая горела во время их с Женей беседы, и сел за стол. Прислушавшись к ночному дождю, он принялся что-то сосредоточенно записывать...

[19]

Следующим утром Роберт проснулся отдохнувшим и в добром расположении духа, хоть за окном до сих пор разгуливало ненастье: лил дождь.

Женя с самого раннего утра готовила блины. В клетчатой светлой рубашке и бежевой вязаной шапочке, стояла она у плиты и орудовала деревянной лопаточкой. Аромат в доме витал умопомрачительно аппетитный.

Когда всё было готово, втроем сели завтракать. Роберт и Аврора со страстью уминали тёплые блины, намазывая на них малиновое варенье. Одновременно Аврора оживлённо рассказывала, что ночью ей снился необычный мир. Мир, который был полностью поглощён водой. И небольшое число людей пытались выживать в таких «неземных» условиях.

Роберт внимательно прислушался. В один момент даже перестал жевать. *Мир, поглощённый водой...* Парень глубоко задумался о чём-то своём. Женя заметила это необычное выражение на его лице.

— Что, Роберт? — улыбнулась она. — Язык проглотил от вкуса? Или мечтаешь оказаться в таком мире? Там-то всё по-другому, не то что у нас. Другие проблемы, главное — выжить. Там уж не до душевных скитаний.

Роберт усмехнулся:

— Да уж... А язык я и правда проглотил. Вот, вытащил его обратно, чтобы только сказать: невероятно вкусно, Жень. Ты ещё, оказывается, и мастерица блинов. Я украду у тебя одну баночку варенья, если ты не против?

Женя мгновенно изменилась в лице. Роберт, глянув на неё, сразу же всё понял.

— Да, нужно ехать... — сказал он. — Сегодня уже воскресенье. Так не хочется... но надо. Город ждёт меня. Меня — как элемента огромного и безостановочного механизма под названием «Москва». Господи... и снова всё по кругу.

— Может, останешься?.. — спросила Женя и посмотрела в окно. — Дождь не кончается. Ну куда ты сейчас так?

— Я бы с удовольствием, Жень. Но не могу. Мне нужно ещё дописать одну статью. Главный редактор и так пошла мне навстречу, отпустив на выходные: у нас ведь ненормированный график. Поэтому завтра, в понедельник, я уже точно должен быть на рабочем месте, как штык.

— Хорошо... — вздохнула Женя. — Тогда я приготовлю тебе ещё блинчиков в дорогу. И банку варенья.

— Женя?..

— Да?

— Можно я посижу с тобой на кухне, пока ты будешь готовить?

— Конечно, Роберт, конечно...

*

Скоро Женя ушла в сарай, в погребе которого хранила банки с вареньем. Перед этим сказала, что заодно подоит Бусю и что Роберт обязательно должен попробовать перед уездом козье молоко.

Роберт, ожидая её возвращения, сидел с Авророй. Он с ней быстро сдружился. Она называла его Дядя Ро. При этом буква «Р» у неё получалась необычайно смешно.

— Дядя Ло! — вдруг сказала она. — А вот ты, знаешь, кто?

Вроде бы ответ должен был прийти сразу, но Роберт почему-то замешкался:

— Я...

«И правда: а кто я? — подумал Роберт. — Тот ли я, кем считаю себя? Или, может, это всего лишь ложный образ? Что, если всю свою жизнь я живу с неверным представлением о себе?»

— Я — твой друг, — собравшись, ответил Роберт с улыбкой.

— Нет, — возразила Аврора. — Ты — кололь Лоберт!

— Я? Король?

— Да! Я видела, что в мие воды ты — кололь, а мама — кололева. Вы плавите этим милом. А я — ваша плинцесса.

Роберт громко рассмеялся: так смешно Аврора говорила. Он решил подыграть ей.

— Хорошо. Я — король Роберт, мама — королева Женя, а ты — маленькая принцесса Аврора. Но... где же тогда твой принц, принцесса?

— Я ещё маленькая, — важно ответила девочка. — Когда выласту, он у меня будет.

— Хорошо! — посмеялся снова Роберт. — А кто ещё есть в этом мире?

— Там мало людей... Очень мало.

— Что ж... небольшое у нас там царство, выходит, — ухмыльнулся Роберт. — А давай-ка, мы с тобой придумаем имя этому миру!

— Давай!

— Что-нибудь к примеру... м-м-м... ну даже не знаю... что-нибудь... э-э-э... Эйрена?.. — сказал он первое, что пришло в голову. Совсем недавно ему попадалась на глаза книга древнегреческих мифов. Там и была эта самая Эйрена — богиня мира.

— Эй-ле-на... — проговорила Аврора. — Да! Мил Эйлена!

Роберт всё играл с Авророй, подробно придавая их вымышленному царству новые детали. Вскоре они уже практически создали отдельный мир в своём воображении, со всеми тонкостями, а когда принялись рисовать его в альбоме Авроры, с улицы донёлся голос Жени: просила подождать ещё немного.

— Скоро придёт королева Женя с молоком Буси! — торжественно объявил Роберт, глядя на получающийся рисунок.

— Буся — дулочка, дулочка! Убегает всегда!

— А молоко у Буси вкусное?

— Вкусное!

— Ну что ж. Ради этого мы тогда простим Бусе её вольный характер.

— Халактер?

— Ага, характер. Бусин характер, видно, свободолюбивый. Хочет простора. Быть ничем не связанной.

— Я ничего не понимаю, дядя Ло!

— Эх, Аврора, Аврора, — ухмыльнулся Роберт. — Если б я хоть что-нибудь в этой жизни понимал!

— Извини, что заставила так долго ждать. Тебе ведь пора ехать. Путь неблизкий... — сказала Женя, забежав в дом: вся промокшая, в одной руке — банка варенья, в другой — молока.

— Тёплое ещё, — добавила она. — Будешь?

— Какая щедрая Буся, — произнёс Роберт, взяв тёплую банку молока. — Попробую-попробую... Так... м...

Он пригубил банку — и осторожно глотнул. Потом ещё. А потом сделал большой-большой глоток.

— Ну а что. — Он глянул на банку, облизывая губы. — Буся — молодец. Вкусное молоко. Только вот необычно пить его таким... горячим. Как будто пьёшь прямо из её вымени...

Женя рассмеялась. Роберт посмотрел на неё, промокшую и радостную, и внезапно на мгновение вошёл в странное состояние сознания. Из него можно было как бы со стороны наблюдать за происходящим. И даже — за ним самим. Не включаясь в процесс, безмолвно и отстранённо.

И из этого укромного «места» дождь, что звучал на улице, создавал в его душе предчувствие надвигающихся перемен. Он словно отчаянно просил его остаться. Несмотря ни на что. Ещё хотя бы на чуть-чуть...

— Жень, — сказал Роберт и вдруг снова принялся пить молоко. Почти опустошив половину литровой банки, он наконец оторвался от неё и, с белыми усами, продолжил: — Ты знаешь... мне, вот, почему-то кажется, что мой автобус-то... уже уехал. Ага. Да и не доберусь я в ливень до дороги-то. Утону там ещё где-нибудь. Вон, Мир Воды уже Авроре видится во сне! А вдруг она предсказательница, м? Рисковать как-то и не хочется. Жизнь одна всё-таки.

Женя широко раскрыла глаза.

— Ты... остаёшься?

Роберт пристально посмотрел на неё.

— Я бы этого очень хотел.

— Правильно! — тут же всплеснув руками, быстро заговорила девушка. — Ну куда ты в такой дождь? Весь промокнешь, и не факт, что поймашь машину на дороге. Автобусы-то редко ходят. Слишком уж далёкий путь. Да и опасно ехать в такое ненастье! Оставайся, оставайся, конечно! Нужно дожждаться, пока закончится дождь. Да и мне самой, если честно, не по себе в такую погоду. А вместе — куда веселее! Да ведь, Роберт? — на одном дыхании протараторила Женя.

Роберт не смог сдержать улыбку. Такая родная Женя. Несомненно, оставалось в ней и по сей день что-то такое из самого детства.

*

Обратно в город Роберт не поехал. Решил, что скажет потом на работе, что подхватил грипп или что-то в этом роде. Хотя, конечно, отлично понимал, что главного редактора не провести этими псевдоболезнями, да и к тому же здесь он по большей части обманывал самого себя. Но другого выбора, как чувствовал сам Роберт, у него не было. Он очень хотел остаться. Ему не хватило столь короткого времени. Ему нужно было больше. Ему нужно было то, чего он был лишён всю свою юность.

— Когда идёт проливной дождь и не видно ни одного просвета на небе, такое ощущение, что он никогда не закончится, правда? — произнесла Женя.

— Да, — кивнул Роберт. — Как будто вслед за небом тучи накроют и землю. И наступит конец света.

— Именно, — согласилась Женя.

Они вынесли два кресла на веранду и устроились там. Их укрывал металлический навес, примыкавший к крыше дома. Одеться пришлось теплее, ведь с приходом дождя стало прохладнее. Роберт надел фуфайку, Женя — голубую осеннюю курточку. Так они и сидели, глядя на дождь, омывающий сад перед домом. Сидели и уже второй час вели неторопливую беседу.

— Расскажи о нём, — попросил Роберт. — Каким он был? Как вы познакомились?

Женя минуту молчала. Потом тихо заговорила:

— Знаешь, после школы я с невероятной завистью смотрела, как одноклассники, знакомые уезжают отсюда. Все. Все уезжали в города. Творить свою жизнь. Открывать для себя новые возможности. А мне

пришлось остаться, ведь бабушке стало хуже: болела уж сильно. А бросить её я не могла. Поэтому решила, что поеду учиться в какой-нибудь город позже, а пока — будет время определиться с выбором. Вот тогда-то, со мной и познакомился он. Ему на тот момент было уже двадцать шесть, мне — почти девятнадцать. Работал он водителем грузовой машины, показался мне хорошим человеком. А если ещё учесть, как я была подавлена из-за того, что не могу никуда уехать, то его ухаживания немного успокаивали меня. Растапливали моё сердце. Любой женщине хочется мужского внимания... И я его получала.

Примерно спустя полгода после нашего знакомства я узнала, что беременна. Мы расписались. Стали жить у нас в доме, чтобы я всегда могла присматривать за бабушкой. Родилась Аврора. А потом он запил. Он и раньше выпивал, но теперь почему-то перестал сдерживаться. Запой затягивались. И вскоре ему уже не было дела ни до меня, ни до Авроры. Возвращался с работы всегда выпившим. Иногда и вовсе туда не ходил. Потом, через какое-то время, бабушка умерла. Не прошло и года, как умер он. От болезни и плохой водки... Вот и вся история. С тех пор я и одна. Только я и дочь.

Шли месяцы. Ничего не менялось. Каждый день превращался в одно и то же. Эти улицы, эти лица — всё осточертело. Мне хотелось убежать отсюда. Туда, где бы я нашла своё место. Туда, где бы я стала по-настоящему счастлива. Туда, где меня не терзало бы чувство сожаления из-за утраты моей молодости. Моей возможности повидать огромный мир, что существует за пределами этой деревни... Знаешь, когда я прихожу на работу, в школу, когда нахожусь там, мне кажется, что мои школьные годы никуда не ушли. Что я — по-прежнему ученица: скоро окончу школу и уеду отсюда. Потом найду мужчину своей мечты, создам большую дружную семью и проведу с ней всю свою жизнь...

Роберту было жаль слышать то, что сейчас говорила Женя. Он невольно чувствовал себя причастным к её боли и досаде. Конечно, он не имел прямого отношения к тому, что ей пришлось остаться здесь. Но где-то в глубине себя ему казалось, что он мог бы предотвратить такую жизнь Жени. Мог бы избавить её от этого...

— Женя... — вымолвил он. — Ты ещё очень молода. Как ни крути, не пятьдесят тебе. Двадцать три всего.

— И тебе.

— И мне... — кивнул Роберт. — Так что всё ещё поправимо.

— Кажется, мы тут друг для друга — как служба психологической поддержки, да? — улыбнулась Женя.

— Почему бы и нет.

— Тогда ответь мне, Роберт. Зачем нам все эти испытания? Может, неспроста они нам даются, а? Ведь должен же быть в них хоть какой-нибудь смысл.

— Смысл... — повторил Роберт. — Я уже и не знаю, есть ли хоть в чём-нибудь смысл.

— А ты совсем не думал о семье, детях? — спросила Женя. — Тебе вот не хотелось бы иметь ребёнка?

— Как сказать... Думать-то думал. Да вот думанья эти какие-то безрадостные. Бесперспективные, что ли. Ну семья, ну дети — а внутри-то если нет счастья, то как ещё и с семьёй уживаться? Тогда уж внутренний хаос будет только разрастаться. Вначале бы в себе разобраться, а уже потом — увеличивать демографические показатели.

— Но время идёт, Роберт. Как бы ни было тяжело, никуда не деться — нужно выживать в этом мире. А когда есть семья, то это гораздо легче. Поверь. Есть ради кого.

— Вот именно: не жить — а выживать. Не любить, а пытаться полюбить. Не быть счастливым — а пытаться стать им. И так — всю жизнь. В погоне за самим собой. За тем «я», которому наконец-то станет хорошо.

— Но ведь нужно же хоть как-то пытаться стать счастливым?

— Знаешь, я думаю, что для счастья ничего этого не нужно. То есть не обязательно судорожно обзаводиться кем-то. Мне кажется, для настоящего счастья нужно малое. А именно — покой.

— Покой... — медленно и с каким-то удовольствием повторила за ним Женя.

— Да, — кивнул Роберт. — Я понял это недавно. Да вот, буквально вчера вечером и понял. Покой — это когда тебя не тревожат лишние мысли. Когда ты не беспокоишься, что завтра может произойти то, чего тебе не хочется. Когда тебе не нужно идти туда, куда ты не хочешь. Когда то, что ты делаешь, — это и есть радость. Это когда ты перестаешь анализировать окружающий мир и понимаешь — он просто есть. И ты — просто часть него. И на этом все вопросы замолкают. И вот если этот покой внутри найден, то

можно и другим дарить это спокойное, умиротворённое, радостное состояние своей души. Своей любимой женщине, своим деткам.

— Интересно, а можно ли так вообще жить? Не утопия ли?

— В том-то и дело, Жень, что, похоже, утопия, — вздохнул Роберт. — Ага. Та ещё утопия. Утопительная утопия утопительных масштабов. Как будто если она и возможна, то не сейчас. Не для нас. Как будто мы уже... как бы это точнее выразиться... как будто мы уже изживший себя материал.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что для нас многое закрыто. Навсегда. Мы вот, как мухи, в отчаянии бьёмся в стекло в надежде выбраться на волю — а воля нас кидает обратно. Или прихлопывает, если чересчур сильно дёргаемся. Мы своими мечтами о счастье пытаемся пробить брешь в реальности. Но у неё на всех нас, кажись, свои планы. И с нами она ими делиться не обязана. И не будет. Вот и страдаем все мы. Жаждем счастья, а его нет и нет. Да потому что у нас его и не может быть. Сейчас — не то время.

— Что, природа у нас такая — быть несчастливymi?

— Можно и так сказать, — совершенно серьёзно проговорил Роберт. — А вот другие... те, кто будут после нас... вот у них ещё есть шанс. Шанс разобраться, что к чему. И то — если смогут преодолеть темноту в своих душах.

— Отчего же у них будет шанс, а у нас его сейчас быть не может?

— Мы — кончаемся, Жень. Мы — люди старого времени. Неужели ты этого не чувствуешь? Мы приближаемся как будто к чему-то хорошему — в мыслях, душе, — но в реальности далеки от этого, как не знаю от чего. Нынешняя реальность всегда показывает нам, что не получится прыгнуть выше своей головы. Выше того, что положено. Да, верно ты сказала: природа у нас такая. И ничего с этим уже не поделаешь.

— И нам теперь, что ли, умереть только остаётся?

— Да нет же, боже упаси... Жить спокойно. Вот про покой я говорил же? Вот, так и жить. В таких условиях. Доживать, не спеша и не выдвигая особых требований, свои дни.

— Как-то пессимистично звучит, Роберт.

— Да жизнь и без того пессимистична. А так — хотя бы и иллюзий не будет. Не будет лишней головной и душевной боли. Как же от неё уже тошнит.

— То есть нужно просто сдаться? И будь что будет?

— Примерно так... — кивнул Роберт. — Но и это не видится возможным. Ведь мы так не можем. Не привыкли. Не обучены. Не воспитаны мы ничего не делать. Весь коммунизм наш на том, что нужно обязательно что-то делать. А если и не делать, то хотя бы нужно рассуждать о том, что и кому нужно делать. Это уже в наших клетках, Жень. Полностью растворилось в них. И теперь активно проявляется в нашем поведении. Зачастую — машинальным.

— Ну и скажешь ты тоже! — Женя толкнула его в плечо. — Аж жить уже не хочется...

— Прости, — улыбнулся Роберт.

— Но не может быть, что выхода вообще нет!

— Имеешь в виду, выхода к чему-то лучшему?

— Да!

— Ну не знаю. Теоретически может и есть, но вот практика показывает иную картину.

— Значит, плохо освоили теорию! А нужно впитать её в клетки. Полезную теорию. Здоровую. Спасительную! Не верю, что наши клетки отвергнут благоприятные начала.

— Возможно, это твоё возмущение — всего лишь свойство, присущее обречённому человеку, до последнего верить в лучшее. Чтобы только смягчить боль. Смягчить режущий глаза ослепительный свет реальности...

— Нет, Роберт, не согласна. Я точно знаю, откуда-то знаю, что во мне, и в тебе, и во всех людях обязательно есть то, что может привести их истинному счастью. Что неспроста мы все хотим этого.

— Мне тоже хочется в это верить, Женечка, ой как хочется... До боли. Вот смотрю на тебя, и во мне даже вся тьма разбегается. Все страхи и сомнения. Когда я с тобой — мир полноценен и не нуждается в доработке.

— Может... эта чувствуемая ниточка веры, надежды — и есть некий шанс, некая заложенная способность вылезти из душевной темноты?

— Возможно... Но знаешь, какая есть штука противная? Жалость к самому себе называется. Вот это вообще ужасная вещь. Она означает только одно — тюрьму. Свою собственную тюрьму. И, ты знаешь, Жень... жалость к самому себе, кажется, уже укоренилась в моём сознании. И лишь иногда, с помощью свежих мыслей, новых вдохновляющих идей, удаётся выгрести на лодке той самой надежды. Вот как сейчас, когда я рядом с тобой и гляжу на тебя — я на этой лодке. И вместо вёсел у меня в одной руке — воспоминания

из прошлого, в другой — мечта из настоящего. Может... если их совместить, то получится нечто новое? То, что поможет мне выбраться на существенно новый уровень понимания жизни?

— Наверное, смотря, что за мечта.

Роберт замолчал. Какое-то время он в раздумье глядел на капли, стекавшие с крыши.

— Я мечтаю, — медленно заговорил он, — отмотать время назад. И исправить многие непростительные ошибки.

— Ошибки?.. И какие же?

— Ошибки, связанные с тобой, — произнёс он и поднял на Женю свои глаза. — За всю свою жизнь я так и не сказал тебе о самом главном. О своих чувствах. Хотя они рвались из меня изо всех сил. Я уехал от тебя, а они так и остались во мне, делая больно изнутри. С годами не стало легче. Как будто бы на поверхности всё стерлось и вроде бы уже не так заметно, но вот где-то в глубине души — стал чувствовать некую потерю в жизни. Словно упустил что-то глобально важное. Я говорю сейчас о тебе, Женя. Что-то глобально важное — это ты.

Женя приоткрыла рот, но не смогла ничего ответить. Прошло несколько мгновений, прежде чем она тихо произнесла:

— Роберт... что... ты хочешь этим сказать?

— Ты прекрасно понимаешь, что.

Женя тут же закачала головой:

— Нет, нет, Роберт... Ты ведь, то есть мы ведь уже не маленькие с тобой, верно? Эти игры нам уже не нужны.

— Не говори ерунды, Женя.

— Ерунды? — Женя удивлённо посмотрела на него. — Но... разве это возможно? Так разве бывает? Чтобы вот так раз — и всё как раньше?

— Сама ведь говоришь... в человеке обязательно должно быть то, что способно сделать его счастливым...

— Нет, Роберт, нет, — засмеялась Женя, но потом резко смолкла. И стала внимательно глядеть Роберту в глаза: как бы ища в них скрытую несерьёзность происходящего. Но не найдя, сбивчиво проговорила: — Мне... нужно сказать тебе кое-что... Важное. И вряд ли после этого ты не откажешься от своих слов...

Роберт замер в ожидании. Однако ему казалось, что ничего из сказанного сейчас Женей всё равно не изменит его намерения.

— На самом деле мой муж умер не от болезни, — произнесла она. — Это... я. Я его отравила. Сама. Я его убила.

— Что ты такое говоришь? Он ведь... пил. Ты говорила, он... плохая водка...

— Нет, нет, — замотала головой Женя и вдруг заплакала. — От вечной выпивки у него начиналась белая горячка... Он терял над собой контроль и... избивал меня. Ему всегда нужно было выпить. А когда это не удавалось, он срывал свою злость на нас. Как только мы с бабушкой ни пытались его вылечить! И с помощью медицины, с помощью знахарей, с помощью кодирования — всё без толку! Он и на бабушку бросался. Она все нервы потеряла с ним, оттого и умерла. Я всё терпела, а потом, когда он стал угрожать и Авроре, я не выдержала. И стала подливать отраву ему в бутылку...

— Женя...

— Я знаю, что совершила грех! — перебила Женя. — Но я это сделала для Авроры! Бедная... она такая маленькая, но уже натерпелась от него...

— Она сейчас помнит его?

— Кажется, уже забыла. Но кто знает наверняка...

— Женя, послушай...

— Не говори ничего! Я просто хотела, чтобы ты это знал. Мне некому больше рассказывать...

— Женя... Женя! Всё нормально. Ты поступила так, как поступила.

— Ты... не винишь меня?..

— Нет. Не мне тебя винить или судить. Каждый из нас сам выбирает свою жизнь. И вряд ли кто-то может судить другого. Для этого у него просто нет полномочий — он никогда не был тем человеком и не проживал его жизненные ситуации.

— Эх, Роберт... — Заплакала Женя. — Спасибо тебе за твои слова... За твои вечно прекрасные слова... Уже столько времени я виню себя в содеянном поступке. Боюсь даже вспоминать об этом. Но в то же время понимаю, что как всё раньше — продолжаться не могло. Ему нужно было остановиться.

Роберт придвинул своё кресло поближе к Жене и взял её руку в свои тёплые ладони.

Дождь не стихал ни на минуту.

Наступил вечер. Поужинав и поиграв с Авророй, Роберт и Женя снова вышли на веранду. И, хоть в разных креслах, сидели — обнявшись. Дождь беспокойно струился по крыше дома и стекал вниз. Земля не успевала принимать такое щедрое количество небесных даров.

— Если так пойдет и дальше, — тихо произнесла Женя, — мои цветы погибнут. Слишком много воды.

Роберт несколько секунд задумчиво глядел на огромные лужи перед домом, а потом проговорил:

— А что, если с любовью так же, а? Любовь — это как вода для цветов. Если её мало, цветок чахнет, погибает. Если её много, то цветок тоже не выживет. Тут нужна золотая середина. Гармония.

— Пожалуй, так... — согласилась Женя. — Не лишать человека любви, но и не становится фанатиком, только говорящим и думающим о любви, живущим только другим человеком. Всё должно быть умеренным.

— Надеюсь, наша любовь, Жень, была именно такая. И остаётся такой же. Где в наших душах. А цветы... я думаю, мы можем их спасти...

Роберт вдруг поднялся и вышел из-под веранды под дождь. Он побежал к железному забору, где рядом с недостроенной теплицей валялись метры полиэтилена. Он взял этот рулон, четыре длинных деревянных колышка, лежавшие там же, и подошёл к цветам, которые сильно сгибались под весом нескончаемых капель.

Женя выбежала следом и, ничего не говоря, стала ему помогать. Роберт вбил штыки в землю и привязал к ним концы полиэтилена. Так, совсем скоро, они накрыли большую часть цветов плёнкой.

— Роберт, спасибо! — сказала Женя и, крепко обняв, прижалась ухом к его груди.

— Что ты! Таким роскошным цветам совсем не к делу погибать! — ответил Роберт.

Они стояли под дождём. Тот старательно обливал их, заползал за воротник, но эти двое не спешили прятаться от него.

Роберту было хорошо с Женей. Так хорошо, что он готов был забыть про всё. «Но город... — вдруг возникла в его голове мысль. — Мне всё равно придётся туда вернуться. Рано или поздно. Там вся моя жизнь...»

— Ты не можешь уехать, — вдруг сказала Женя, будто прочитав его мысли. И подняла на него свои печальные глаза

— Жень... — начал Роберт, но девушка выскользнула из его объятий и побежала к цветам. Отрезав ножичком какой-то стебелек, она поспешила обратно.

— Это тебе, — взволнованно сказала она, протягивая ему жёлтый цветок.

— Мне?..

— Да. Это хризантема. Особенный цветок. Она распускается сейчас, в нынешний период, и цветёт почти всю осень. Но самое главное — ей не страшны заморозки. Пусть и тебя ничего не пугает, Роберт. Скоро осень. Время холода и дождей. Пусть хризантема напоминает тебе, что никогда не нужно сдаваться. Это золотой цветок. Символ солнца. Свети и ты, Роберт, свети!

Роберт держал в руках хризантему и проговаривал про себя слова Жени: *никогда не нужно сдаваться*. Капельки воды стекали с зелёного стебля и листочков на его пальцы. Он прикоснулся носом к жёлтому соцветию и вдохнул аромат скорой осени. И согревающей, как свеча, уверенности, что всё будет хорошо...

Затем Роберт посмотрел Жене в глаза.

— Помнишь, однажды в детстве, осенью, мы заблудились в лесу и начался дождь? Помнишь?

— Помню... Ещё как помню. Все эти годы дождь напоминал мне о тебе. И однажды я даже разлюбила его. Отчаялась. Перестала верить... Я ведь только и мечтала, когда мы дружили, что ты, Роберт, подойдёшь ко мне и признаешься в своих чувствах. Мы всегда кружились вокруг этого: так близко, вот ещё чуть-чуть! Но всегда между нами как будто оставалось каких-то несколько миллиметров. И вот ты уехал. Связь оборвалась совсем. Но в сердце я почему-то всё равно верила и ждала. Ждала, что однажды ты *сделаешь это*. И что тогда я в ответ смогу раскрыть и свои чувства, — говорила Женя, глядя на Роберта с некоторой обидой в глазах и вместе с тем — добротой. Её волосы, одежда промокли полностью.

Под проливным дождём, глядя на него снизу, Женя казалась Роберту такой маленькой и хрупкой, что ему вдруг всеми силами своего существа захотелось защитить её от всех невзгод этого трудного мира.

— Я хочу всё исправить, — сказал он и крепко прижал её к себе.

— Роберт...

— Мне всегда не хватало тебя, — произнёс он. — Ты — фонарь, который осветил мою затянутую мраком жизнь.

И прижал её к себе ещё сильнее — так, что между их телами не осталось и миллиметра зазора. И коснулся губами её влажных губ...

Время замерло. Дождь застыл. Всё потеряло свой смысл. Абсолютно всё изменилось в этот момент. Как тогда при неожиданном поцелуе в лесу, когда ему было десять...

Роберт не отнимал своих губ, словно пытаясь вобрать в себя всю суть Жени. Он пытался дышать ею. Точно так же, как и она в этот самый момент из всех сил старалась дышать им. Она пустила руки в его мокрые волосы, забыв обо всём. Искренние чувства вперемешку со страстью.

— Мама! — вдруг раздался голос. — А что это вы делаете под дождиком?

Женя тут же отлипла от Роберта.

Тот, недолго думая, громко заявил:

— Королева Женя и Король Роберт отмечают Праздник Дождя!

— Что?.. — засмеялась Женя, ничего не понимая.

— Праздник Дождя?! — с восторгом отозвалась Аврора. — Я тоже хочу! Тоже хочу на Праздник Дождя!

— Принцесса Аврора! Я прошу: выходите к нам! — сказал Роберт, театрально встав на колени. — Мы ждём только вас!

Аврора сорвалась с места и, радостно раскинув руки в стороны, устремилась к ним. Женя виртуозно подняла дочку на руки и тут же играючи, танцуя, закружилась, при этом стараясь собой укрыть девочку от дождя, хотя у неё плохо получалось. И всё это было крайне смешно. Роберт и Женя хохотали так, словно они впервые за долгое время действительно обрели тот самый душевный покой. Покой внутри, который волшебным образом меняет и мир вокруг.

«Пусть этот дождь и этот день, — одновременно подумали они, хоть и каждый своими словами, — станет отправной точкой какой-то новой и прекрасной истории. Нашей истории».

Роберт с закрытыми глазами лежал головой на коленях Жени. Она медленно проводила пальцами по его волосам, лицу, плечам. Проснулись они сегодня довольно рано и, позавтракав, устроились на диване. Аврора ещё крепко спала на втором этаже.

Молча слушая дождь, который до сих пор не смолкал за окном, Роберт с Женей о чём-то думали. Каждый о своём. Но это было не беспокойное думанье. Это был размеренный и даже убаюкивающий процесс. Он не требовал скорейших ответов, аргументов, немедленных осмыслений происходящего.

Просто — дуновение мысли. Без цели, без напряжения — словно эхо спокойствия, которое возникло в их душах, но которое ещё не до конца приняла голова. Оттого и запускались по привычке какие-нибудь мысли, но тут же, будто не получая прежней подпитки, затухали, не оставляя после себя следов.

— Жень...

— А?..

— Ты теперь знаешь о моей мечте...

— Знаю, Роберт.

— А я о твоей — нет.

Женя нежно провела рукой по его щеке.

— Да всё просто. Жить счастливо и чтобы у Авроры всё было хорошо.

— Слишком обобщённо, Жень. А если сконкретизировать? Чего тебе хочется вот прямо до глубины души?

— Ну... — задумчиво произнесла она. — Сейчас, сама даже не знаю почему, мне очень захотелось оказаться в таком месте, где... всегда зима.

— Зима?

— Да.

— С чего вдруг? — усмехнулся Роберт.

— А вот ты только представь, — улыбнулась Женя, — просыпаешься утром и глядишь в окно, а там солнце возвышается над снежным покровом. И всё блестит! Океан снега и света! Одеваешься потеплее, выходишь из дома — и утренний морозец тут же слегка пробирает по коже. Такой реальный. Ощущаемый! И тут ты забываешь обо всех насущных проблемах. Понимаешь, что их вовсе не существует. Есть только Зима и ты. И вы чувствуете друг друга. Она реальна. Вот твоя реальность. И больше ничего не нужно. А вечерами, укутавшись в тёплую шаль, сидишь с горячим чаем и

сладостями у камина в доме. И тебе не нужно никуда идти. Весь день ты можешь просидеть вот так, ничего не делая. И в любой момент выйти на веранду и вдохнуть наисвежайший запах зимы. И все обиды к этому миру, если они и остались внутри, застывают на полуслове. Холод заглушает их, превращая в пар изо рта... — Женья глубоко вдохнула, словно и правда почувствовала запах этой зимы. — Вот... примерно такая мечта. Приятная и далёкая. Видимо, ты меня заразил своей историей про Покой.

— Здорово! — Роберт приподнялся и сел рядом с Женей. — Красивая и трогательная мечта. Но, Жень... зимы ведь у нас и без того долгие.

— Нет, Роберт. Мне хочется, чтобы там, в месте моей мечты, зима не кончалась никогда. Чтобы не отвлекаться ни на что другое. Ни на какие ненужные мысли. Зима для меня — как символ покоя, о котором ты говорил. Она есть — и больше ничего не нужно. Живёшь себе спокойненько, и хорошо тебе. Уютно. Тихо. Что ты там пишешь?.. Записываешь мои слова?

Роберт отвлёкся от тетради и улыбнулся:

— Ну, правда, красиво же! Нужно записать.

— А зачем тебе это? Про что ты там всё пишешь и пишешь, м? Признавайся, давай!

Роберт смущённо поджал губы.

— Да вот, кажется, прорвало. С того момента, как пришло твоё письмо, образы идут и идут.

— Дашь почитать?

— Да тут пока лишь наброски, Жень.

— А о чём пишешь?

— О нас.

— Интересно... И что же именно?

— Да всё то же. Мы втроём в твоём прекрасном доме. Где-то вдалеке от «большой» и шумной жизни. Начинается дождь. Но... не прекращается. Постепенно вода поглощает Землю, большая часть человечества умирает...

— Как у Авроры во сне?

— Именно, — кивнул Роберт. — Только вот не знаю, какую причину придумать для этого бесконечного дождя...

— Получается, фантастику пишешь?

— Да я бы не сказал... Скорее, психологический реализм будущих поколений, которые будут жить в новом мире.

— И что же *нас с тобой* ждёт в ходе образования нового мира?

— Пока ещё не решил...

Женя повернулась к окну.

— Эх... — тихо произнесла она. — Как бы мне хотелось, чтобы этот дождь действительно никогда не заканчивался.

— Почему?

Женя на мгновение притихла.

— У меня такое ощущение, — произнесла она, — что когда закончится дождь, закончится и наше время.

Роберт взял её руку в свои ладони.

— Если я и уеду, Жень, то только чтобы потом сразу же вернуться. Понимаешь, звать новые времена в свою жизнь нужно, освободившись от всего старого. А для этого необходимо сначала с ним разобраться. А то что-то засиделось оно и изрядно поднадоело своим шумом. Необходимо выпроводить его. По-хорошему. Без драк и ссор. С чистым сердцем.

— Однажды ты уже ушёл... — прошептала Женя, глядя куда-то перед собой.

— Я для себя уже всё решил, Жень. Что бы ни случилось, поверь: без тебя своей жизни я уже не представляю. Следующую зиму проведём вместе. Пусть не бесконечную, но весну же тоже нужно встречать, правда?

Женя повернула изумлённое лицо к Роберту.

— Ты сейчас серьёзно?..

— Абсолютно, — улыбнулся он и поцеловал её в щёку. Потом в губы. А потом стал медленно и аккуратно заваливать её на спину.

— Аврора может выйти!..

— Скажем, что играем. Создаём потомство для нового мира...

— Дурачок!

— Не буду отрицать...

— А они будут счастливы?

— Кто?

— Ну, потомство.

— О, несомненно. Ведь зачаты будут при таком счастье!

— Ой, дурачок...

Когда Роберт раздевал Женю, одновременно целуя её тело, она вдруг тихо произнесла:

— Причиной нескончаемого дождя могли бы стать слёзы. Для твоей истории. Собранные воедино слёзы всех женщин нашей планеты, пролитые за всю человеческую историю.

Роберт замер.

— Хм-м... любопытная мысль... Но как-то многовато слёз, не считаешь?

— В самый раз, Роберт. Уж поверь мне. В самый раз, чтобы поглотить всю Землю.

Роберт задумчиво и примирительно кивнул, а затем продолжил неторопливо целовать Женю. Вскоре и она принялась отвечать ему лаской. Правда мысль о слезах теперь не выходила у него из головы. Неотступные строчки уже складывались и живо мелькали в голове:

Слёзы, когда-то пролитые людьми, вернутся и накроют собой этот мир. Он сотворил слёзы — от них он и погибнет. Люди породили друг для друга множество причин для слёз — от них они и исчезнут. По закону Равновесия однажды страданию должен прийти конец. Дождь будет лить, лить и не прекращаться...

*

До самого позднего вечера и всё следующее утро Роберт только и делал, что писал. Сидя за кухонным столом, пока Женя занималась кулинарными делами, он был погружён в тетрадь. Внимательно перечитывал некоторые отрывки. После нескольких минут кропотливых размышлений — какие-то из них вычеркивал, а какие-то обводил в кружок и потом переписывал на чистой странице. Так у него потихоньку складывался текст. Основная нить сюжета.

— Ну всё! — наконец не выдержала Женя, сев за стол напротив него. — Я хочу знать, что ждёт твоих Роберта и Женю! Прочтёшь?

— Это пока что только черновой вариант...

— Всё равно! Мне просто интересно. Может, и правда у нас здесь так всё и произойдёт, как в твоей книге? Мир будет поглощён водой, словно при Всемирном потопе. Дождь ведь уже четвёртый день не стихает. Это очень необычно. Так что сейчас самое время прочесть твой текст.

— Думаешь?

— Конечно. Вдруг потом будет поздно? Кто его знает, что нас ждёт с таким ливнем. А так я хотя бы буду знать, что предстоит нашим литературным двойникам. Хоть спокойней на душе станет.

— Ну что ж... — Вздыхая, Роберт перелистнул тетрадь и улыбнулся шутливому настроению Жени. — Уговорила! На худой конец выскажешь первые впечатления... Мало ли, вдруг вообще бред какой-нибудь пишу. Имена пока будут наши. Потом, возможно, изменю. Чтобы не было слишком заметно, что история — отчасти автобиографическая. И ещё — это всего лишь первые отрывки. Коротенькие кусочки истории. Потом нужно будет всё это собрать в цельное полотно.

— Хорошо! — Женья потёрла ладони в предвкушении. — Начинай с самого начала!

Роберт, взглянув на неё, улыбнулся снова. Потом опустил глаза в тетрадку, нашёл нужную страничку, навёл палец на одну из мелких строчек и, сделав очень серьёзное выражение лица, начал читать...

*

...Шёл четвёртый день. Вода с неба не заканчивалась. По радио во многих регионах страны объявили штормовое предупреждение.

— У меня остались два мешка с крупами, немного макарон, картошки вёдер десять. Также есть различные соленья, варенья и компоты в погребе, только нужно будет их оттуда достать — не то затопит. Так что — на ближайшее время нам хватит, — сообщила Женья, поставив на стол перед Робертом несколько банок консервированных вкусок.

Роберт до последнего отгонял от себя мысль о затоплении. Но четвёртый день непрекращающегося дождя — это всё-таки не шутки. Он тут же закрыл свою тетрадь, чмокнул Женю в лоб и отправился в погреб.

Достав оттуда все имеющиеся банки, он увидел, что первый этаж уже стало затоплять. Поэтому с помощью деревянной лестницы он поднял все продукты на чердак сарая. «Так лучше», — подумал он и, спустившись, бросил взгляд на Бусю. Та пугливо-грустными глазками тоже глядела на него.

После недолгих рассуждений Буся переселилась в дом. Теперь она свободно разгуливала по комнатам первого этажа и иногда опасно подходила к Роберту, сидящему за столом. Тот, не отвлекаясь от мыслей,

хватал со стола морковку или яблоко и протягивал ей. Коза осторожно брала подношение и уходила. А потом, через какое-то время, появлялась снова. И процесс повторялся. Так Буся и привыкла к Роберту.

Почему Бусе дали столько воли в чистом доме — ответ крылся снова в дожде. Из-за страха затопления первого этажа Робертом и Женей было принято решение переехать, а также перенести все ценные вещи (мебель, игрушки, посуду, продукты) на второй этаж. Он был гораздо меньше первого: обычная спальня с двухместной кроватью посередине и со слегка изогнутым по форме крыши потолком.

Два кресла Роберт расположил возле окна. Наблюдать за дождём и беседовать было пока что их любимым с Женей занятием. Или чем-то вроде «стихийного паралича» — когда ты не можешь отвести взгляда от какого-то мощного и неуправляемого природного процесса. Это состояние охватило их с Женей с самого первого дня и, судя по всему, отпускать не собиралось.

Из окна второго этажа было видно, как вода заливает дорогу улицы, дворики соседних домов. Роберт с Женей старались не думать о дожде как о чём-то плохом. И переключались на другие занятия: такие, как просто посидеть в обнимку, поиграть с Авророй в водное царство, приготовить вместе что-нибудь вкусненькое. И всё это было очень естественно. Ведь в те моменты, когда льёт сильный дождь, волей-неволей перестаёшь глубоко задумываться о том, что есть вне дома. Куда больше начинаешь концентрироваться и замечать то, что окружает тебя прямо сейчас. Непогода позволяет сильнее прижаться к тем, кто с тобою рядом.

Аврора иногда спрашивала, когда же закончится дождь. Роберт с Женей весело отвечали, что очень скоро. Однако сами совершенно не знали ясного ответа на этот вопрос. Когда Аврора играла со своими игрушками, у них появлялось время для личного общения. Всё остальное время Роберт тихонько сидел за кухонным столом и писал.

Спали втроём. На единственной кровати второго этажа. Аврора засыпала, лёжа между ними. Они соединяли свои ладони на её вздымающейся от дыхания спинке и смотрели друг другу в глаза. А когда девочка начинала мерно посапывать, осторожно тянулись друг к другу губами...

На седьмой день запах дождя полностью заполнил дом. В комнате стало очень прохладно из-за недельного отсутствия солнечных лучей. Роберт даже перестал смотреть на небо, разуверившись увидеть на нём хоть маленький кусочек ясного пространства. Грозные тучи не расходились и как будто по приказу свыше стояли до конца. «До *нашего* конца?» — невольно думалось Роберту.

Когда он бесцельно глядел на узоры от воды на внешней стороне окна, то видел грустные образы. Не сулившие ничего хорошего. Но, несмотря на это, в стенах этого дома Роберт по-прежнему чувствовал себя *своим*. Нужным. На своём месте.

Сарай затопило. Вода стала подбираться и к дому. Теперь всё своё время приходилось проводить только на втором этаже. Буся, пока что сторожила первый этаж. Лежала в уголке комнаты на тряпье и охотно жевала овощи.

Роберт перенёс кухонный стол на второй этаж и установил его рядом с окном, чтобы падало больше света. Тусклого, но всё же. Так он продолжал писать. И иногда при этом поднимал голову с тревожным лицом, вспоминая слова Жени: «*Когда идёт проливной дождь и не видно ни одного просвета на небе, такое ощущение, что он никогда не закончится, правда?*»

Но что, если он и в самом деле никогда не закончится?..

*

— Холодно...

— Угу... Может, это твоя бесконечная зима решила не ждать тебя, а наступила прямо сейчас?

— Я была бы рада. Но ведь это ещё хуже для тебя. В этом случае ты точно не сможешь уехать, чтобы попрощаться со старой жизнью... Все пути назад замело.

— Да мне уже и наплевать.

— Правда?

— Да. Такое чувство, что время остановилось. Какой сегодня день?..

— Я не знаю... Десятый, наверное, как дождь пошёл. Или одиннадцатый... Уже и не помню.

— А мне кажется, что прошла целая вечность. И одновременно — даже не начиналась.

— Вечность, которой никогда и не было... А может, и была, но уже прошла... Как же всё сложно, Роберт.

— Иди-ка ко мне.

— Вот, так-то гораздо проще...

*

— Мне кажется, болячки на руках начали исчезать. — Женя вытянула руки перед собой. — Я точно уверена, что их стало меньше! С твоим приездом всё начало меняться.

— Ну, за дождь я точно не в ответе! — Роберт шутливо поднял ладони. — А что касается твоих рук... Может, эта кожная болезнь была каким-то образом связана с твоим мужем? Ты чувствовала себя виноватой, вот и появился этот недуг. И сейчас, когда ты осознала свою вину, поделилась ею и начала прощать себя, болячки исчезают?

— Кто знает... — тихо ответила Женя.

Роберт понял, что нужно переводить тему.

— А я вот почти что курить бросил! Как ты и сама, наверное, заметила, уже пару дней не прикасался к сигарете, — гордо проговорил он. — Так что у меня тоже изменения начались. И что немаловажно — в этом мне помог дождь.

— Дождь?

— Я ведь не курю потому, что на улицу не выйти из-за ливня. А в доме нельзя курить — тут детишки и козочки, понимаешь ли, бегают! Вот и получается, что дождь мне немного подсобил в этом.

— Во всём можно найти свои положительные стороны, верно?

— Верно, — улыбнулся Роберт. Но затем, когда привстал и подошёл к окну, улыбка исчезла с его лица.

Дороги перед домом больше не существовало. Была лишь сплошная грязная буйная река...

*

Поскольку на тринадцатый день электричество во всей деревне отключилось, вечером Роберт с Женей сидели у окна при свечах. В её руке была сжата его ладонь.

— Роберт...

— М?..

— Я хотела тебе кое-что сказать.

— Да?..

— Мне кажется... совсем не важно, что наши пути в какой-то момент жизни разошлись. Ты всегда жил во мне. В моём сердце. И не важно, где и с кем мы провели свою юность. Главное, что ты всегда был со мной в моих мыслях. Воспоминаниях. И вот теперь, когда ты вернулся, я начала снова дышать. Во мне словно зацвёл цветок. И он изо всех сил теперь тянется к солнцу... Несмотря на дождь, тянется к теплу и любви. Любви, о которой я всегда мечтала. И вот она здесь, держит меня за руку. Рядом со мной в самый серьёзный и тревожный момент моей жизни. Спасибо тебе за это. Вот что я хотела тебе сказать. Я благодарна тебе за тебя.

По спине Роберта побежали мурашки. Женя была сейчас настолько взволнованно-искренней, что её слова буквально обдавали его электричеством.

«Но почему она говорит всё это? — подумал он. — Неужели чувствует скорый конец?..»

— Всю жизнь бы провела вот так, сидя рядом с тобой, — умиротворённо улыбнулась Женя. — Мне больше ничего не нужно. Ты такой реальный, настоящий... Порой мне думается, что наша встреча — это сон, и я снова проснусь той же и там же, без тебя...

Роберт молча прижал к себе Женю. Как бы доказывая, что всё это не сон.

— Я ждала своего чуда и дождалась. Ты — моё чудо, Роберт. Не важно, что будет через час, день или неделю. Всё, что было действительно важно, я уже прочувствовала. Пережила это. Благодаря тебе. И у меня одна просьба. Только одна последняя просьба. Просто оставайся рядом...

— Я буду рядом, — ответил Роберт. — Всегда.

*

...Вода продолжала низвергаться на изнеможённую землю. Озеро вышло из своих берегов и под руководством ливня затопило деревню. Кто-то из жителей покидал своё жилище в поисках спасения. Была нарушена система электроснабжения. Не работала телефонная связь. Изредка включая

работающее на батарейках радио, Роберт и Женя слушали последние сводки о трагедии во всем мире...

Ливневые дожди.

Как они могли распространиться одновременно по всему земному шару? Для всех ответ на этот вопрос оставался неразрешимой загадкой.

Силы властей были брошены на спасение людей в больших городах. Про маленькие и отдалённые населённые пункты они забыли. Роберт с Женей решили отбросить попытки выбраться. Это было бесполезно. В других местах творилось то же самое. Паводки и оползни... Весь мир накрывало нескончаемым дождём. Мир исчезал.

Когда Роберт понял, что им, возможно, осталось всего несколько дней, он сел за стол, зажёл свечку и раскрыл уже третью тетрадь. Он продолжал делать записи. Словно оставлял кому-то послания. Тем, кто будет после него...

Но в этот раз он решил отойти от привычной манеры художественного повествования. Решил сделать запись как бы от себя, от автора данного произведения. Взяв ручку, Роберт посмотрел на спящих Женю с Авророй и долго не отрывал от них взгляда, понимая, что это, пожалуй, одна из самых прекрасных сцен, которые он когда-либо в своей жизни видел...

Потом он повернулся к тетради и стал записывать:

Я нахожусь под крышей, об которую ежеминутно разбиваются миллионы капель дождя. Кругом, куда ни присмотришься, — уже вода. Я — словно Ной, но только без ковчега. Вместо него — пристанище души, в котором за последние дни поместилось так много всего. Да и будь у меня настоящий ковчег, терзала бы совесть, что я спасусь, а другие — нет. А так — всё по-честному. Наконец-то справедливость накроет всех своим равномерным потоком...

Никто не ожидал этих дождей. Все мы оказались не у дел. Но мне не страшно. Я вместе с теми людьми, с кем и должен быть. Кто знает, может, истинный конец света наступил уже давно, и мы все умерли, но не заметили этого, по привычке думая, что продолжаем жить дальше? А нескончаемый дождь необходим, чтобы напомнить нам об этом?

Не знаю. Наверное, до приезда сюда, у меня так и было. Я бродил во тьме своего личного конца света. Я так долго боролся с собой. Все эти годы не обращал внимания на то, что лилось из меня наружу. Это любовь. К Жене. И стремление к своей мечте — быть с ней. Быть собой настоящим. Счастливым...

С ранних лет эта мечта жила во мне, но так и оставалась внутри. И от этого весь мир казался мне каким-то недоделанным. Сейчас же, когда весь мир рушится, мне он кажется куда гармоничнее и прекраснее. Та ещё ирония, правда?

Это правда, теперь, когда я вернулся сюда, всё встало на свои места. Всё так, как и должно быть.

Когда я смотрю на этот бесконечный дождь, мне хочется только одного. Снова, как когда-то детьми, бежать с ней по утренней летней росе, жадно впитывать в кожу и сердце первые лучики восходящего солнца, видеть блеск в её глазах и замирать от жарких объятий. Замирать от восторженного чувства, что лето не кончится никогда! Радоваться этой пьянящей жизни и позволить Всему Просто Быть. Просто смириться. Хоть раз смириться со страданиями и смертью, что источает реальность каждый день вокруг нас, и отпустить их.

Всё. Это всё кончается. Всё смывает водой. Теперь нет смысла горевать о страданиях. Прежний мир будет навсегда погребён под тоннами воды...

Теперь, когда я снова с ней рядом, я чувствую, что могу стать счастливым. По-настоящему. И засиять гораздо ярче. Нужно лишь отчаянно, до дрожи в теле, всем сердцем верить в это. Верить в любовь, вечную и неизменно окутывающую всю Вселенную...

У многих из нас, пожалуй, потоны уже случались. Когда в наши хрупкие и построенные на искренне-чистых помыслах и мечтах души со скоростью в один короткий вдох влетали каменные глыбы неудач и коварных подножек судьбы. А дальше — сплошные блуждания во тьме в надежде выйти на свет...

Люди-фонари иногда встречаются на нашем пути. Они помогают нам. Но пора бы задуматься о том, что каждую секунду вечности мы сами являемся этими фонарями. И способны сами осветить себе дорогу, которую мы выбрали.

Возможно, мы и не сможем слиться с другими, раствориться в едином свете, но свой путь осветить — нам под силу. И это всё, что нужно.

Всё, что нам было нужно...

Но вот новому миру — если он когда-нибудь возродится на наших «могилах» — этого будет мало. Ему нужно будет сделать что-то гораздо большее. Что-то гораздо доброе и чистое, чтобы не наступить на те же грабли. О, да! Ему нужно будет сделать ВСЁ по-другому!

Я оставляю это послание тем, кто в будущем сможет его найти (хотя, конечно же, этому не бывать — бумага первой «умрёт» от воды). Поэтому я, помимо тетрадных страниц, вписываю данное послание в само пространство и время:

— Создайте новый мир! Создайте гармоничный мир! Я призываю вас. Я кричу вам из своей погружающейся в небытие эпохи:

ВЫ СМОЖЕТЕ!

*ВЫ СОЗРЕЛИ ДЛЯ ЭТОГО!
ВЫ ЗАСЛУЖИВАЕТЕ ЭТОГО!*

А мы, последние жители планеты Земля, будем освобождать вам место. Ведь наше время ушло. Но при этом мы всё равно будем отчаянно, до последнего удара сердца, до самой смерти верить в счастливый конец.

Ведь это неотъемлемое свойство всех людей — до последнего верить во что-то лучшее. И так хочется, чтобы это самое свойство оказалось не просто утешением для наших истощённых душ. Пусть окажется так, что это — великий знак нам от внутренней истины.

Знак, что однажды... так всё и будет.

[21]

Роберт остановился и посмотрел в большое окно. На взлётной полосе моросил дождик. Отсюда, изнутри, аэропорт казался таким маленьким, беззащитным, что ли. Тучи захватили небо и словно решили отправить к земле разведчиков — капли дождя. Те разбивались о ровную поверхность взлётно-посадочной полосы, о чём-то сильно напоминая Роберту...

Словно о каком-то забытом сне. Сне, в котором он вернулся в родной край, где встретил прекрасную подругу детства — Женю. Там начался дождь, не останавливающийся ни на минуту. Укрываясь в доме, они фантазировали, что нескончаемым потоком приходящей воды накрывало всю планету. Реки, моря, океаны выходили из своих берегов, застилая собой материки... И он, находясь под впечатлением от многообразия испытываемых чувств, писал про это книгу.

Но ведь это не сон, подумал Роберт. Это ведь... *было*. Он действительно написал книгу. И совсем неожиданно она была принята одним из крупнейших издательств страны и в очень короткий срок стала популярной. Так у Роберта началась совершенно иная жизнь. Жизнь, в которой он пребывал и по сей день.

Его литературный триумф был окутан для него тайной. Некогда юный журналист — теперь вдруг превратился в известнейшего писателя. В столь молодом возрасте добиться такого не удавалось ещё никому из современных литераторов страны.

«Но ведь это не сон, — всё стоял у окна и думал Роберт — Ведь это же...»

— Эй, дружище? — раздался позади него голос.

Роберт повернулся. Это был его хороший приятель.

— Смотри-ка, что тут про тебя в газете пишут! Сам Винский! Слушай! — Приятель развернул газету и стал ему читать: — «Невероятно чувственно автор приоткрывает нам дверцу в удивительный мир Эйрену, который он назвал в честь древнегреческой богини мира. Эйрена — как некий идеал человеческого общества. И действительно: мы получаем историю о мирном мире, из которого исчезло всё людское страдание. Но при этом — исчез и весь прежний мир. Материки ушли под воду, и лишь крошечные островки остались на поверхности планеты, состоящей на 99,9 % из воды. На этих маленьких островках — последние представители человечества, выжившие после Великого Наводнения. Или точнее — *первые* представители новой цивилизации!

И всю надежду автор возложил именно на следующие поколения, рождающиеся после этого глобального для планеты события. Именно они, по его мнению, должны привести мир к новой эпохе, к процветанию, всеобщей гармонии. Чтобы однажды построить новый, совершенно новый, переосмысленный, трансформированный Эдем. А успех всего этого всецело зависит от простых молодых людей, которые принимают сами важнейший выбор в своей жизни и жизни планеты: либо идти новым, созидательным путём, либо вернуться к старым устоям и повторить ошибки своих предков.

Однажды страдание должно полностью закончиться — такова основная идея книги «Эйрена. Мир после нас». Отсылки к библейским писаниям, чувственно-лиричное повествование, масштабная, эпическая атмосфера глобальных перемен в мире и в душевной организации всего человечества — всё это, пожалуй, позволит книге молодого писателя Роберта Ланина на долгие десятилетия — если не дольше — уверенно расположиться в ряду лучших российских писателей двадцатого века». Видал?! *Если не дольше!* И это сам Винский! Да что ж ты хмурый-то такой, а?

— Всё нормально... Да, здорово. Хороший отзыв.

— «Хороший отзыв»?! Это всё, что ты можешь сказать?! Ох, Роберт! Я, конечно, понимаю: писатели должны быть странными, — но не настолько же!

Роберт, слабо улыбнувшись, хлопнул приятеля по плечу.

— Спасибо тебе за приятную новость.

— Да чего уж там, — махнул рукой тот. — Ладно. Далеко не отходи. Сейчас регистрация начнётся. А я пока схожу за водичкой. Аж в горле пересохло от этого Винского! *Если не дольше!* Вот Винский!..

Приятель отошёл, а Роберт ещё несколько мгновений стоял у окна. Затем вздохнул и не спеша двинулся в сторону стойки регистрации пассажиров. Внезапно он почувствовал, что проходит мимо лавки цветов — примечательный аромат. Роберт остановился и бросил взгляд на золотистый цветок.

— Это...

— Хризантемы?! — энергичным голосом предложила продавщица. — Символизирует трепетную любовь! Будете брать?

— Трепетную любовь... — отчуждённо повторил Роберт. И неожиданно впал в глубокие раздумья.

— Брать-то будете?

Роберт вполголоса ответил:

— Одну...

Продавщица вытянула из букета самую пышную хризантему и дала ему. В этот хмурый августовский день ярко-жёлтый цветок выглядел ирреально.

Роберт отошёл от цветочной лавки и сел на свободную металлическую скамью. Рядом положил небольшую сумку и дипломат, в котором вёз копию своей книги и прочие необходимые документы. Всё его внимание было сосредоточено только на «солнечной» хризантеме.

«Она цветёт почти всю осень. И ей не страшны заморозки», — вдруг пронеслись слова в его сознании. Роберт махнул головой, словно отбиваясь от наваждения. Что происходит? Цветок, как и моросящий дождь, будто напомнил о каком-то сне... Но ведь это был не сон!

Неожиданно к глазам Роберта подступили слёзы. Точно как тогда, когда он шёл к *ней* по тихим улочкам деревни...

Он потянулся к своему дипломату и, открыв его, из маленького бокового кармашка вынул конверт с письмом. Его собственное письмо. Написанное несколько месяцев назад, но так и не отправленное...

Роберт медленно вынул из конверта несколько сложенных листочков. Развернув их, он, со слегка дрожащими руками и влажными глазами, принялся скользить взглядом по строчкам.

Жень.

Моя мастерица цветов...

Ты говорила, что в человеке несомненно присутствует «частица счастья». Та самая, которая есть в нём несмотря ни на что. Та самая, которая может указать ему истинный путь, к счастью.

Эта мысль до сих пор не даёт мне покоя. Не давала покоя и когда мы были вместе. «Эйрена» стала её результатом. Я поверил. Истинно и искренне впитал это в себя. И — излил в виде книги. В ней немногочисленные выжившие смогли обратиться к этой самой частице. Осознать её в себе и раскрыть.

Так они начали создавать новый мир. Без войн. Без страха. Без насилия. И самое главное, Жень, самое главное, от чего у меня даже слёзы наворачиваются, — без страдания.

Мир без страдания.

Утопия?.. Несомненно. Утопительная утопия утопительных масштабов. Но такая манящая, согласись, Жень?.. Такая же прекрасная, как человеческая черта — во всём до последнего находить что-то светлое и обнадеживающее, даже когда вокруг сплошной мрак. И ты заразила меня этим. Мутировала мою клеточную структуру. И этого хватило, чтобы создать эту книгу.

Но не знаю, хватит ли этого для меня самого... Для моей собственной жизни. Я не знаю, сколько ещё пройдет времени, сколько его должно пройти, чтобы я хоть чуть и в самом себе раскрыл эту самую «частицу».

Может быть, поэтому я до сих пор так далеко от тебя?

Может, поэтому ту зиму, обещанную совместную зиму, ты провела без меня?..

Именно тогда и создавалась Эйрена... Новый мир в моей душе. И к которому так стремилась сама моя душа! В который уверовал я, словно в единственное спасение всей своей жизни.

Эта книга стала для меня всем. Мне даже начало казаться, что я пришёл на этот свет только для того, чтобы рассказать людям об Эйрене. О том возможном будущем, к которому однажды люди смогут прикоснуться. В котором смогут стать одним целым. Включить свои огни и объединить их с другими огнями. Стать единым светом. Единством. Без разрозненности и конфликтов.

Книга стала чем-то вроде бомбы. Взорвалась на всю страну и не только. Я даже не успел заметить, как это началось. Я был буквально выброшен в вихрь событий: издательство, редакторы, критики, интервью... Я даже и не мог мечтать о таком дебюте! Это что-то немыслимое. Это что-то сверх меня.

Иногда в такие моменты я словно замираю на несколько мгновений и думаю: наверное, это и есть знак, что Эйрена должна была появиться на свет. И —

именно сейчас. Чтобы будущие поколения смогли задуматься о том пути, куда мы все движемся. Куда движется всё человечество.

И я сказал, куда.

К миру без страданий.

К миру, в котором будет царствовать мир.

В котором люди сольются в один единый источник света.

И это будет рай. И он возможен. В это поверили читатели. В своих сердцах. И я этому бесконечно рад. Рад, что смог стать частью этого масштабного и порой не поддающемуся понимаю процесса.

Женя...

Но, пожалуй, я не сделал самого главного. Не изменил что-то в себе. Я абсолютно не понимаю, что сейчас со мной происходит. Я чувствую себя в объятиях чего-то большего. Того, что ведёт меня, чтобы показать изнанку страдания и глубину происходящих в мире процессов. Чтобы потом я мог передать всё это другим. Это как бы высшее предназначение, понимаешь?

Не знаю, Жень... Возможно, у меня просто разыгрался нарциссизм на фоне ошеломительного успеха. Но... я не могу противиться всему этому. Оно сильнее меня.

Когда я вижу дождь, Жень, мне сразу же представляются твои слёзы. Я знаю: тебе одиноко. Именно этот образ живёт в моей душе. Ты печалишься, что как только дождь закончится, я уеду от тебя. И поэтому в моём воображении продлеваешь его своими солёными слезами и обнимаешь меня дрожащими руками.

Знаешь, Жень... Я очень часто вспоминаю тот день, когда мы с тобой заблудились в лесу. Ты говорила, что тоже его помнишь. Стояла поздняя осень, начался ливень, и мы, заплутав, абсолютно не знали, как выбраться из леса. Нам было всего по восемь лет.

Ты от страха и холода прижалась ко мне и начала тихо плакать. Я был маленький, и не знал, как тебя успокоить. И тогда я выбрал самое первое, что пришло мне в голову — я стал плакать вместе с тобой. Я разделил твоё страдание, ведь не знал, как можно изменить его.

И, посмотрев на мои слёзы, ты вдруг сказала:

— Не плачь, Роберт.

— А я и не плачу, — ответил я тут же, помнишь? — Это — твои слёзы.

— Ты плачешь моими слезами? — очень удивилась ты.

— Да. Чтобы тебе было не так страшно.

Тогда ты улыбнулась и перестала бояться. И мы, взявшись за руки, пошли. Просто пошли, промокая до ниточки, искать дорогу домой. И мы её нашли!

Именно в тот день, Жень, мы с тобой и полюбили дождь. Именно после этого случая мы, как только тучи нависали над деревней, снова бежали в лес. Мы

играли с дождём, пока не промокнем до ниточки. Мы общались с ним, как с нашим общим другом. Как с нашим ангелом. И он хранил нас в этом лесу. И мне кажется, он даже слушал нас. Наши с тобой сердца. Он понимал нас. И именно он спустя много лет снова подарил нам друг друга. Тем незабываемым августом. Чтобы мы могли многое для себя понять. Увидеть глубину своих душ и осознать, куда же двигаться дальше.

«Эйрена» — плод того дождя.

Жень...

Правильно ли я тогда поступил?

У меня нет на это ответа.

Но иногда, открыв утром свои глаза, я чувствую, будто я снова рядом с тобой. И это даже не сон. Это что-то большее.

...Снег идёт. Вот я тихо стою и смотрю сквозь беспросветность. И вдалеке замечаю фонарь, ярко излучающий белый свет. Медленным шагом иду к нему. В голове абсолютно никаких мыслей. Прохожу сквозь морозный воздух, но мне от него тепло, чем когда бы то ни было. Ведь впереди на пути показался домик. Знакомый душе домик, у окна которого сидишь ты, одетая в белый шерстяной свитер и укутанная такой же белой шалью, и греешь руки об кружку горячего чая, глядя вдаль, где сплошные белые цвета.

Уж не о таких ли белых полосах в своей жизни ты мечтала? Не о такой ли прекрасной успокаивающей зиме?..

Я прибавляю шаг и уже могу прикоснуться к покрытой инеем калитке. Ещё пару шагов и...

Останавливаюсь.

Мы соединяемся взглядами и, словно замороженные этим, теряем все мотивы своих действий.

«Ты вернулся...» — шепчешь ты, не обращая внимания на выскользнувшую из рук кружку.

«Теперь, Жень, навсегда», — шепчу я тебе в ответ.

...Роберт открыл глаза.

Он полусонно оглядел оживлённый зал аэропорта и потёр глаза. Аккуратно положив хризантему на соседнее кресло, он встал и снова подошёл к огромному окну. Сквозь морозящий дождь были видны самолёты и крошечные фигурки людей в униформе.

Там, где-то за далёким горизонтом, его ждали толпы читателей. Новые места. События. Открытия. Ещё много книг ему нужно написать. Ещё столько всего сказать!

Да. Он здесь. В этой действительности. И мир — просто есть. И он — часть него. Несмотря ни на что.

Роберт глубоко вздохнул и понял, что пора на посадку. Его приятель уже дожидался его.

Он взял дипломат с сумкой и двинулся к стойке регистрации. Однако через несколько шагов вдруг остановился и обернулся. Обернулся, чтобы в последний раз увидеть цветок, лежавший на пустой металлической скамье. Жёлтая хризантема...

*Скоро осень.
Никогда не сдавайся.*

...В это самое время, в одной из деревень России, на веранде своего дома в кресле сидела девушка. К ней подбежала девочка.

— Ма-ам! Ма-ам! А почему Буся не плиходит?

Девушка оторвалась от книги и с умилением взглянула на свою дочь.

— Она... А она ведь наконец-то стала свободной, Милая!

— Свободной?

— Да. Она... убежала в Козочкины Края и теперь живёт там с другими козочками!

— Это потому что у неё халактел такой?

— Характер? Ну... можно и так сказать!

— Ей там холошо?

— Я думаю, что хорошо, Дорогая. Как никогда раньше.

— Скучно без Буси... Но лаз она стала свободной, то пусть бегают. Но всё лавно она дулочка!

Мать засмеялась, глядя дочку по голове. Затем девочка побежала в сад перед домом и стала подбрасывать высоко мячик и пытаться ловить его. Девушка, с тихой радостью и спокойствием, наблюдала за ней, сжимая в руках книгу «Эйрена. Мир после нас». Она открыла заключительную главу и погрузилась в чтение.

Когда дочитала последнюю строчку романа, девушка подняла голову и снова взглянула на дочь. Та уже сидела на земле и пристально-пристально глядела ей в глаза. А затем произнесла:

— Всё будет холошо, мама.

Мать тут же зарыдала.

Так эти слова были своевременны! Слова родного маленького человечка!

— Всё будет холошо, как у Буси! У неё холошо, и у нас будет так же!

— Конечно, Милая! Конечно, всё будет хорошо! — вытирая слёзы, улыбнулась мать. — У нас с тобой всё будет хорошо!

— А почему ты плачешь, мам? — вскочила дочь и, запрыгнув маме на колени, крепко её обняла. — Почему?

— Потому что люблю тебя, Чудо моё! Потому что люблю этот мир!

— А дядю Ло?

— И дядю Ро!

— А он к нам ещё плиедет?

— Кто знает, Милая. Он теперь большой писатель. Если судьба так распорядится, то, возможно, когда-нибудь он ещё навестит нас. Давай пожелаем ему большой удачи. Он делает очень важное дело. Для всех будущих поколений. Для всей нашей планеты. Пусть у него всё получится!

— Я очень хочу, чтобы он плиехал снова, мам! Я ему кое-что не сказала.

— И что же ты ему не сказала, Милая?

— Что я его тоже сильно люблю!

Мать, рассмеявшись, крепче прижала к себе дочь. И, взглянув на ясное августовское вечернее небо, пока слеза катилась по её щеке, едва слышно прошептала:

Свети, Роберт.

Свети!

Часть четвёртая

ЭЙРЕНА

[22]

— Это была ты...

Ева поднялась с моих колен и встала в полный рост.

— Это была ты... — растерянно повторил я. — В том фильме... Это ты играла в «Играх с дождём». Ты — та самая Женя... Как же я сразу тебя не узнал...

Промолчав, Ева стала вылезать из ямы. Не без труда. Весь её сарафан полностью замарался землёй.

Шёл дождь. Тучи окончательно настигли остров и теперь располагались прямо над ним. Всё небо затянуло безысходной тёмной серостью. Солнце бесследно сгнуло за этой плотной завесой.

Да. Всё менялось. И небо. И остров. И моё состояние. И, конечно же, Ева. Всё летело к чертям. Ах да — не к чертям, а — *к ангелам*. Всё летело к ангелам!

Но вот только это ничего не меняло. Абсолютно. Неизбежно близилось что-то ужасное, и вряд ли образ ангелов мог это предотвратить.

Я тоже вылез из ямы и помчался за Евой, быстро шагавшей к воде.

— Я хочу задать свой второй вопрос!

Ева вдруг повернулась и иронично ухмыльнулась:

— Рискнешь, Роман. Потом ведь всего один останется. Не боишься?

— Сама ведь говорила, что времени мало!

— А так его может стать ещё меньше.

— Плевать! Итак, мой второй вопрос... *Ты беременна?*

На лице Евы отразился испуг. Нескрываемый, выразительный. Она опустила взгляд на свой живот, увеличение которого я уже не мог не замечать.

— Значит, это правда... — нерешительно произнесла Ева, осторожно дотронувшись пальцами до живота.

— Так, теперь послушай меня! — Я взял в свои руки обе её руки и серьёзно посмотрел ей в глаза. — Ева. Я сделаю нашу яму ещё глубже. И если с моря начнёт приходить вода, она будет стекать туда, пока мы будем на поверхности. Так мы сможем продержаться дольше. А когда дождь закончится — я уверен, он обязательно закончится! — всё станет как прежде. И тогда мы снова...

— Ничего не поможет... — тихо перебила Ева, медленно качая головой. — Уже совсем *ничего*, как ты не понимаешь...

— Но я не хочу терять тебя. Нас. Я буду бороться!

— Поздно! — вдруг раздражённо вскрикнула Ева, вырвав свои руки из моих. Не отводя глаз от своего живота, она развернулась и снова двинулась к воде. И через несколько мгновений на ходу произнесла:

— *Время отдавать долги, Роман. Время петь песню слёз.*

Что?..

Песню слёз?

— Я не согласен! Я НЕ СОГЛАСЕН! Это мой остров! Я здесь главный, понятно? И я сделаю всё, чтобы стало как раньше! Мне наплевать на то, что ты мне тут говоришь! Я буду рыть! Рыть, пока кровь из рук не потечёт, поняла?!

Сильно разозлившись, я развернулся и побежал к яме. Спрыгнув в неё, принялся рыть. Правда, теперь это выходило куда сложнее. Приходилось каждый раз полностью вставать на ноги, чтобы выгрузить влажную землю из ямы. Эти дополнительные действия требовали лишних сил.

Но я рыл. Рыл, не прерываясь. Не знаю, сколько времени прошло. Но вскоре я уже с трудом доставал ладонями до верхних краёв ямы. Мне даже пришлось сделать что-то наподобие лестницы, некий склон, чтобы из неё выбираться.

Я продолжал. Не останавливаясь ни на минуту. Копал в бешеном ритме. Яма становилась чрезвычайно глубокой. Такой же, как, пожалуй, могила на похоронах Виктории. Да, похоже, я действительно рыл себе могилу...

Несколько раз мне мерещилась чёрная бабочка. Она порхала где-то сбоку от меня, пока я усердно трудился, но только я поворачивал голову и присматривался — исчезала.

Дождь усиливался. И становился всё больше похожим на тот, что в «Играх с дождём»... Эх, мне бы сюда ковчег. Но не построить его здесь. Не из чего. Да и этот остров — он ведь и был моим собственным ковчегом! Местом моего спасения. И в нём я чувствовал себя наипрекраснейше. Почему же всё стало рушиться? Почему?!

Время отдавать долги.

«Чёрт... Чёрт! И ещё раз чёрт! — трещали мысли в моей голове. — Я не хочу никому ничего отдавать! Пошли все к чёрту! Проклятый дождь, оставь мой остров в покое! Не забирай у меня последнее!»

— Э-э-э-эй! — крикнул я, что есть сил. — Ты та-а-а-а-а-м?

Через несколько мгновений наверху мелькнул кусочек красной ткани.

Там.

— А что со мной было дальше, узнать не хочешь?

Молчание.

И — лишь звук падающих на землю капель.

Я понял: ответ — положительный.

[23]

Чем дольше я оставался в Южном Залиново, тем сильнее оттягивал своё возвращение к пещере. Эти ласки Ники, её грустный голос, понимающий взгляд... я начинал привыкать ко всему этому. Впрочем, последние страницы дневника Виктории вернули всё на свои места...

Тем же вечером, после просмотра «Игр с дождём» и чаепития с королевской ватрушкой, Ника осталась на кухне мыть посуду, сказав, что приготовит сейчас что-нибудь ещё. Я решил, что это хорошая возможность дочитать дневник. Я сел у печи, положил тетрадку на колени и открыл последнюю запись, сделанную Викторией за два дня до смерти.

8 октября

В последние дни мне кажется, что абсолютно весь мир ополчился против меня. Как будто каждый злобно смотрит в мою сторону. В автобусе, на работе, в подъезде... Может, я уже схожу с ума?

Сегодня утром я случайно уронила на остановке сумочку. В этот самый момент рядом проходил какой-то парень. Внезапно он шагнул в мою сторону, и я подумала: чтобы помочь поднять сумку. Оказывается, чтобы сказать, что я криворукая. И затем с усмешкой пошёл дальше.

Я чуть не расплакалась прямо там.

Какое он имел право так мне говорить? Даже если, допустим, и был пьян. Что я ему сделала? Что вообще происходит? Как будто всё, что я делаю, — неверно, ошибочно. Будто всё вокруг рождает только негативные последствия.

Я очень устала. Чёртова осень. Снова всё повторяется из года в год. На работе тоже всё валится из рук. За последние две недели я разбила три чашки и четыре тарелки. Причём — уже наполненные и предназначавшиеся для гостей. Теперь, когда я подхожу к поварам за заказом, они уже открыто и язвительно мне говорят, чтобы я не грохнулась где-нибудь по пути. Козлы поганые.

И ещё теперь я, кажется, действительно зависима от выпивки.

Раньше я отгоняла от себя эту мысль. Как, наверное, её отгоняет каждый алкоголик, обосновывая свои регулярные выпивания нелепыми доводами. Но если до этого я пила, чтобы заглушить боль и мысли, то теперь чувство лёгкого опьянения начало требоваться мне и на работе. Теперь я стала выпивать даже там.

Это произошло вчера. И совершенно спонтанно. После хорошо погулявшей толпы осталась полная открытая бутылка шампанского. Я взяла её вместе с грязной посудой и, сама того не сознавая, спрятала под стол, на котором всегда хранится чистая посуда, которую мы, официанты, в свободное от обслуживания время натираем до блеска. Избавляться от целой бутылки мне было очень жалко.

Поскольку домой я обычно возвращаюсь в два или три ночи, до конца рабочего дня ещё оставалась куча времени. А тоска в душе сидела сумасшедшая. И вот, когда никого в том помещении не оказалось, я достала эту бутылку и быстро сделала пять глотков. Затем снова её спрятала и пошла работать, забросив в рот жвачку. Через какое-то время повторила процесс.

А работать и правда сразу же стало веселее! Плохое настроение и апатия исчезли, время стало бежать вперёд. И я всё больше предвкушала окончание рабочего дня и всё больше контактировала с бутылкой. Скоро она стала пустой. Я её выбросила и постаралась сбить запах изо рта новыми жвачками. И, что самое забавное, никто ничего не заметил. Ни менеджер, ни официанты, ни бармены, ни придурочные повара. До конца рабочего дня я буквально летала, как бабочка в летнем поле.

После смены нас всех по домам развозит такси. Так же было и в этот раз. Когда я осталась с водителем в машине вдвоём, то мы с ним разговорились. Через

полчаса он уже сидел у меня на кухне, и я снова — но только теперь вместе с ним — пила шампанское. Правда вскоре вдруг опомнилась.

«Какого чёрта происходит? — зашевелилась мысль в моей пьяной голове. — Сейчас просто секс, и завтра тоже с кем-то просто секс, и так до конца жизни?»

Тут что-то во мне всё-таки щёлкнуло. И я незамедлительно стала его выпроваживать. Но уходить он не захотел. Начал приставать. Может, я была слишком пьяной на тот момент и походила на последнюю девку, но он твёрдо решил довести дело до конца.

Я ударила его по лицу кулаком. Он ответил мне сильной пощёчиной. После этого я упала на пол, громко закричала, зовя на помощь, и заплакала. Только тогда он ушёл.

Но на самом деле плакать мне не хотелось. Я сделала это специально, чтобы только эта скотина свалила. Когда сразу после случившегося я села в комнате, я не могла пустить даже крошечной слезинки. Внутри меня уже ничего не шевелилось. Наверное — та самая черта, преодолев которую ты окончательно превращаешься в ничтожество.

Что же это за собачья жизнь такая, а? Где моя изначальная чистота души, которую я в себе столько лет чаяла, мечтала развивать и дарить этому миру безвозмездно? Где всё это великое?

Наверное, этого «великого» никогда на самом деле и не существовало... Наверное, это была всего лишь моя глупая попытка вырваться из тщетной реальности в мир грёз.

Как же мне сейчас хочется, чтобы кто-нибудь был рядом. Чтобы кто-нибудь обнял и сказал, что всё будет нормально. Про «хорошо» даже не заикаюсь. Мне бы просто чтобы всё было нормально!

Банальные слова, но именно их мне не хватает сейчас больше всего. Так хочется почувствовать себя в чьих-нибудь крепких и надёжных руках. Но никого нет. Есть только люди-минутки, которые появляются в твоей жизни и тут же из неё исчезают. Они поверхностны. С ними никогда не будет глубинного чувства безопасности.

Ещё я заметила, что теперь боюсь смотреть в зеркало. Моё лицо сильно изменилось. Раньше я считала себя симпатичной, а сейчас всё больше становлюсь какой-то уродливой. Даже грудь как будто стала меньше. Она и так, по сравнению с Никой, всегда была микроскопической, но теперь это просто ужас.

И кому я нужна такая в этом городе? Город... ненавижу его! Будь он проклят! Я уже прокляла его сто миллионов раз, но день ото дня он всё такой же

и ни капли не меняется. Хотя нет, меняется! Становится с убедительной регулярностью хуже.

А может, я действительно просто схожу с ума, а? Может, мне нужно прекратить пить? Нет... пить я прекратить не смогу. Завтра же, несмотря ни на какие внутренние ограничения, меня машинально занесёт в ближайший супермаркет в винно-водочный отдел. Кассирша меня уже знает и позволяет себе весёлую ухмылку, когда я прохожу её кассу. «Что, снова нахрюкаешься сегодня в говно?» — говорит её взгляд. Так и хочется взять эту самую бутылку и треснуть со всей силы по её ехидному личику... Гадина поганая!

Я стала агрессивной. Это ещё одно из многих моих открытий за последнее время. Раньше я верила в людей. Сейчас — ненавижу. Всех. И себя. Конечно же, и себя.

Мне срочно нужно что-то делать. Я уже не могу больше выносить этого. Но что делать? Что? Наверное, первым делом нужно разобраться в том, чего же мне сейчас хочется больше всего. Но тут и думать не надо. Я знаю, чего.

Мне хочется домой.

К маме и Нике. С ними мне было бы не так страшно.

Пожалуй, теперь мне уже нечего терять. Пора возвращаться. Пора всё рассказать им...

Завтра же уволюсь с этой грёбаной работы. Хватит! Хватит уже с меня! Потом соберу некоторые вещи и отправлюсь на вокзал. Приеду домой без звонка. Вот они удивятся!

Кажется, полегчало...

Да, да! Ещё как полегчало! Ведь я еду домой! К маме и сестре! УРАААА!!!

*Безумно истощённая,
но не теряющая последнюю надежду,
Виктория*

...Дочитав последнюю страницу, в которой строчки наползали одна на другую, а почерк плёлся пьяной походкой, я откинул голову к стене.

Вот так.

Я получал домашнее тепло и заботу там, где их должна была сейчас получать Виктория. Это она должна была приехать в этот маленький домик и

жить здесь. Это она должна была кушать королевскую ватрушку и пить травяной чай. Но вместо этого она лежит сейчас в земле и гниёт.

Так что же я здесь делаю? Какой же я, получается, после всего этого урод. Урод, урод, урод!

— У тебя всё хорошо?.. — возникла передо мной напуганная Ника.

Оказывается, я плакал.

— Что, если я скажу тебе, кто виновен в смерти Виктории? — Я поднял взгляд к её лицу.

Ника медленно присела рядом и, тревожно глядя то на меня, то на тетрадь, лежавшую на моих коленях, взяла мою руку.

— Роман... о чём ты?

— Мы ехали в одном автобусе! — продолжал я, не отрывая взгляда от растерянных глаз Ники. — В тот момент я чувствовал себя плохо, у меня текло кровь. А твоя сестра... она, по всей видимости, захотела мне как-то помочь. И подошла. Но в ответ на её попытку узнать, что со мной, я... накричал на неё. Грубо и жестоко. А затем ещё и указал ей неверную остановку. Автовокзал был не там, где она вышла! Она растерялась после моего поступка, после моей грубости, поэтому и вышла не там, где нужно. Она сделала это только из-за меня. И уже потом её и сбила та машина... Но всё это — исключительно из-за меня. Из-за меня, слышишь ты, дура?! **ОНА УМЕРЛА ИЗ-ЗА МЕНЯ!**

Ника побледнела. Глаза её стали влажными.

— А ты говорила, что я хороший! Видишь теперь, какой я? Видишь?! Я уже давным-давно прогнил и не имею права жить!

— Не говори так! — Ника замотала головой, и первая слезинка покатилась по её щеке. — Ты ведь ехал в тот день к мосту, чтобы покончить с собой, верно? — Она прислонила свою холодную ладонь мне к щеке. — Значит, смерть Вики была не напрасной... Ведь ты не сделал с собой то, что собирался. Ты мне ничего о себе не рассказываешь, но я вижу, что ты не хочешь жить... Поэтому я и пыталась задержать тебя здесь. Я боюсь за тебя. Переживаю. И ты мне нужен, Роман... очень нужен. И я не знаю... не знаю, как на всё это реагировать...

— Это ничего не меняет! — Я резко убрал её руку со своего лица, отсаживаясь подальше.

В эту самую минуту, я боялся, что она может обнулить моё намерение. Что я могу сдать. И тогда бы я остался совсем ни с чем. А это хуже всего.

Ведь в этом случае я стал бы лёгкой добычей для своих мыслей. А они бы не дали мне даже дышать...

— Завтра я уезжаю, — сказал я.

— Нет! — Ника вцепилась в мою рубашку. — Пожалуйста, Роман! Ты мне нужен... очень нужен...

Я стал сердито высвобождаться из её рук. Но обхватила она меня сильно. Я всё вырывался, делая Нике больно и из последних сил сдерживая в себе сверхчеловеческое желание крепко обнять её в ответ. Так мне этого хотелось. Так это всё могло изменить...

Ника повалила меня на пол. И, закинув сверху ногу, прижалась ко мне, стараясь не позволить мне встать и хоть как-то изменить своего положения. Затем уткнулась лицом в мою шею. Там сразу же стало мокро от её слёз.

Ещё никто в моей жизни не делал этого для меня.

Никогда ещё я так сильно не был кому-то нужен.

И это меня угнетало. Это заставляло меня злиться на самого себя. «Кому ты ещё ломаешь жизнь, прежде чем уже сдохнешь сам?!» — яростно твердили мне мысли.

Ника всхлипывала и дрожала, как маленький ребёнок, которого обидели. Да ведь она и была этим самым ребёнком! И я... я тоже. Мы были маленькими детьми с бездной непрощённости в груди. Мы выросли, а бездна так и осталась внутри.

Но когда я вместе с Никой, понимал я, мне уже не так страшно...

Спустя какое-то время я остыл. И стал гладить плачущую Нику по руке, которой она меня обняла. Потом привстал, поднял её и положил на кровать. Сам лёг рядом. Так мы лежали до самого утра.

Даже во сне Ника не отпускала меня. Иногда сквозь сон она вздрагивала и снова прижималась лицом к моей шее. Лишь глубокой ночью один раз она встала и сходила на кухню. Наверное, попить воды. Я в это время снял с себя одежду: в доме благодаря печи стало жарко. Когда Ника вернулась, какое-то время она просто сидела со мной рядом. Затем снова легла, прижавшись ко мне.

А я никак не мог уснуть. Всё смотрел в потолок и видел лишь Викторию. Её растерянный взгляд, когда она переходила дорогу...

Рано утром, когда ещё не рассвело, я тихонько встал и оделся. Взяв лишь тысячу рублей на дорогу, я положил все свои оставшиеся деньги и

дневник Виктории на кухонный стол. Напоследок посмотрел на спящую Нику. Затем вышел из дома и отправился под дождём на вокзал.

И только когда сел в автобус, обнаружил в заднем кармане джинсов маленькую бумажку. Записка от Ники.

Роман, я хочу, чтобы ты кое-что знал. Для меня никакой глубокой философии в твоём любимом фильме не оказалось. И может, ты этого и не понял, но смысл там только в одном. В том, что мужчины должны возвращаться. Обязательно должны...

*

Когда я вошёл в комнату Исакова, он сидел на полу и паял какую-то микросхему. Он мельком взглянул на меня и снова переключился на работу.

— И где ты был? — спросил он.

— Возникли дела.

— Ничего себе дела на пять дней! — усмехнулся он. — Вещи оставил, а самого и след простыл. Как это вообще понимать, Роман? Я тебе тут место пробиваю, а ты даже словом не обмолвился и куда-то свалил.

— Прости.

Ещё раз взглянув на меня, на этот раз чуть дольше, раздражённое выражение лица Исакова сменилось более спокойным.

— Ладно, — вздохнул он. — Смотри, что я сделал. Теперь подобного коллапса не повтори...

— Можешь мне помочь? — перебил я его.

— Чем? — Он удивлённо посмотрел на меня.

— Подскажи, как можно поддержать одну семью с помощью твоих штучек.

— «Штучек»?

— Ну... эзотерика там всякая. Есть какой-нибудь действенный способ? Какой-нибудь пусть даже самый тайный и запрещённый?

— Ты *какой такой* семье решил помочь? — ухмыльнулся Исаков. — Уже семьёй успел обзавестись за эти пять дней, а? Уже детей наклепал, да?

Исаков принялся многозначительно мне подмигивать, но, заметив выражение моего лица, слегка кашлянул и заговорил уже серьёзным голосом.

— Ладно. Всё, что ты можешь, — это искренне пожелать им любви.

— Пожелать... *любви*? И всё?

— Всё.

— Это слишком долго и не то. Нужно что-нибудь побыстрее и более действенное, слушай же меня.

— Всё верно, — вздохнув, сказал Исаков. — Для того чтобы любить, нужны время и мудрость. А у современного человека нет ни того, ни другого.

После чего, задвинув системный блок подальше под стол, он добавил:

— Побыстрее — только письмо Дьяволу.

— Дьяволу?

— Ну да. Пишешь, чего хочешь, всё что угодно, а взамен предлагаешь свою душу. В конце обязательно расписываешься кровью.

— И это правда может помочь?

Исаков вдруг громко рассмеялся. Так, как смеются одинокие люди. Получив момент для проявления своего смеха, они неосознанно стараются за раз высвободить те залежи, которые на протяжении долгого времени оставались не опорожнёнными.

— Дурень! — хохотал он. — На кой чёрт тебе все эти дары Дьявола, если ты отдашь ему потом самое ценное — свою душу?

Исаков всё смеялся, а я молча лёг на свободную кровать с таким видом, будто уже и забыл, о чём мы говорили. Не то пристанет со своей моралью — долго потом не отвертишься.

А в голове уже постепенно складывался текст.

*

На выезде из города образовалась пробка. Автобус с трудом пробирался по дороге, заливаемой дождём. Вскоре он выехал к мосту, за которым начинались огромные загородные поля.

Я понимал, что только наблюдение размытого пейзажа из окна помогал хоть как-то сдерживать ту внутреннюю бесконечность внутри меня. Бесконечность, что уже прорывалась к своему выходу, готовая разорвать меня. Осознание вины за чужую смерть и желание исправить это собственной смертью уже грезилась не на горизонте, но за ближайшим поворотом. Сейчас, как никогда, я понимал, что час расплаты неизбежен.

Один мой мысленный слой искал спасение в переоценке происходящего.

Второй — усиливал напряжение и поторапливал ситуацию скорее разрешиться, и с как можно более жуткими последствиями.

Третий — нейтрально посмеивался, как посмеиваются люди над поскользнувшимся человеком.

Четвёртый...

А хотя чёрт с ними со всеми, подумал я! Скоро они все сдохнут. Всех этих червей внутри меня не станет! Ещё чуть-чуть. Вот уже и мост проехали.

Длинный мост вскоре остался позади, и открылся простор полей. Дождь заливал как мог. Я думал о её письме, которое было закопано около пещеры, и заклинал Вселенную, чтобы оно не промокло.

Справа пронёсся рекламный щит с изображённым мужским гелем для душа, белая надпись на чёрном:

а ТЫ отмылся от своих грехов?!

— Как раз на пути к этому, — вздохнул я.

Хоть и ощущая непомерное напряжение в теле, я старался держаться спокойно: дышать ровно, плечи расправить. Всё нормально, убеждал я себя. Подумаешь, умирать еду.

Конечно, это только сейчас, пока я ещё находился в автобусе, окружённый людьми, голосами, только сейчас и только всё это позволяло мне сохранять спокойствие. Но там... там, я был уверен, всё будет иначе.

Я ещё раз убедился, что в кармане рубашки лежит листочек бумаги. Пока Исаков ходил за пирожками в кафе, нашёл у него бумагу с ручкой. И, стараясь внятно и коротко передать свою мысль, написал следующее:

Моё почтение, Дьявол!

Меня зовут Роман Советский. Сразу к делу. Я очень прошу тебя помочь семье Громовых — Нике и её матери — из села Южное Залиново. Пускай они, наконец, получают хорошее новое жильё, а также средства к нормальному существованию. Сделай, пожалуйста, так, чтобы у них всё стало действительно хорошо. Чтобы мать поправилась. И чтобы Ника больше не чувствовала себя ни в чём виноватой. Её детство было не из идеальных.

В качестве платы я полностью предоставляю в твои владения свою душу — чрезвычайно грешную и прогнившую.

Делай с ней всё, что пожелаешь.

Мне она больше не нужна.

Подписывать кровью в комнате Исакова не стал: решил сделать это около пещеры. Чтобы потом в неё же письменную просьбу и выбросить. Если Дьявол где и обитал, то, пожалуй, только там.

Перечитав ещё раз своё обращение, я убрал его в карман. Через несколько минут появился Исаков. Он вошёл в комнату и положил мне на кровать полиэтиленовый пакетик с несколькими пирожками.

— С картошкой, — сказал он. — Вкуснятина.

— Слушай?

— Чего?

— У тебя всё получится.

— Чего?..

Я встал и подошёл к Исакову, который с набитым ртом замер в центре комнаты.

— Ты особо не переживай, что иногда у тебя что-то не получается. Ты делаешь благое дело. Для всей планеты. И однажды у тебя обязательно всё получится.

Исаков несколько мгновений с раскрытым ртом глядел на меня недоумёнными глазами. Потом разжевал пищу, проглотил и произнёс:

— А я знал! Знал, Роман, что ты в душе тот ещё добряк! — Он широко улыбнулся, правда, через несколько секунд стал серьёзным. — И почему мне кажется, что ты что-то задумал?.. Что-то не очень хорошее. Это правда?

— Есть такое.

— И, наверное, мне тебя уже всё равно не остановить?

— Даже не пытайся.

Исаков помолчал несколько мгновений.

— Тогда можно я тебя обниму? По-братски?

Я удивлённо взглянул на высоченного Исакова.

— Ну... ладно...

Исаков обвил мою спину руками и крепко обнял.

— Спасибо тебе, Роман.

— И тебе...

Я взял ветровку и направился к двери.

— А сумка? — спросил Исаков.

— Пускай у тебя побудет...

— Ты ещё вернёшься?

Я открыл дверь и на мгновение замер. И перед тем как выйти, коротко произнёс:

— Свети, Исаков. Свети...

Автобус всё ехал по трассе, заливаемой дождём. Я смотрел в окно: сотни машин ползли по направлению к городу.

Вскоре мы остановились — пробка из-за какой-то аварии. Я пригляделся: на противоположной стороне дороги в овраге лежала перевернутая синяя легковушка. Неподалёку, на обочине, стояла здоровенная фура с помятым бампером. Она-то, наверное, и протаранила бедолагу, выскочившую, по всей видимости, на встречную.

Я снова бросил взгляд в овраг. Изнутри перевернутой машины по растрескавшемуся лобовому стеклу была обильно размазана кровь, будто внутри салона произошёл сильный взрыв. Без сомнений — смерть...

Наконец наш автобус миновал место аварии. В окно вернулся привычный блеклый пейзаж. Через минут десять доехали до Верхнегорского моста. Дождь не переставал. Я вылез из автобуса, натянул капюшон толстовки и двинулся к большим каменным валунам, что располагались неподалёку. Не доходя до них, наклонился к земле и стал выкапывать конверт. Хорошо, что закопал глубоко. Иначе бы точно промок.

Когда потемневший из-за контакта с землёй конверт оказался в моей руке, я подошёл к той самой дыре в камнях. Капли дождя летели в эту пропасть, смешиваясь внизу с мощным потоком воды. Её уровень заметно увеличился по сравнению с прошлым разом. И течение стало ещё агрессивнее. Настоящий ад.

Я тяжело вздохнул и припал на колени. Сняв ветровку и толстовку, бросил их куда-то в сторону. Сначала нужно разобраться с письмом Дьяволу, решил я. И, оставшись в одной рубашке, раскровил палец маленьким острым камнем и, сделав красное пятно в конце своей просьбы, поднял бумажку над пропастью и разжал пальцы. Мгновение — и она скрылась в черноте.

Потом, нагнувшись, чтобы дождь не намочил выкопанный конверт, вынул из него несколько сложенных пополам листов бумаги. *Письмо моей матери.* Матери, которую я искал столько времени. И вот, всё, что нашёл, — несколько исписанных белых листочков.

Что ж.

Пора.

Мой дорогой Роман.

Сынок...

Если ты читаешь это письмо, значит, я писала его не напрасно. Сейчас я не знаю, спустя сколько времени оно попадёт тебе в руки и попадёт ли вообще, но считаю нужным написать тебе несколько строк. Несколько строк вместо целой жизни рядом с тобой... это ничтожно мало, знаю. Знаю и страдаю из-за этого.

Наверное, было бы справедливее, если бы ты, не читая, сразу же разорвал это письмо. Я бы поняла тебя. Пусть моим ничтожным словам будет поделом.

Однако если ты всё же когда-нибудь примешь решение прочесть его, я хочу рассказать о том, что ты, возможно, всегда хотел знать. О том, как вышло, что ты оказался без родителей... Это уже ничего не изменит, знаю. Но зато хоть какая-то крохотная частичка моей души сможет выдохнуть свободно. Пожалуйста, позволь мне только поведать всю правду. И потом можешь стереть меня из своей головы. Меня, проклятую женщину, оставившую тебя...

Начну с того, что с самого моего детства у меня была только одна мечта — стать актрисой и сниматься в кино. Возможно, кто-то может подумать, что это глупая мечта каждой девочки. Но для меня это действительно было целью всей жизни.

В 1990-м году мне, девятнадцатилетней девушке, выпала возможность поехать в Москву и попробовать себя на немногочисленные роли. Так, летом того же года, к своему огромному изумлению я была принята на главную роль в фильм одного очень талантливого режиссёра. Картина носила название «Игры с дождём». Не знаю, может быть, ты когда-нибудь слышал о ней или даже смотрел её... Так вот, Роман: главную роль в нём сыграла я. Но всему этому предшествовало немало событий.

Когда меня приняли на главную роль, сразу же нашёлся актёр и на главную мужскую роль. Мало того, что мы с ним должны были играть влюблённых друг в друга, так между нами действительно завязался роман.

И всё последующее время мы проводили уже вместе. Это было время непринуждённости и свободы. Время счастья и смелых надежд.

Однако вскоре выяснилось, что съёмки фильма отменяются из-за отсутствия финансирования. И было совершенно неизвестно, когда они возобновятся. Помню, в тот момент у меня буквально земля ушла из-под ног. Словно сговорившись, неприятности перемещались с одного на другое. Остаться в Москве для меня стало затруднительно, и совсем скоро я приняла решение уехать обратно. Я вернулась в свой город точно такой же девицей, какой и уезжала в попытке устроить свою жизнь по велению мечты. С одной лишь только разницей: теперь я была беременной. Об этом я узнала сразу по приезду.

Шли месяцы. В конце февраля 1991 года мне неожиданно позвонили из Москвы и сообщили, что съёмки возобновляются и что мне нужно срочно отправляться на длительную и масштабную подготовку к фильму. Вдобавок некоторые его сцены планировалось снимать уже в самое ближайшее время — в зимний сезон, пока не растаял снег.

Я не знала, что сказать в трубку. До сих пор помню, как сжимала её в руках и не ощущала под ногами твёрдости. С трудом произнесла, что мне нужно время для решения. Они дали мне неделю.

Наступил март. Я уже была на последнем месяце беременности, и на свет появился ты, сынок... Я назвала тебя Романом. И даже таким крошечным ты был очень похож на своего отца.

В Москве все ждали от меня окончательного ответа, буду ли я играть главную роль в «Играх с дождём». Нужно было решаться. Да или нет. Быть моей карьере актрисы — или не быть.

Много сил я потратила в те дни, пытаясь разобраться, что же мне нужно... Ох, сколько бессонных ночей и душевных мучений. Ехать вместе с тобой, только что родившимся, было невозможно. Ведь съёмки намечались в далёкой деревне и на неопределённый для меня срок. И рядом не было никого, кому бы я могла тебя оставить. Я сирота, сынок. Всю свою жизнь была одна. И одна же осталась перед этим сложнейшим выбором.

Настал крайний срок. На следующий день мне нужно было либо отправляться в Москву, либо, пожалуй, навсегда остаться здесь — вдали от дела всей своей жизни. Если не поеду, беспокоило размышляла я, — это поставит крест на моей мечте. Такой шанс выпадает юным актрисам один

на миллион. А ребёнок... ребёнок в этом деле только обременяет, сковывает возможности.

Что было дальше, ты знаешь сам.

Я не сообщала твоему отцу, что весь свой отъезд жила беременной. Хотя и думала ему позвонить. Мне казалось, что съёмки фильма уже никогда не возобновятся и что с ним мне уже никогда не увидаться. Не сделала я этого и когда вернулась в Москву. Мне и подумать о содеянном было жутко, не то что кому-то рассказывать, пусть даже и твоему родному отцу. Я решила, что если уж раньше ничего не сказала, то и теперь буду молчать.

Вот так я и стала вливаться в рабочий процесс. Старалась не думать обо всём этом. Отгоняла от себя все плохие мысли надеждой, что настанет день, и я непременно верну тебя. Только пусть закончатся съёмки — и обязательно верну.

Но прошёл год, а я так и не осмелилась. Мне было страшно смотреть в глаза людям, которые работали в доме ребёнка. Было страшно от одной мысли, что и другие могут узнать, что я, молодая актриса, совершила такой ужасный грех. К тому же мне казалось, что заберу я тебя обратно, то с годами ты бы меня возненавидел, ведь однажды всё равно бы узнал правду. Правду, что я взяла и бросила тебя. А это стало бы ещё больнее. Больнее той ужасной боли, что уже всё это время сидела внутри меня.

Наш фильм стал успешным. Его высоко оценили критики, даже за рубежом. Мне и твоему отцу стали предлагать роли другие режиссёры. Тогда-то между нами отношения и ослабились. Он купался в славе и наслаждался этим, а я не знала, куда себя деть от того, что совершила.

Вскоре я абсолютно ясно поняла, что больше не смогу играть в кино. Не смогу ничему радоваться. Я наконец в полной мере осознала, насколько ужасную совершила ошибку. Из-за всего этого я стала закрытой, неразговорчивой. А через какое-то время и вовсе решила снова уехать из Москвы. Меня долго отговаривали, но моё решение было окончательным.

С того времени я жила недалеко от тебя, сынок. В одном городе. Валерий, мой друг с детства, старался меня поддерживать. Однажды даже предложил выйти за него замуж, но я отказалась. Не видела в этом смысла. Ни в чём его не видела...

Через несколько лет я узнала, что больна. У меня начались сильные боли в груди, продолжавшиеся все последующие годы. И только сейчас я понимаю

их истинную причину... Роман, я пишу тебе это письмо в ту минуту, когда могу с полной уверенностью заявить, что мои дни сочтены. Это моё наказание, сынок. И я с ним полностью согласна. Ведь до сих пор мне снится, как я оставляю тебя, спящего, с сосочкой, на крыльце того ужасного здания... До сих пор вскакиваю в слезах. Не было дня, чтобы я не жалела о содеянном.

Я знаю, что это такое — жить в уютских стенах почти с самого рождения. Я осталась без родителей в два года и тоже оказалась в специальном учреждении. Наверное, поэтому так и не научилась ценить самое важное — родных людей. Ведь у меня их никогда не было. Ты — мой первый родной человек за всю мою жизнь. И я тебя бросила...

Никогда себя не прощу.

Даже несмотря на то, что знала, что тётя Клара приходит мыть полы ранним утром. Она очень любила меня, когда я жила в доме ребёнка. Я пробыла в нём целых пять лет из-за проблем со здоровьем, и именно тётя Клара часто после выполнения своей работы приходила ко мне и ухаживала за мной, играла, разговаривала, подбадривала.

Став постарше, я стала навещать её на работе. Мы очень тепло общались. Так что я хорошо знала, во сколько именно она приходит на свою смену, как всегда сначала идёт попить чаю. Знала, что она, конечно же, заметит в окно идущую к крыльцу женщину с ребёнком. Знала, что сразу же выбежит, увидев происходящее...

Именно поэтому в тот день я надела длинное пальто и большую шляпу, прикрывавшую лицо, — только бы тётя Клара меня не узнала. Не узнала, что это именно я творю такой ужас. Сама всю жизнь прожила без родителей — и сама же бросаю своего ребёнка. На это у меня нет слов. Только слёзы. Но их в письмо не вложишь...

Сынок.

Прости меня. Прости, умоляю. И не держи зла. Я ведь этого совсем не стою, поверь. Я не достойна даже одной твоей маленькой мысли обо мне. Пожалуйста, сынок, живи своей жизнью.

Я знаю, ты очень умный и хороший человек. И знаю, что ты очень любишь читать. Однажды я всё же набралась храбрости навестить тебя. Узнав, что ты в библиотеке, я спустилась туда. Ты сидел у окна и внимательно читал книжку. И Боже, каким же ты был красивым в ту минуту! Расплакавшись, я сразу же убежала. Ты меня не заметил, и слава

Богу! Слава Богу, потому что я не посмела бы заглянуть в твои глаза. Я не достойна жизни. И не имею права более омрачать твою собственную.

Прости за то, что лишила тебя простой человеческой жизни. Виновата в этом только я. Искренне надеюсь, что ты сможешь уберечь себя от обиды на меня. Обида — это мой удел. Обида на саму себя. И за неё я уже поплатилась сполна.

Я прикладываю к этому письму свою фотографию. Здесь я в тот самый период съёмок «Игр с дождём». Взгляни на меня, ещё молодую, взгляни в мои глаза — и ты увидишь в них всё. Уже тогда в них отражалась вся трагедия моей жизни.

Сынок...

Я знаю, что время уже не вернуть. И ничего не изменить. Но знай одно. Я всегда любила тебя. Не думай обо мне всегда плохо. Я этого совсем не стою, поверь. Просто будь счастлив сам. Пожалуйста, Роман. Будь им.

Умоляю.

*С вечной любовью,
Светаева Софья Сергеевна
— твоя мама*

[25]

— А теперь? Теперь всё вспомнил? — с трудом доносился голос Евы сквозь шум ливня.

Я, замёрзший и не в силах шелохнуться, стоял снаружи ямы — на земле, затопляемой холодной водой. Дождь лил с ужасающей силой. Потемнело. Море уже проглотило берег и постепенно подбиралось к яме. Приходящая вода была нам уже по щиколотку.

Остров погибал.

Близился мой конец света.

— На фотографии была ты... — произнёс я, и в следующее мгновение молния яркой вспышкой разрезала небо на две половины. — В красном сарафане... Это твоя фотография...

Ева печально улыбнулась. Её лицо покрывали многочисленные струйки воды, сарафан полностью промок и потерял всякий цвет: он облегал её тело,

и живот, огромный живот, в котором ютилась жизнь, теперь выступал как никогда раньше.

Я пристально глядел в её мокрое лицо и из глаз моих потекли слёзы.

— *Так, значит, это ты — моя мама?* — вымолвил я.

Ева ничего не ответила, продолжая с грустью глядеть на меня.

— Я спрашиваю: *ты — моя мама?*

— Это твой третий вопрос, Роман... — ответила она.

Затем подошла ближе и, поцеловав меня в щёку, произнесла:

— И ты уже сам знаешь на него ответ.

Сделав шаг назад, она подняла на меня свои глаза и прошептала:

— Прощай.

— Нет! — Я резко схватил её за руку. — Нет, только не уходи!
Останься!

— Отпусти, Роман... Мне больно...

— Нет! Теперь я никогда тебя не отпущу!

— Я должна уйти... Ты должен отпустить меня. *Пришло время петь твоим слезам.* Допой вместе с ними эту песню до конца.

— Я не отпущу! Нет! Я хочу быть всегда с тобой!

Ева, плача, старалась выбраться из моей крепкой хватки.

— Твоё время пришло, Роман!.. — кричала она. — Пойми это!.. Дождь пришёл за тобой! — И от бессилия она принялась ударять меня руками по лицу.

В это время, я заметил, вода уже начала стекать в яму. Ещё немного — и остров полностью исчезнет. От этого я ещё сильнее схватил Еву за руку. Она — последнее, что у меня было... И отпусти я её — остался бы один на один со своей смертью.

Ева, отчаянно пытаясь вырваться, воткнула палец в мой левый глаз. Я закричал от боли. В это время она укусила мою руку, державшую её, и освободилась. Поскольку бежать было уже некуда, она обогнула яму и замерла на другой стороне.

Я тут же кинулся за ней, но вдруг обо что-то споткнулся и упал. Взглянув себе под ноги, я поledenел.

Тело.

Мёртвая девушка в белом платье.

Виктория...

Она смиренно лежала у ямы, точно как в тот день после морга. Вода постепенно окутывала её.

— Нет... — выдохнул я, судорожно отползая от неё. — Нет... нет... нет...

Я с трудом поднялся на ноги и бросился вдоль ямы за Евой. Она в страхе убегала от меня. Из-за сильной боли в левом глазу и прихрамывания после падения у меня не получалось её догнать. Не получалось ухватиться за последнюю ниточку в этом хаосе... Погоня напоминала бескончаемый круговорот. Труп Виктории по-прежнему лежал на этом пути, и его постоянно приходилось опасно оббегать.

Вскоре я остановился. Согнувшись, глотал воздух. Меня и Еву разделяло около двух метров глубокой ямы. Я поднял голову и посмотрел на неё. На мою маму...

Была не была.

И, чтобы не терять времени, прыгнул без разбега. Нога в самый последний момент соскользнула, и прыжок не получился. Я врезался грудью в самый край ямы и, сощурившись от боли, повис на локтях.

Ева осторожно приблизилась ко мне. Я с трудом различал её лицо сквозь дождевые струи. Присев на колени, она произнесла:

— *Время отдавать долги...*

— Нет! Нет... Дай мне руку! Дай мне руку, Мам... Пожалуйста... Мама... помоги же мне! Я сейчас упаду!

Несколько секунд она напряжённо глядела на меня. Затем протянула руку. Я ухватился за неё, и мне удалось выбраться.

Громко откашливаясь и держась за грудь, по которой словно проехал поезд, я снова посмотрел на неё.

— Останься... — еле дыша, выговорил я. — Прошу, не оставляй... Только не оставляй... Мне одному плохо, пойми.

Ева, плача и дрожа, неуверенно шагнула ко мне. Я не шевелился, продолжая откашливаться. Я почувствовал у себя на голове её ладонь. Она подошла ещё ближе. И аккуратно приподняв мою голову, посмотрела мне в глаза.

— Прости меня, Роман...

И крепко обняла меня.

Я заплакал.

— Мама...

Сжимая руки за её спиной, я плакал и целовал её лицо.

Затем она чуть отступила и, взглянув мне в глаза, прошептала:

— Прости меня, сынок...

И в следующее мгновение что-то произошло.

Я падал.

Приземлившись на дно ямы, моё тело тут же парализовало. От случившегося я даже не успел вскрикнуть от боли.

— Что... ты... дела...ешь... — хотел сказать я, но голос срывался. — Зачем?.. Не ух...ди. Только не ух...ди, про...шу. Не... делай этого сно...ва! Останься!..

Слёзы лились из моих глаз. Я не мог ничем пошевелить. И вскоре ощутил, как по лицу течёт что-то кроме воды. Что-то тёплое и густое. Кровь.

С землёй вокруг меня тоже стало что-то происходить. Из неё начали выползать огромные черви. Нет, не черви. Руки. Человеческие чёрные руки прорастали из почвы и обвивали меня, словно те самые черви, и до боли, ледяной хваткой стягивали всё тело. Я принялся извиваться, безуспешно пытаюсь сбросить их с себя. Когда я с трудом повернул голову на несколько сантиметров, то осознал, что лежу в яме не один.

Виктория.

Её застывший бескровный труп лежал рядом со мной. Лицом к лицу. Широко раскрытые глаза были направлены прямо на меня.

— Мама... — задрожали мои губы. — Мама... Вер...нись... Я умоляю... Не ос...тавляй меня одного, не ос...тавляй... Умоляю, вер...нись!..

Но наверху никого не было.

И я понял, что это конец.

Вода всё пребывала, обильно наполняя яму. А я не мог даже пошевелить рукой. Лишь из последних сил пытался кричать. Но грохот падающей воды и раскаты грома глушили все мои звуки на корню.

Нет.

Так не может всё закончиться.

НЕТ!!!

— Мама!.. — прохрипел я, рыдая. — *МАМА!*

Обвивающие чёрные руки уже разрывали меня. Они пробились в моё тело, разорвав плоть, и теперь перебирали ледяными пальцами и сдавливали внутренние органы. От боли я начинал терять сознание...

Вдруг перед глазами, где-то наверху, что мелькнуло. Бабочка. Моя бабочка... Она летала передо мной и, пожалуй, была единственной, что я ещё различал. Всё остальное смешалось в один Громыхающий Титанический Конец. И вот лишь эта крошечная бабочка, живая, размахивающая крылышками, порхала надо мной, словно последняя поддержка...

Прощай, бабочка.

Мы с тобой *слишком* черны для этого мира. Мы *слишком* другие. Наверное, сюда мы попали по какой-то ошибке. Но это не важно. Важно, что мы всегда можем с этим что-то сделать. А именно — уйти.

Прощай.

Прольём последние слёзы. Все. До конца. И будет после нас водная бездна. Эйрена. Мир, поглощённый водой... И не останется ни малейшего осколка, лоскутка памяти, напоминавшего о нас с тобой. Мы с тобой конечны, как размеры этого островка. И однажды всё заканчивается. *Всё*. Вот и наша с тобой очередь подоспела.

Прощай, бабочка.

Мы с тобой *слишком* невозможны для этого мира. А может, это он сам невозможен для нас. Но сейчас нет смысла более об этом рассуждать.

Воды всё больше. Остров погибает. Мой личный Эдем... Он тонет. И забирает с собой всё, что было. Всё.

Пришло время отдать долги.

Я готов...

Готов.

Прости меня, Виктория.

Умоляю, прости меня. Если бы ты знала, как я раскаиваюсь, если бы ты только знала...

И моя мама — она тоже раскаивалась с такой же силой. Теперь я это понимаю. Но только... она не смогла простить себя.

Значит, я сам...

Я прощаю тебя, Мама.

Мам, слышишь? Я люблю и прощаю тебя. Я не держу на тебя зла — и отпускаю тебя.

Я прощаю планету Земля, какой бы она ни была.

Я прощаю всю-всю Вселенную.

И самое главное...

Я прощаю самого себя.

...Земля подо мной задрожала. Я чувствовал, как она пришла в движение, передавая его мне. Холодная вода всё топила яму, но я был уверен, это не она поднимает меня.

Кажется, *сама земля* выталкивала меня вверх...

Я чувствовал невыносимую боль в спине. Чувствовал, как кровь течёт по всему лицу и затекает в рот. Как на глазах больно разбиваются огромные дождевые капли. И всё это — в сопровождении страшнейшего громахания, доносившегося откуда-то из недр земли...

Это был мой конец.

Я закрыл глаза.

Наступила темнота.

Внезапно, в этой окружившей меня тьме, мне вспомнилась песня. Та самая, которую напевала Ева и которую я никак не мог вспомнить. А ведь я так часто пел её про себя в детстве, когда мне было страшно. Эх, мои некогда любимые четыре строчки...

И я принялся напевать эту песенку теперь. Тихо. Хрипя. Захлебываясь водой и собственной кровью. Не в силах перекричать весь этот шум, с которым умирало всё вокруг, я напевал эти чудесные четыре строчки, дарившие мне когда-то давно успокоение и надежду — то, в чём я нуждался больше всего. То, в чём однажды нуждается каждый. И эти строчки всегда волшебным образом исцеляли меня. Так пускай, решил я, ими теперь всё и закончится. Это будет моё последнее послание миру. Моё последнее издыхание. Мой самый последний зов...

Пусть всегда будет Солнце!

Пусть всегда будет Небо!

Пусть всегда будет Мама!

Пусть всегда буду Я!!!

— Эпилог —

— Эй, ты живой? — спросил мужской голос.

Я попытался приоткрыть глаза. Тёмное пасмурное небо. Дождь вроде перестал.

— Кажись, живой, — продолжал тот же голос.

Тут я почувствовал на себе чьи-то руки. Они обхватили и втащили меня в маленькую деревянную лодку. Удочка, снасти, ведро с водой...

— Спортсмен, что ли? — всё говорил голос.

С невероятным трудом я повернул шею. Старик с короткой белой бородой, одетый в дождевик.

— Ёлки зелёные! Нашёл, блин, когда плавать! — сказал он. — Такой ливень хлестал.

Я облизал сухие губы и, еле шевеля ими, проговорил:

— А вы тогда зачем рыбачите, раз ливень?..

Старик заметно удивился.

— Да ты, значит, вполне себе живенький, здоровенький?! — улыбнулся он. — Так это ж традиция моя. После дождя лучше клюёт. Не знал? Я уж лет шестьдесят так хожу.

Старик взялся за вёсла и погрёб к берегу. Я лежал в лодке и смотрел в небо. Из-за непроницаемых туч невозможно было понять, утро сейчас или вечер. И не понять было, где мост и пещера. Видимо, где-то очень далеко...

Старик помог мне выбраться на берег. Я дал ему знак, что дальше сам. Однако только сделал шаг, тут же рухнул на землю. Старик помог мне подняться. Мы находились в каком-то лесу у Верхнегорской реки. Неподалеку, около деревьев, стояла белая «Нива».

— Больше лить не будет, — посмотрев вверх, проговорил старик, и убрал полиэтиленовый навес, под которым лежали дрова. Затем он разжёг костёр, взял из машины большой походный рюкзак и уселся рядом со мной.

— Такую рыбу я сегодня точно не ожидал поймать! — весело усмехнулся он. — Ну, ничего! Мы тебя сейчас согреем. У меня и водка есть. Сейчас-сейчас. У тебя всё лицо в крови. Разбился о дно, что ли? — Старик вынул бинт и стал им обматывать мне голову. Я сидел и молча смотрел на огонь. — Думается мне, что ты не спортсмен никакой. Что за конверт-то у

тебя в руке? Из-за девушки, что ль, в реку бросился? Вон как голову разбил. Ох, молодёжь нынче чувствительная! Вот мы в наше время...

— *Ваше время ушло*, — перебил я его, сам того не осознавая.

Старик замолчал. Закончив с моей головой, он налил в пластиковый стаканчик водки и протянул мне. Я отрицательно покачал головой, продолжая глядеть на пламя.

— Наше-то — ушло, ну а ваше что? — надувшись, проговорил он. — Ваше даже и не начиналось! Да разве вы живёте сейчас, молодёжь? Разве это жизнь у вас? Чушь какая-то, а не жизнь! Не-е-т... Ваше время ещё впереди.

Старик посмотрел на водку в руке как на что-то требующее незамедлительного разрешения.

— Мы — те, кто постарше — родом из другой страны, — говорил он. — Из той страны, которой уже никогда не будет. И наше время, пожалуй, ушло, это верно. Но мне, вот, как-то всё равно. Я всё такой же рыбак, несмотря ни на что. И люблю своё дело. Если мне запретят ловить рыбу в этой реке, буду искать другую. И никакой дождь меня не остановит. Я буду рыбаком в любом случае. А иного пути и нет. Либо ты тот, кем на самом деле являешься, либо — никто. Так что всё зависит от самого человека.

Старик, будто обидевшись, махнул рукой и сам опустошил предложенный им стаканчик. А я продолжал смотреть на огонь, дрожа от холода и жара одновременно.

— Можете отвезти меня? — спросил я.

— Да отвезу, чего уж там... — сказал старик. — Куда тебе?

Я посмотрел на него, но тут же отвёл глаза. Затем медленно поднялся на ноги и подошёл к реке.

— Так куда везти-то? — повторил старик.

Я снова не ответил.

И, присев, опустил смятые и уже разлагающиеся из-за влаги конверт, несколько листочков и фотографию в воду. Течение тут же подхватило их и понесло куда-то влево. Я неотрывно глядел, как они отдаляются от меня, уменьшаются, пока совсем не исчезли.

И правда, куда?

— Я не знаю, — ответил я. — Мне некуда идти. У меня ничего нет.

— Сбежал из дома, что ли?

— У меня нет дома.

— Как это «нет дома»?

— Я же сказал. Мне некуда идти. У меня ничего нет.

Старик какое-то время молчал.

— Ну что же, — заговорил он. — Тогда интересно у тебя всё получается, парень. Появился откуда ни возьмись — прямо из реки. И теперь — некуда идти. Прямо-таки идеальная возможность начать всё с начала, а? Не думаешь? С чистого листа. Раз тебе некуда идти, и ничего у тебя нет — значит, ты без хвоста. И ничто тебя не может потянуть назад. Считай, заново родился. Снова чистый и невинный, как младенец!

— *Невинный...* — повторил я тихо.

— Ага! — отозвался старик.

«Прямо как говорил Исаков... — подумал я. — Сейчас новые поколения больше чем когда бы то ни было имеют возможность разглядеть истину, ведь их сегодня уже мало что сковывает. Их не так сильно тянет назад, к старым устоям и ограничениям. Сейчас они особенно «чисты», открыты и способны разглядеть главное...»

Но вот только где это *главное*?

Где оно?

Я снова повернулся к реке и в следующую секунду меня вырвало.

Старик захохотал:

— Рождение — дело непростое. Но ничего! Скоро станет полегче.

Спустя несколько минут с прежней весёлостью он спросил:

— Ну что, новорожденный? Если некуда идти, то ответь хотя на такой вопрос: чего хочется-то?

Я задумался. А затем произнёс:

— Светить.

— Светить? — удивился старик.

— Светить для других. Таких же, как я.

— Таких же, как ты?

— Потерянных в себе. Во всей этой окружающей путанице. В этом непредсказуемом мире. Светить и напоминать им, что не всё так плохо.

— Странный ты какой-то... — Старик прищурился. — Но вещи говоришь интересные. А родители-то у тебя есть?

— Родители? — переспросил я. Это слово для меня было настолько странным и непонятным, что мне показалось, что я ослышался.

— Да, родители. Мама и папа есть?

— Мама... её больше нет... А папа... возможно, ещё есть.

— Хм... И где же он?

— Я не знаю.

— А кто знает?

— Не знаю, кто знает...

— И что, тебе неинтересно, кто он и где он?

Я снова задумался. А потом тихо сказал, будто сам себе:

— И правда... наверное, неплохо бы теперь найти отца.

Произнеся это, я внезапно начал делать то, что мне было совершенно не свойственно.

Я начал смеяться.

Вначале тихо, просто усмехнулся, но с каждой последующей секундой смех мой усиливался, пока я не принялся хохотать, как душевнобольной. Да что там! Ведь я им и был! Икая, содрогаясь от боли и истекая кровью, хохотал я, не в силах прекратить это. О, Боже! Как же давно я так громко и по-настоящему не смеялся!

Старик, потрясённо глядя на меня, вдруг тоже не выдержал — и подключил свой бас. И вскоре мы уже вдвоём хохотали так, что, наверное, было слышно за много километров отсюда.

Я совершенно чётко вспомнил весь свой жизненный путь. До этого самого момента. Вспомнил — и вдруг будто увидел весь замысел этого пути: *а ведь всё это не просто так! ВСЁ ЭТО НЕ ПРОСТО ТАК!*

От этого мгновенного, но всеобъемлющего озарения мне внезапно стало так светло, легко и радостно на душе, что я никак не мог перестать смеяться.

Какой замысел! Какая картина, всегда воспринимавшаяся мной исключительно лишь как мой, отдельный от всех жизненный путь. Как путь отдельной единицы Бытия.

Но ведь я — часть!

Часть этого мира!

И кто знает, может, суть этой сложной и наполненной всеми возможными красками картины, включающей в себя абсолютно все жизни на планете Земля и не только, действительно излагается одной очень простой и короткой фразой:

Вселенная не создала бы нас, если бы всё было настолько плохо.